ДЭШИЛЛ ХЭММЕТ

МАЛЬТИЙСКИЙ СОКОЛ

THE MALTESE FALCON

Мальтийский сокол

Дэшил Хэммет

Аннотация
Дэшилл Хэммет. Мальтийский сокол
Глава 1. Детективное агентство «Спейд и Арчер»
Глава 2. Смерть в тумане
Глава 3. Три женщины
Глава 4. Черная птица
Глава 5. Левантиец
Глава 6. Шпик-недомерок
Глава 7. Буква «Г», начертанная в воздухе
Глава 8. Бред сивой кобылы
Глава 9. Бриджит
Глава 10. Диван в «Бельведере»
Глава 11. Толстяк
Глава 12. Карусель
Глава 13. Императорский подарок
Глава 14. «Ла Палома»
Глава 15. «Каждый псих на городском жалова-нии…»
Глава 16. Третье убийство
Глава 17. Субботний вечер
Глава 18. Козел отпущения
Глава 19. Русский след

Глава 20. Если тебя повесят

Аннотация

Сэм Спейд и его партнер Майлз Арчер – владельцы частного детективного агентства в Сан-Франциско. В один из дней к ним обращается очаровательная мисс Уондерли с просьбой найти ее младшую сестру, которая сбежала с мужчиной. Казалось бы, безобидное расследование приводит к самым неожиданным результатам. Уже на следующую ночь после начала поисков девушки погибают двое: один из них – Арчер, с женой которого у Спейда роман. Затем к Спейду приходит какой-то тощий тип и предлагает ему пять тысяч долларов за редкую статуэтку мальтийского сокола, которая, как он уверен хранится у Спейда. Вскоре становится ясно: эти два дела связаны, а мисс Уондерли не та, за кого себя выдает.

Дэшилл Хэммет
Мальтийский сокол

Dashiell Hammett
The Maltese Falcon

© Калявина Е., перевод на русский язык
© Калявина Ю., перевод на русский язык
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Глава 1. Детективное агентство «Спейд и Арчер»

Нижняя челюсть Спейда была костистой и вытянутой, подбородок заглавной латинской «V» выпирал под более округлой строчной «v» рта. Ноздри, вырезанные треугольником, образовывали еще один вариант той же литеры, но меньшего размера. Желто-серые глаза суживались до двух черточек. V-образный мотив повторяли клочковатые брови, поднимавшиеся от двух вертикальных складок над крючковатым носом, и светло-русый клинышек волос надо лбом, обрамленный парой залысин над висками. Словом, этакий Мефистофель с поправкой на блондинистую масть.

— Да, радость моя? — обратился он к Эффи Перин — длинноногой, загорелой девушке в коричневом платье из тонкой шерсти, которое облепило ее фигуру, точно мокрое. Ее карие глаза задорно сверкали на мальчишеском личике.

Эффи закрыла дверь поплотнее, прислонилась к ней спиной и сказала:

— К тебе девушка. Назвалась Уондерли.

— Клиентка?

— Думаю, да. Тебе в любом случае стоит на нее посмотреть — сногсшибательная красотка.

— Сию минуту тащи ее сюда, дорогая, — сказал Спейд. — Сию же минуту.

Эффи снова открыла дверь, проследовала за ней в приемную и, не выпуская дверную ручку, пригласила:

— Прошу вас, мисс Уондерли.

Чей-то голос произнес «Спасибо» так тихо, что разобрать можно было только благодаря отличной дикции говорившей, и на пороге появилась молодая женщина. Медленно, даже опасливо, она подошла ближе, глядя на Спейда кобальтово-синими глазами — застенчиво и в то же время испытующе.

Она была высокой и прекрасно сложенной — в гибкой ее фигуре не было ни малейшего намека на угловатость. Красивая осанка, высокая грудь, длинные ноги, узкие ступни, изящные запястья. Одежду она выбрала двух оттенков синего — явно под цвет глаз. Выбивающиеся из-под синей шляпки темно-рыжие кудри, ярко-красные полные губы, белые зубы, сверкнувшие в полумесяце ее робкой улыбки, довершали картину.

Спейд встал, неловко поклонился и тостопалой

ручищей указал даме на дубовое полукресло сбоку от стола. Росту в Спейде было добрых шесть футов. Могучие покатые плечи придавали его телу почти коническую форму, из-за чего свежеотутюженный серый пиджак сидел на нем неважно.

Мисс Уондерли прошелестела «спасибо» еще тише, чем в прошлый раз, и примостилась на самом краешке деревянного сиденья.

Спейд погрузился в свое вращающееся кресло, крутанулся на нем в четверть оборота, чтобы сидеть лицом к посетительнице, растянул сомкнутые губы, изобразив вежливую улыбку. Все латинские «V» на его лице обозначились еще отчетливее.

Сквозь закрытую дверь слышался стук печатной машинки, тоненькие звоночки и приглушенное жужжание, когда Эффи Перин сдвигала каретку. Где-то в соседнем офисе глухо гудел какой-то механический агрегат. В латунной пепельнице, полной скукоженных бычков, дотлевал очередной смятый окурок. Неопрятные серые хлопья пепла усеивали и желтую поверхность стола, и зеленое пресс-папье, и валявшиеся повсюду бумаги. Окно, занавешенное желтой шторой, было приоткрыто дюймов на восемь-

десять, и со двора в комнату проникал воздух с легким запашком аммиака. Поток воздуха шевелил и сдувал кучки пепла на столе.

Мисс Уондерли наблюдала, как подергиваются и ползут пепельные хлопья. Глаза у нее были неспокойные. Девушка сидела на самом краю кресла, а ноги ее крепко упирались в пол, будто она вот-вот вскочит. Руки в темных перчатках вцепились в черный ридикюль, лежавший у нее на коленях.

Спейд откинулся на спинку кресла и спросил:

— Итак, что я могу для вас сделать, мисс Уондерли?

— А вы можете?.. Я подумала... я... то есть... — Тут она закусила нижнюю губу белоснежными зубками и замолчала. Только темно-синие глаза ее говорили, они взывали о помощи.

Спейд улыбнулся ей и кивнул — понимающе и доброжелательно, как будто ничего серьезного не происходило.

— Давайте-ка вы расскажете мне все с самого начала, и мы решим, что нужно сделать. И начните как можно больше издалека.

— Все началось в Нью-Йорке.

— Так...

— Не знаю, где она с ним познакомилась. То

есть, где именно в Нью-Йорке. Она младше меня на пять лет — ей всего семнадцать — и у нас совершенно разный круг общения. Хоть мы и сестры, но никогда не были особенно близки. Папа с мамой в Европе. Это их убьет. Я должна вернуть ее до того, как они приедут.

— Понимаю, — сказал он.

— Они будут дома где-то в начале месяца.

Глаза Спейда блеснули.

— Значит, у нас есть две недели, — сказал он.

— Я не знала, что она натворила, пока от нее не пришло письмо. Я просто не находила себе места. — Губы ее дрожали. Руки теребили сумочку, лежавшую на коленях. — Я боялась идти в полицию — вдруг сестра замешана в чем-то серьезном — а страх за нее понукал меня пойти туда. Мне было совершенно не с кем посоветоваться. Я не знала, как быть. Что я могла поделать?

— Ничего, разумеется, — сказал Спейд. — Но тут от нее пришло письмо?

— Да, и я отправила ей телеграмму, умоляя вернуться домой. Я послала ее в Сан-Франциско «до востребования». Другого адреса она мне не оставила. Я прождала всю неделю, но ни словечка в ответ. А время приезда родителей все приближалось, поэтому я отправилась за ней сюда.

Письмом я предупредила ее об этом. Наверное, не стоило, как вы думаете?

— Может, и не стоило. Порой нелегко решить, что делать. Вы не нашли ее?

— Нет, не нашла. В письме я сообщила, что поселюсь в отеле «Сент-Марк», и умоляла прийти ко мне — просто поговорить, даже если она не собирается возвращаться домой. Но она не появилась. Прошло уже три дня, но она так и не пришла и никак не дала о себе знать.

Голова блондинистого Мефистофеля сочувственно качнулась, он нахмурился и поджал губы.

— Это было ужасно, — вымучено улыбнулась мисс Уондерли. — Я не могла сидеть и ждать у моря погоды, не зная, что с моей сестрой, что могло с ней случиться. — Она перестала давить из себя улыбку и поежилась. — Единственный известный мне адрес — «Главпочтамт, до востребования», поэтому я написала сестре еще одно письмо и пошла на почту. Прождав дотемна, я так ее и не увидела. Сегодня утром пошла туда снова, но Коринна не появилась, зато я встретила Флойда Терсби.

Спейд снова кивнул. Но хмуриться перестал. Взгляд его выражал предельное внимание.

— Терсби не сказал мне, где Коринна, — продолжала девушка упавшим голосом. — Сказал только, что она жива и здорова. Но как я могу ему верить? Ведь он сказал бы это в любом случае, так ведь?

— Да уж, — согласился Спейд. — Но, может, он не солгал?

— Я очень надеюсь. Очень-очень! — воскликнула она. — Но не могу вернуться домой, не повидавшись с ней! Мне бы хоть по телефону с ней поговорить! Он наотрез отказался отвести мня к ней. Сказал — она не желает меня видеть. Я в это не верю. Он пообещал рассказать Коринне, что встретил меня, обещал привести ее ко мне в отель — если она согласится, конечно. Но предупредил: он заранее знает, что она не согласится. Сказал, что в таком случае придет один, и…

Внезапно открылась дверь — мисс Уондерли вздрогнула и умолкла, прикрыв рот рукой.

* * *

— Ох, прошу прощения! — сказал человек, шагнувший было через порог. Он торопливо сдернул с головы коричневую шляпу и попятился.

— Все в порядке, Майлз, заходи, — сказал Спейд. — Мисс Уондерли, это мой коллега мистер

Арчер.

Майлз Арчер снова вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и с улыбкой кивнул мисс Уондерли, сделав шляпой неопределенный приветственный жест. Он был среднего роста, кряжистый, широкоплечий, с веселой красной физиономией, внушительным подбородком, борцовским загривком и сединой в коротко стриженых волосах. Если Спейду было лет тридцать с небольшим, то Арчеру явно перевалило за сорок.

Спейд изложил ему суть дела:

— Сестра мисс Уондерли сбежала из Нью-Йорка с человеком по имени Флойд Терсби. Они здесь. Мисс Уондерли виделась с Терсби, и на сегодняшний вечер у них назначена встреча. Возможно, он приведет с собой сестру мисс Уондерли. Но скорее всего — нет. Мисс Уондерли хочет, чтобы мы разыскали ее сестру, забрали у Терсби и вернули домой. — Он посмотрел на мисс Уондерли. — Верно?

— Да, — пролепетала она. Застенчивость, которая постепенно отступила благодаря ободряющим улыбкам, кивкам и заверениям Спейда, снова окрасила румянцем ее лицо. Она уставилась на свой многострадальный ридикюль, ковыряя замочек пальцем в перчатке.

Спейд подмигнул компаньону.

Майлз Арчер шагнул вперед и встал у противоположного угла стола. Пока девушка разглядывала свою сумочку, он беспрепятственно разглядывал девушку. Его маленькие карие глазки окинули ее всю: от потупившегося лица до ног и обратно. Затем он взглянул на Спейда и беззвучно изобразил губами, будто присвистывает в знак одобрения.

Спейд предупреждающе поднял два пальца, не отрывая руки от подлокотника, и сказал:

— Думаю, особых сложностей не возникнет. Надо просто засечь парня в отеле, а когда он выйдет оттуда, проследить за ним, пока он не приведет нас к вашей сестре. Если же она придет вместе с ним, и вы убедите ее вернуться с вами домой — тем лучше. В противном случае — если она придет, но предпочтет остаться с Терсби, что ж… найдем способ как-то это разрулить.

— Ага, — хриплым басом поддакнул Арчер.

Мисс Уондерли метнула на Спейда взгляд и нахмурила брови, отчего на переносице образовались две морщинки.

— Да, но будьте очень осторожны! — Голос ее срывался, губы нервно подергивались, произнося слова. — Я до смерти его боюсь, он на все способен.

Она же совсем еще девочка, и то, что он привез ее с собой в Нью-Йорк, это ведь очень серьезно… А вдруг он… Вдруг он сделает с ней что-нибудь?

Спейд усмехнулся и хлопнул по подлокотникам своего кресла.

— Предоставьте это нам, — сказал он. — Мы найдем на него управу.

— Но вдруг он все-таки что-то сделает? — настаивала она.

— Такую вероятность исключать нельзя, — рассудительно кивнул Спейд. — Однако можете нам довериться, мы сделаем все, что в наших силах.

— Я вам доверяю, — искренне сказала она. — Но хочу вас предупредить: он очень опасен. Я действительно считаю, что он ни перед чем не остановится. И я уверена, что он не раздумывая… убьет Коринну, если решит, что ему угрожает опасность. Может такое случиться?

— Вы ведь ему не угрожали?

— Я только сказала, что хочу забрать ее домой до возвращения мамы и папы, чтобы они никогда не узнали о ее выходке. Я пообещала ему, что ни словом не обмолвлюсь об этом, если он мне поможет, но если нет — папа, конечно, сделает все, чтобы наказать его. И он… вообще-то, я думаю — он мне поверил.

— А может он замять дело, женившись на ней?

Девушка вспыхнула и смущенно ответила:

— В Англии у него жена и трое детей. Коринна мне написала об этом, чтобы объяснить свой тайный побег.

— Ну, жёны — это у них обычное дело, — заметил Спейд. — Хотя не обязательно в Англии. — Он потянулся за карандашом и листком бумаги. — Опишите его.

— Ему лет тридцать пять, роста примерно вашего. Смуглый — не то от природы, не то очень загорелый. Волосы темные. Разговаривает громко, отрывисто. Нервный, раздражительный. От него веет такой… жестокостью.

Не отрывая взгляда от листка, на котором писал, Спейд спросил:

— Цвет глаз?

— Серо-голубые, водянистые, однако взгляд решительный. И еще — ах, да — у него заметная ямка на подбородке.

— Телосложение — худощавое, среднее, плотное?

— Довольно крепкое. Плечи широкие, держится прямо, у него, что называется, военная выправка. Сегодня утром, когда мы встретились, на нем был светло-серый костюм и серая шляпа.

— Чем он зарабатывает на жизнь? — спросил Спейд и положил карандаш.

— Не знаю, — ответила она. — Не имею ни малейшего представления.

— В котором часу он обещал к вам прийти?

— После восьми вечера.

— Хорошо, мисс Уондерли, там его будет ждать наш человек. Было бы неплохо, если…

— Мистер Спейд! Или мистер Арчер! — она умоляюще протянула к ним руки. — А не мог бы кто-то из вас лично заняться этим делом? Я не сомневаюсь, что ваш сотрудник — человек способный, но я так… так боюсь за Коринну! Как бы с ней что-то не случилось! Я так боюсь его! Пожалуйста, возьмитесь сами за это! Конечно, я понимаю, что это будет стоить дороже… — нервными пальцами она открыла сумочку, вытащила оттуда две стодолларовые банкноты и положила на стол перед Спейдом. — Этого хватит?

— Ага, — сказал Арчер. — Я сам этим займусь.

Мисс Уондерли вскочила и с чувством пожала ему руку.

— Спасибо! Спасибо вам! — воскликнула она и затем протянула руку Спейду и повторила: — Спасибо!

— Не за что, — ответил Спейд. — Рады помочь.

Было бы неплохо, если бы вы лично встретили Терсби внизу, или появились вместе с ним в холле хотя бы ненадолго.

— Так и сделаю, — пообещала она и снова принялась благодарить обоих детективов.

— И не ищите меня глазами, — предупредил ее Арчер. — Я и так вас увижу.

* * *

Спейд проводил мисс Уондерли к выходу в коридор. Когда он вернулся за свой стол, Арчер кивнул на стодолларовые купюры:

— Хороши, — благодушно проворчал он, взял одну из них, сложил и засунул в карман жилета. — А в сумочке у нее лежат их родные сестрицы.

Прежде чем сесть, Спейд спрятал в карман вторую купюру. А потом сказал:

— Ну, ты там не слишком хвост перед ней распускай. Как она тебе, кстати?

— Прелесть! А ты еще не велишь мне распускать хвост! — Арчер вдруг невесело хохотнул. — Может, ты и увидел ее первый, но зато я первый глаз положил. — Засунув руки в карманы, он раскачивался с пяток на носки.

— Ты с ней еще хлебнешь лиха, вот увидишь, — по-волчьи оскалился Спейд, отчего стали видны

десны. — Но у тебя ведь своя голова на плечах. — И он принялся сворачивать сигарету.

Глава 2. Смерть в тумане

В кромешном мраке зазвонил телефон. После третьего звонка заскрипели кроватные пружины, пальцы пошарили по дереву, на ковер со стуком упало что-то маленькое и тяжелое, пружины скрипнули снова, и мужской голос произнес:

— Алло! Да, это я… Убит?.. Да… Через пятнадцать минут. Спасибо, что сообщил.

Щелкнул выключатель, и белая чаша, подвешенная к центру потолка на трех золоченых цепочках, залила комнату светом. Спейд — босой, в бело-зеленой клетчатой пижаме, сидел на краю кровати. Он хмуро покосился на телефонный аппарат на столе и взял лежавшие рядом с ним пачку папиросной бумаги и коробку табака «Булл Дарем».

Сквозь два открытых окна в комнату врывался холодный мглистый воздух. Со стороны Алькатраса каждые десять секунд глухо взвывала противотуманная сирена. Оловянный будильник, неосмотрительно поставленный одной ножкой на угол книги Томаса Дьюка «Знаменитые уголовные дела Америки», смотрел циферблатом в стол.

Стрелки его показывали пять минут третьего.

Толстые пальцы Спейда сворачивали сигарету с излишней тщательностью: на сложенную вдвое и изогнутую должным образом бумагу насыпали щепотку табаку, распределяя коричневые хлопья равномерно на концах с небольшой выемкой посередине. Затем большие пальцы завернули внутренний край бумажки под внешний край, прижатый указательными пальцами, и, скользнув к краям бумажного цилиндра, удерживали его, пока язык облизывал клапан. Наконец большой и указательный пальцы левой руки защипнули кончик со своей стороны, а большой и указательный правой тем временем разгладили влажный шов. Большой и указательный палец правой руки скрутили один конец папиросы, а другой поднесли ко рту Спейда.

Он поднял с пола никелированную зажигалку, обтянутую свиной кожей, щелкнул ею и встал, зажав горящую сигарету в углу рта. Он снял пижаму. Мускулистые руки, ноги и туловище, широкие покатые плечи придавали ему сходство с медведем. С гладко выбритым медведем — на груди у него волосы не росли. Кожа на его теле была нежной и розовой, как у ребенка.

Он почесал затылок и принялся одеваться.

Натянул белое исподнее, серые носки с черными подвязками и темно-коричневые ботинки. Завязав шнурки, он снял телефонную трубку, вызвал Грейстоун-45–00 и заказал такси. Облачился в белую в тонкую зеленую полоску рубашку, мягкий белый подворотничок, зеленый галстук, серый костюм, в котором был накануне, надел свободное твидовое пальто и темно-серую шляпу. Когда он рассовывал по карманам табак, ключи и деньги, в дверь парадного позвонили.

* * *

Там, где Буш-стрит перекрывает Стоктон, прежде чем скатиться в Чайнатаун, Спейд расплатился и вышел из такси. Ночной туман Сан-Франциско — тонкий, липкий и пронизывающий насквозь, застилал улицу. В нескольких ярдах от того места, где Спейд отпустил такси, собралась небольшая группа мужчин и вглядывалась в переулок. Две женщины и мужчина стояли на другой стороне Буш-стрит и тоже смотрели в переулок. В окнах мелькали лица.

Спейд пересек тротуар между огражденными железными поручнями проемами, открывавшими голые уродливые лестницы, подошел к парапету и, положив руки на влажные перила,

посмотрел вниз, на Стоктон-стрит. Из туннеля под ним с ревом — будто им выстрелили — вылетел автомобиль и умчался прочь.

Неподалеку от устья туннеля перед щитом с киноафишами и рекламой бензина, торчавшим в промежутке между двумя складскими помещениями, сидел на корточках человек. Он наклонил голову почти к самому тротуару, чтобы заглянуть под рекламный щит. Ему пришлось скорчиться в гротескной позе, одной рукой упершись в тротуар, а другой вцепившись в зеленую раму щита. Еще двое неловко топтались у одного края щита, пытаясь заглянуть в щель между рамой и складской стеной. У стены второго склада серый пустой тротуар выходил на участок по ту сторону щита. Лучи фонариков шарили по стене, среди огней мелькали людские тени.

Спейд отошел от парапета и направился по Буш-стрит в сторону переулка, где сгрудились люди. Полицейский в форме, жевавший резинку под эмалированной табличкой, на которой белым по синему было написано «Беррит-стр.», выставил руку, преграждая путь, и спросил:

— Что вам здесь нужно?

— Я Сэм Спейд. Мне позвонил Том Полхаус.

— А, это вы. — Полицейский опустил руку. — Я

вас не узнал поначалу. Они вон там. — Он указал большим пальцем себе за спину. — Плохо дело-то.

— Да уж, хорошего мало, — согласился Спейд и пошел вглубь переулка.

Где-то на середине его темнела машина «скорой помощи». За машиной, по левую руку переулок был огорожен невысоким заборчиком из грубо сколоченных поперечных досок. От забора темная земля круто обрывалась вниз — к рекламному щиту на Стоктон-стрит.

Десятифутовая верхняя перекладина забора была оторвана от столбика на одном конце и болталась на другом. В пятнадцати футах ниже по склону торчал плоский валун. В углублении между склоном и валуном навзничь лежал Майлз Арчер. Над ним стояли двое. Один направил на мертвое тело луч электрического фонаря. Еще несколько человек с фонариками сновали вверх и вниз по склону.

Стоявший над трупом полицейский окликнул Спейда: «Привет, Сэм», и вскарабкался по переулку вверх, вслед за своей тенью. Это был рослый пузан с маленькими, проницательными глазками, толстыми губами и небрежно выбритыми темными щеками. Его ботинки, колени, руки и

подбородок были измазаны коричневой глиной.

— Я подумал, что ты захочешь его увидеть, прежде чем мы заберем тело, — сказал он, перешагивая через сломанный забор.

— Спасибо, Том, — сказал Спейд. — Как это случилось? — Он облокотился о столбик и смотрел на людей внизу, кивая тем, кто кивал ему в знак приветствия.

Том Полхаус ткнул грязным пальцем себе в левую сторону груди.

— Продырявили ему насос — вот этим. — Он вытащил увесистый револьвер из кармана пальто и протянул его Спейду. Углубления на поверхности револьвера были забиты грязью. — «Уэбли». Английский, верно?

Спейд убрал локоть со столбика и наклонился, чтобы взглянуть на орудие убийства. Но трогать его не стал.

— Да, — подтвердил он. — «Уэбли-Фосбери», автоматический револьвер. Тридцать восьмого калибра, восьмизарядный. Их больше не выпускают. Сколько не хватает?

— Одной пилюли. — Том снова ткнул себя пальцем в грудь. — Наверное, он был уже мертв, когда проломил забор. — Он поднял грязный револьвер повыше. — Попадался тебе такой когда-нибудь?

Спейд кивнул.

— Я знаком с «Уэбли-Фосбери», — сказал он без всякого интереса и вдруг заговорил неожиданно быстро: — Его ведь здесь застрелили, а? Вот тут он стоял, где ты стоишь, спиной к забору. А стрелявший стоял вот тут. — Он обошел Тома, встал напротив него и направил руку с вытянутым указательным пальцем прямо ему в грудь. — Он стреляет, Майлз падает навзничь, ломает верхнюю заборину и катится вниз по склону, пока валун его не останавливает. Верно?

— Верно, — не сразу ответил Том, сведя брови к переносице. — Выстрел опалил ему пальто.

— Кто его нашел?

— Патрульный по фамилии Шиллинг. Он шел по Буш-стрит, как раз мимо этого места, и какая-то машина, поворачивая, осветила фарами сломанный забор. Он решил выяснить, в чем дело, и обнаружил его.

— А что известно насчет машины, которая поворачивала?

— Да ничего не известно, Сэм. Шиллинг не обратил на нее внимания, он же тогда еще не знал, что тут беда. Он говорит, никто не выходил из переулка, пока он шел от Пауэл-стрит, ну, или он не заметил. Другой путь отсюда — разве что

пролезть под рекламным щитом на Стоктон. Но там тоже никого не было. Из-за тумана почва влажная, и следы остались только там, где Майлз съезжал по склону и где катился револьвер.

— Выстрел кто-нибудь слышал?

— Побойся бога, Сэм, мы только приехали. Кто-то должен был услышать, узнаем кто, когда найдем. — Том повернулся и перешагнул через заборчик одной ногой. — Пойдешь взглянуть на него, пока не увезли?

— Нет, — сказал Спейд.

Все еще верхом на заборчике Том оглянулся и удивленно прищурил на Сэма и без того маленькие глаза.

Спейд сказал:

— Ты его видел. Ты увидел все, что мог бы увидеть я.

Не сводя взгляда со Спейда, Том недоверчиво кивнул и перенес через забор вторую ногу.

— Его пистолет лежал в кобуре на поясе, — сказал он. — Из него не стреляли. Пальто было застегнуто на все пуговицы. При нем нашли сто шестьдесят баксов с мелочью. Сэм, он работал?

Мгновение Спейд колебался, а затем утвердительно кивнул.

— И что? — спросил Том.

— Он должен был сесть на хвост парню по имени Флойд Терсби, — сказал Спейд и описал Терсби со слов мисс Уондерли.

— Зачем?

Спейд засунул руки в карманы пальто и сонно моргал, глядя на Тома.

Теряя терпение, Том повторил:

— Зачем?

— Кажется, он англичанин. Я не знаю, в чем он замешан. Мы пытались выяснить, где он живет. — Спейд слегка усмехнулся и вытащил руку из кармана, чтобы похлопать Тома по плечу. — Не наседай не меня. — Он снова спрятал руку в карман. — Я собираюсь с духом, чтобы сообщить жене Майлза дурную весть. — Спейд повернулся, чтобы уйти.

Том нахмурился, открыл рот, закрыл его, так ничего и не сказав, откашлялся, убрал с лица хмурое выражение и заговорил с мягкой хрипотцой:

— Надо же, как не повезло-то ему. У Майлза, конечно, были свои недостатки, как и у всех нас, но были же и хорошие стороны.

— Пожалуй, — неопределенно согласился Спейд и пошел прочь из этого переулка.

* * *

Спейд позвонил из круглосуточной аптеки на углу Буш и Тейлор-стрит.

— Радость моя, — сказал он в трубку вскоре после того, как назвал номер, — Майлза застрелили… Да, он убит… Так, соберись… Да… Ты должна сообщить Айве… Нет, я не буду ей звонить, лучше сдохнуть. Придется тебе это сделать… Вот и славно, молодец… И не подпускай ее к моему кабинету… Скажи, я загляну к ней… эээ… как-нибудь… Да, но меня не приплетай… Вот и хорошо. Ты мой ангел-хранитель. Пока.

* * *

Оловянный будильник Спейда показывал без двадцати четыре, когда он снова зажег свет в белой подвесной чаше. Бросив пальто и шляпу на кровать, он пошел на кухню и вернулся в спальню уже со стаканом и высокой бутылкой «Бакарди». Он налил себе рому и выпил стоя. Потом поставил бутылку и стакан на стол, сел напротив них на кровать и скрутил сигарету. Он допивал третью порцию «Бакарди» и прикуривал пятую сигарету, когда раздался звонок у двери в подъезд. Стрелки

будильника показывали четыре тридцать.

Спейд вздохнул, встал с кровати и подошел к переговорной трубке домофона, висевшего у двери в ванную. Он нажал кнопку, отпиравшую входную дверь.

Он проворчал: «Черти бы ее взяли» и стоял, хмуро уставившись на черную коробку домофона и прерывисто дыша, а щеки его тем временем заливал тусклый румянец.

Из коридора было слышно, как со скрежетом и лязгом открылась и закрылась решетка лифта. Спейд снова вздохнул и пошел отпирать дверь. Негромкие, но увесистые шаги приближались по застланному ковром коридору — шаги двоих мужчин. Лицо Спейда прояснилось, озабоченность в глазах угасла. Он рывком отворил дверь.

— Здорово, Том! Привет, лейтенант! Входите, — пригласил он пузатого великана-детектива, с которым разговаривал на Беррит-стрит, и его спутника.

Оба гостя кивнули, не говоря ни слова, и вошли в квартиру. Спейд закрыл за ними дверь и провел их в комнату. Том сел на диван под окном. Лейтенант устроился на стуле у стола.

Лейтенант был человек плотного сложения с круглой головой под серебристым ежиком волос

и квадратным лицом с коротко стриженными седеющими усами. Его галстук украшала заколка в виде золотой пятидолларовой монеты, на лацкане Спейд заметил маленькую, украшенную бриллиантами эмблему тайного общества масонов.

Спейд принес из кухни два стакана, наполнил их и свой собственный из открытой бутылки «Бакарди», вручил гостям по стакану и сел на прикроватную кушетку. Лицо его не выражало ни беспокойства, ни любопытства. Он поднял стакан.

— За фарт! — сказал он и выпил до дна.

Том тоже осушил свой стакан, поставил его на пол у ног и вытер рот грязным пальцем. Он пристально разглядывал изножье кровати, будто оно ему на что-то смутно намекало, и он силился вспомнить это «что-то».

Лейтенант секунд десять разглядывал свой стакан, после чего отпил маленький глоточек и поставил стакан на стол рядом с собой. Он окинул комнату цепким взглядом, а потом выразительно посмотрел на Тома.

Том смущенно поерзал на диване и спросил:

— Ты сообщил печальное известие жене Майлза?

— Угу, — промычал Спейд.

— И как она?

— Не понимаю я этих женщин.

— Заливай больше, — тихо сказал Том.

Лейтенант уперся ладонями в колени и подался вперед. Его зеленоватые глаза впились в Спейда немигающим пристальным взглядом, в котором было нечто механическое — казалось, перевести его можно, только потянув за некий рычаг или нажав кнопку.

— Какой марки у вас пистолет? — спросил лейтенант.

— Никакой. Я не большой любитель пушек. Конечно, в конторе найдется парочка.

— Я бы хотел на них взглянуть, — сказал лейтенант. — А сюда вы, случайно, не захватили одну из этих пушек?

— Нет.

— Вы уверены?

— Смотрите сами, — Сэм усмехнулся и приглашающе махнул пустым стаканом. — Хотите, можете перевернуть здесь все вверх тормашками. Я причитать не стану — если, конечно, ордер имеется.

Том возмутился:

— Сэм, какого черта!

Спейд поставил стакан на стол и встал напротив лейтенанта.

— Что вам от меня надо, Данди? — спросил он твердо и холодно, и так же тверд и холоден был его взгляд.

Взгляд лейтенанта изменил фокус, переместившись на Спейда. На лице Данди только глаза и двигались.

Том снова заерзал на диване, с силой выдохнул через нос и примирительно проворчал:

— Мы не хотим неприятностей, Сэм.

Спейд пропустил эту реплику мимо ушей и сказал, обращаясь к Данди:

— Итак, чего же вы хотите? Давайте начистоту. Кем вы себя возомнили, чтобы брать меня на понт в моем собственном доме?

— Ладно, — гулко сказал Данди, — садитесь и слушайте.

— Я сам решу, когда мне сесть или встать, — сказал Спейд, не двигаясь с места.

— Ради бога, остыньте, — взмолился Том. — Какой прок нам собачиться? Если хочешь узнать, почему мы не говорим начистоту, так это потому, что когда я тебя спросил, кто такой Терсби, ты мне как ответил? Что это, мол, не мое дело. Не надо с нами так, Сэм. Этим ты ничего не добьешься. Мы

ведь при исполнении, как-никак.

Лейтенант вскочил и вплотную приблизился к Сэму. Воинственно задрав квадратную физиономию, он уставился прямо в лицо более рослому противнику.

— Я предупреждал, что рано или поздно вы поскользнетесь, — сказал он.

Спейд презрительно скривил губы и вскинул брови.

— Рано или поздно любой может поскользнуться, — с глумливой кротостью ответил он.

— На этот раз — вы.

Спейд усмехнулся и покачал головой.

— Нет, у меня все отлично, благодарю, не стоит беспокоиться. — Улыбка исчезла с его лица. Верхняя губа поползла вверх, обнажив левый клык. Глаза превратились в горящие щелки. Голос зазвучал еще более гулко, чем голос лейтенанта. — Не нравится мне это. Что вы тут рыщете вокруг меня? Выкладывайте или проваливайте, а я лягу спать.

— Кто такой Терсби? — требовательно спросил Данди.

— Все, что мне о нем известно, я рассказал Тому.

— Чертовски мало рассказал.

— Сколько сам знал.

— Почему вы за ним следили?

— Следил не я, а Майлз — по той простой причине, что у нас был клиент, заплативший нам за слежку хорошие американские деньги.

— Кто ваш клиент?

Лицо и голос Спейда снова обрели спокойствие. Он сказал с упреком:

— Вы же знаете, я не могу разглашать имя клиента, пока не переговорю об этом с ним самим.

— Вы назовете его мне, или будем разговаривать в суде! — вскипел Данди. — Речь об убийстве, не забывайте!

— Может быть. Но и вам советую кое-что не забывать, голубчик. Я сам, черт побери, решаю, говорить мне или нет. Прошли те времена, когда я горько плакал из-за того, что полицейские меня не жалуют.

Том пересел с дивана на кровать. Его щетинистое, выпачканное глиной лицо было усталым и осунувшимся.

— Сэм, не валяй дурака, — попросил он. — Помоги нам. Как нам расследовать убийство Майлза, если ты не хочешь рассказать нам то, что есть у тебя?

— Это не ваша головная боль, — сказал Спейд. —

Я сам похороню своего мертвеца.

Лейтенант Данди сел и снова уперся руками в колени. Он смотрел на Сэма своими горящими зелеными глазами навыкате.

— Я так и думал, — сказал он и усмехнулся с мрачным довольством. — Именно поэтому мы и пришли с вами повидаться, верно, Том?

Том пробурчал что-то нечленораздельное.

Спейд не спускал с Данди настороженных глаз.

— Я ведь так и сказал Тому, — продолжал лейтенант. — «Том, — говорю, — ставлю свой обед на то, что Сэм Спейд не позволит чужакам сунуть нос в его семейные дела». В точности это я ему и сказал.

Настороженность Спейда исчезла, взгляд его стал тусклым, скучающим. Он повернулся лицом к Тому и спросил с величайшим безразличием:

— Что теперь беспокоит твоего кореша?

Данди вскочил и костяшками пальцев постучал по груди Спейда.

— А вот что! — сказал он и с расстановкой, подчеркивая каждое слово очередным ударом костяшек, произнес: — В Терсби стреляли у входа в отель через тридцать минут после того, как вы ушли с Беррит-стрит.

Спейд сказал, тоже тщательно выговаривая

каждое слово:

— Уберите от меня свои поганые лапы.

Данди опустил руку, но голос его не изменился.

— Том сказал, что вы до того торопились, что даже не взглянули на своего убитого напарника.

Том виновато проворчал:

— Ну, ты ведь и вправду сбежал, Сэм.

— И вы не пошли к Арчеру домой, чтобы уведомить его жену, — чеканил лейтенант. — Мы звонили туда, и там была ваша девчонка-секретарша, и она сказала, что это вы ее отправили.

Спейд кивнул. Его лицо было безмятежным до глупости.

Лейтенант Данди поднял было два согнутых пальца к груди Спейда, но, спохватившись, одернул руку и сказал:

— Десяти минут вам хватило, чтобы добраться до телефона и позвонить секретарше. Еще десять — чтобы добраться до отеля, где жил Терсби. Это на Гири-стрит, рядом с Ливенсворт — десять минут пути, максимум пятнадцать. И еще десять-пятнадцать минут понадобилось, чтобы дождаться его появления.

— Хотите сказать, я знал, где он живет? — спросил Спейд. — И знал, что после убийства Майлза

он сразу пойдет домой?

— Вы знали то, что знали, — упрямо повторил Данди. — В котором часу вы пришли домой?

— Без двадцати четыре. Мне надо было пройтись и подышать свежим воздухом, чтобы все обдумать.

Лейтенант упрямо покрутил головой.

— Мы знаем, что в три тридцать вас еще дома не было. Мы пытались вам дозвониться. И где же именно вы дышали воздухом?

— Бродил по Буш-стрит туда и обратно.

— Вы кого-нибудь встретили, чтобы…?

— Нет, свидетелей нет, — сказал Спейд и добродушно рассмеялся. — Присядьте, Данди, вы не допили свой ром. Том, давай налью еще.

— Нет, Сэм, спасибо, — сказал Том.

Данди сел, но на стакан с ромом даже не взглянул.

Спейд налил себе, выпил, поставил пустой стакан на стол и вернулся на прикроватную кушетку.

— Я понимаю, — сказал он, дружески глядя то на одного, то на другого детектива. — Прошу прощения, что встал на дыбы, но вы, стервятники, слетелись, чтобы пришить мне это дело, вот я и психанул. Мало мне того, что Майлза грохнули,

так тут еще вы еще со своими приемчиками. Но теперь я хотя бы понял, в чем загвоздка, к чему вы клоните.

— Проехали, — сказал Том.

Лейтенант промолчал.

Спейд спросил:

— Терсби мертв?

Пока лейтенант раздумывал, Том ответил:

— Да.

Тогда лейтенант раздраженно сказал:

— И вам лучше бы узнать — если вы еще не знаете — что он умер, не успев никому ничего сообщить.

Спейд сворачивал сигарету. Он спросил, не поднимая глаз:

— Что вы имеете в виду? Вы считаете, я об этом знал?

— Я имею в виду то, что сказал, — отрезал Данди.

Спейд поднял на него взгляд и улыбнулся, держа свернутую сигарету в одной руке, а зажигалку — в другой.

— Вы пока не готовы прижать меня, так ведь, Данди?

Данди зыркнул на Спейда тяжелым зеленым глазом и ничего не ответил.

— Тогда, — сказал Спейд, — у меня нет особых причин, чтобы не наплевать на ваши подозрения, верно, Данди?

— Полегче, Сэм, будь благоразумен, — сказал Том.

Спейд сунул сигарету в рот, прикурил и хохотнул, выпустив облачко дыма.

— Я буду благоразумен, Том, — пообещал он. — Как же я пришил Терсби? Я что-то запамятовал.

Том неодобрительно хмыкнул. Лейтенант Данди сказал:

— Он был застрелен четырьмя выстрелами в спину, сорок четвертым или сорок пятым, с противоположной стороны улицы, когда он собирался войти в отель. Никто этого не видел, но именно так оно представляется.

— И у него был «Люгер» в наплечной кобуре, — прибавил Том. — Из которого не стреляли.

— А что о нем говорит персонал отеля? — спросил Спейд.

— Ничего, кроме того, что он прожил там неделю.

— Один?

— Один.

— И что вы нашли при нем? Или в номере?

Данди спросил, поджав губы:

— А что мы, по-вашему, должны были найти?

Спейд небрежно описал круг поникшей сигаретой.

— Что-то, рассказавшее вам, кто он такой, чем промышляет.

— Мы думали, вы нам об этом расскажете.

Спейд посмотрел на лейтенанта, и в его серо-желтых глазах читалась почти чрезмерная искренность.

— Я никогда не видел Терсби. Ни живого, ни мертвого.

Лейтенант встал с недовольным видом. Том тоже поднялся, зевая и потягиваясь.

— Мы задали все вопросы, который собирались задать, — сказал Данди, хмуря брови над зелеными голышами глаз. Поджав верхнюю усатую губу, он выталкивал слова одной нижней: — Справедливости ради, мы рассказали вам больше, чем вы рассказали нам. Вы меня знаете, Спейд. Убили вы, или нет — я докопаюсь до истины, и вы получите по заслугам. Не знаю, стал бы я вас так уж сильно винить, но это не помешает мне прижать вас к ногтю.

— Справедливо, — бесстрастно согласился Спейд. — Но мне было бы гораздо спокойнее, если бы вы допили свой ром.

Лейтенант Данди вернулся к столу, поднял стакан и медленно осушил. Затем он сказал: «До свидания», и протянул руку. Они чинно обменялись рукопожатиями. Затем так же чинно Сэм и Том пожали руки друг другу. Спейд проводил их к выходу. Затем разделся, выключил свет и лег в кровать.

Глава 3. Три женщины

Назавтра, в десять часов утра, когда Спейд вошел в агентство, Эффи Перин уже сидела за своим рабочим столом и вскрывала почту. Бледность проступала даже сквозь загар на ее мальчишеском лице. Она положила на стол кипу конвертов и латунный ножик для бумаг и предупредила, понизив голос.

— Она там.

— Я же просил тебя не пускать ее сюда, — упрекнул Спейд, тоже полушепотом.

Эффи Перин распахнула карие глаза и ответила укором на укор:

— Да, но ты не сказал, как это сделать. — Ее веки сблизились, плечи поникли. — Не капризничай, Сэм, — устало сказала она. — Я с ней всю ночь просидела.

Спейд подошел к девушке и пригладил ей волосы, разделяя пряди на прямой пробор.

— Прости, ангелочек, я не хотел… — Он осекся, когда внезапно открылась дверь его кабинета. — Привет, Айва, — обратился он к женщине, что стола на пороге.

— О, Сэм! — простонала та.

На вид этой белокурой женщине было чуть за тридцать. Каких-то пять лет назад она, должно быть, переживала расцвет красоты, но теперь ее миловидное лицо уже начало увядать. Ее тело, довольно пышное, было, тем не менее, изящным, ладно скроенным. Облачена она была во все черное — от шляпки до туфель. Этакий траур на скорую руку. Она отступила вглубь кабинета и остановилась, ожидая, когда Спейд войдет следом.

Убрав руку с макушки Эффи Перин, он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Айва немедленно бросилась к нему и подставила опечаленное лицо для поцелуя. Она обхватила его еще до того, как он успел ее обнять. После поцелуя он сделал неуверенную попытку высвободиться из объятий, но она прижалась лицом к его груди и зарыдала.

— Бедняжка, — гладя ее по округлой спине, ласково приговаривал Сэм. Но взгляд его, устремленный в тот угол, где находился стол покойного напарника, был злобен. Скривив губы в нетерпеливой гримасе, он повернул голову вбок, чтобы не тереться подбородком о тулью ее шляпы. — Ты сообщила брату Майлза?

— Да, он приходил сегодня утром. — Слова звучали глухо и неразборчиво, ведь она говорила сквозь рыдания, прижавшись губами к его пальто.

Он снова поморщился и вытянул шею, чтобы украдкой взглянуть на свои наручные часы. Левой рукой он обнимал Айву, таким образом левое запястье лежало у нее на левом плече, а манжет отодвинулся достаточно, чтобы часы оказались на виду. Стрелки показывали десять-десять.

Женщина пошевелилась в его объятьях и снова подняла лицо. Ее мокрые голубые глаза были круглыми, как у мухоловки. Губы закисли от рыданий.

— О, Сэм, — простонала она, — ты убил его?

Спейд оторопело вытаращился на нее. Мощная челюсть его отвисла. Он убрал руки и, сделав шаг назад, освободился от ее объятий. Он мрачно посмотрел на Айву и откашлялся.

Она так и осталась стоять с поднятыми руками, как будто все еще обнимала его. Взгляд ее полузакрытых глаз страдальчески затуманился, брови вздернулись над переносицей, мягкие и влажные алые губы дрожали.

Спейд выдавил из себя хриплое «Ха!» и подошел к занавешенному желтыми шторами окну. Он

стоял спиной к Айве, глядя сквозь проем занавесок на глухой задний двор внизу. Айва бросилась к нему, тогда он быстро развернулся и пошел к своем столу. Сел, поставил локти на стол, уперся подбородком в сжатые кулаки и посмотрел на нее. Его глаза посверкивали меж прищуренных век, точно янтарь.

— Кто, — холодно поинтересовался он, — вложил тебе в голову эту блестящую мысль?

— Я думала… — Она подняла руку к губам, и глаза ее снова наполнились слезами. Она подошла к столу, двигаясь с уверенной грацией и легкостью в своих чрезвычайно маленьких черных лодочках на чрезвычайно высоких каблуках. — Сжалься надо мной, Сэм, — смиренно попросила она.

Он рассмеялся ей в лицо, глаза его по-прежнему искрили.

— Ты убил моего мужа, Сэм, будь же милосерден ко мне. — Она молитвенно сложила ладони и произнесла: — Господи Иисусе!

Она разрыдалась в голос, прижимая к лицу белый носовой платочек.

Он встал и подошел к ней вплотную со спины. Он обнял ее. Он поцеловал ее в шею между ухом и воротником пальто.

— Ну-ну, Айва, перестань, — сказал он, и лицо его при этом не выражало абсолютно никаких эмоций. Когда она успокоилась, он наклонился к самому ее уху и прошептал: — Не стоило приходить сюда сегодня, дорогая. Это безрассудство. Иди домой.

Она развернулась в его объятьях, лицом к нему, и спросила:

— А вечером ты придешь?

Он мягко покачал головой.

— Только не сегодня.

— Но скоро?

— Да.

— Когда?

— Как только смогу.

Он поцеловал Айву в губы, проводил до двери, открыл ее, сказал: «До свидания, Айва», кивнув на прощание, закрыл дверь и вернулся за стол.

Достал из жилетного кармана табак и бумагу, но сигарету не свернул. Так и сидел, держа бумагу в одной руке, а жестянку с табаком в другой, устремив задумчивый взгляд на пустой стол своего убитого компаньона.

* * *

Эффи Перин открыла дверь и вошла. В ее карих глазах читалось беспокойство.

— Ну? — спросила она с напускным безразличием.

Сэм ничего не ответил. Его задумчивый взгляд не отрывался от стола напарника.

Девушка нахмурилась и подошла к нему.

— Ну, — повысила она голос, — как пообщался со вдовушкой?

— Она думает, что это я застрелил Майлза, — сказал Спейд. Двигались только его губы.

— Чтобы жениться на ней?

Спейд ничего не ответил на это.

Девушка сняла шляпу с его головы и положила на стол. Затем наклонилась и забрала из его безвольных пальцев табак и бумагу.

— Копы считают, что я застрелил Терсби, — сказал он.

— Это еще кто? — спросила она, вытаскивая листок из пачки и насыпая в него табак.

— А кого из них я застрелил на твой взгляд? — спросил он и, когда она проигнорировала его вопрос, сказал: — Терсби — это парень, за которым должен был следить Майлз для той девчонки

— Уондерли.

Тонкие пальцы Эффи закончили сворачивать сигарету. Она облизала край и разгладила, сплющила концы и вставила готовую сигарету в сжатые губы Сэма.

Он сказал: «Спасибо, солнышко», обнял ее за тонкую талию, устало прижался щекой к ее бедру и закрыл глаза.

— Так ты женишься на Айве? — спросила она, глядя на его пепельно-русую макушку.

— Не говори глупости, — пробормотал он. Незажженная сигарета подпрыгивала в такт движению его губ.

— Она не считает, что это глупости. Да и с чего бы ей так думать — ты ведь славно развлекся с ней.

Он вздохнул и сказал:

— Господи, я жалею, что вообще с ней повстречался.

— Теперь-то, может, и жалеешь, — в голосе девушки зазвучали ехидные нотки. — А в былые времена…

— Я не умею обращаться с женщинами, у меня всегда все кончается одинаково, — проворчал он. — К тому же, Майлз мне не нравился уже тогда.

— Врешь ты, Сэм, — сказала Эффи. — Ты знаешь, я считаю ее дрянью, но я бы и сама согласилась стать дрянью, будь у меня такое тело.

Спейд беспокойно потерся лицом о ее бедро, но ничего не сказал.

Эффи Перин закусила губу, наморщила лоб и, наклонившись, чтобы лучше видеть его лицо, спросила:

— Как по-твоему, могла она сама его убить?

Сэм сел прямо и убрал руку с ее талии. Он улыбнулся ей — беззаботно и весело. Щелкнув зажигалкой, он поднес язычок пламени к сигарете.

— Ты ангел, — нежно сказал он, затягиваясь. — Милый, пустоголовый ангелок.

Она кривовато усмехнулась.

— Ах, неужели? А если я скажу, что Айва явилась домой всего за несколько минут до трех часов ночи, когда я пришла сообщить ей страшные новости?

— Что ты говоришь? — спросил он и глаза его насторожились, хотя губы продолжали улыбаться.

— Она продержала меня у двери, пока раздевалась, или заканчивала раздеваться. Я видела ее одежду, брошенную на кресло. Шляпка и пальто лежали в самом низу, а сорочка — сверху и была

еще теплая. Она сказала, что спала, но ничего подобного. Она разворошила постель, но не смяла.

Спейд взял девушку за руку и похлопал по ней.

— Да ты у нас настоящий сыщик, дорогая, но… — Он покачал головой. — …она его не убивала.

Эффи Перин выдернула свою руку из его ладони.

— Эта дрянь хочет за тебя замуж, Сэм, — горько сказала она.

Он нетерпеливо закрутил головой и отмахнулся.

Она нахмурилась и строго спросила:

— Ты встречался с ней прошлой ночью?

— Нет.

— Честно?

— Честно. Не бери пример с лейтенанта Данди, радость моя. Тебе это не идет.

— Данди тебя подозревает?

— Ага. Они с Томом Полхаусом заходили выпить по стаканчику в четыре утра.

— Неужели они всерьез считают, что ты застрелил этого… как его там?

— Терсби. — Спейд бросил то, что осталось от его сигареты, в латунную пепельницу и начал скручивать другую.

— Так считают или нет? — не отставала Эффи.

— Бог их знает. — Он сосредоточенно сворачивал сигарету, не поднимая глаз. — У них действительно были подобные предположения. Не знаю, насколько мне удалось их разубедить.

— Сэм, посмотри на меня.

Он поднял глаза и рассмеялся так, что и на ее лице тревога на миг смешалась с весельем.

— Я беспокоюсь за тебя, Сэм, — сказала Эффи, и лицо ее снова посерьезнело. — Тебе вечно кажется, будто ты знаешь, что делаешь, ты такой хитрый, только как бы тебе самого себя не перехитрить в один прекрасный день.

Он дурашливо вздохнул и потерся щекой о ее руку.

— Вот и Данди так говорит, но ты, главное, не подпускай ко мне Айву, радость моя, а уж с прочими трудностями я как-нибудь разберусь. — Он встал и надел шляпу. — Убери с двери табличку «Спейд и Арчер» и повесь новую — «Сэмюэль Спейд». Я вернусь через час или позвоню тебе.

* * *

Спейд прошел через просторный лиловатый вестибюль отеля «Сент-Марк» к стойке портье и поинтересовался у рыжеволосого щеголя, у себя

ли мисс Уондерли. Рыжий щеголь отвернулся, затем повернулся снова и покачал головой.

— Она съехала сегодня утром, мистер Спейд.

— Спасибо.

Спейд миновал стойку и прошел в нишу, где за письменным столом красного дерева лицом к вестибюлю сидел пухлый человек лет тридцати пяти-сорока в темной одежде. На краю стола стояла пирамидка из красного дерева с медной табличкой, которая гласила: «Мистер Фрид».

Толстяк поднялся и, обойдя стол, протянул руку.

— Искренне соболезную насчет Арчера, Спейд, — произнес он тоном человека, приученного выражать ничего не означающее сочувствие. — Только что прочел в «Колл». Арчер был здесь вчера вечером, кстати.

— Спасибо, Фрид. Вы с ним разговаривали?

— Нет, когда я вечером пришел, он уже сидел в холле. Я не стал отвлекать его, подумал, вдруг он работает, а уж мне ли не знать, как вы, ребята, не любите, чтобы вас теребили, когда вы заняты. А это как-то связано с…?

— Я так не думаю, но нам пока ничего не известно. В любом случае мы не будем впутывать заведение, если это возможно.

— Спасибо.

— Да не за что. Не мог бы ты мне кое-что сообщить о вашей бывшей постоялице и забыть о том, что я спрашивал?

— Конечно.

— Некая мисс Уондерли, которая съехала сегодня утром. Я хотел бы уточнить кое-какие детали.

— Пойдем, — сказал Фрид, — посмотрим, что у нас есть для тебя.

Спейд не двинулся с места, лишь покачал головой.

— Не хочу светиться.

Фрид кивнул и вышел из ниши. В вестибюле он внезапно остановился и вернулся к Спейду.

— Прошлой ночью дежурным гостиничным детективом был Гарриман, — сказал он. — И он наверняка видел Арчера. Может, попросить его не упоминать об этом?

Спейд покосился на Фрида.

— Лучше не надо. Это не имеет никакого значения, пока не выявлена связь с этой самой Уондерли. Гарриман хороший парень, но любит почесать языком. Лучше, чтобы он не думал, будто тут есть о чем умалчивать.

Фрид кивнул и удалился. Вернулся он через

пятнадцать минут.

— Приехала в прошлый вторник, в регистрационной карте указано, что из Нью-Йорка. Чемодана не было, только несколько сумок. В номер никто не звонил, и она, кажется, получала мало писем, если вообще получала. Единственный, с кем ее видели — высокий брюнет лет тридцати шести. Выходила сегодня в полдесятого утра, вернулась часом позже, оплатила счет, попросила отнести багаж в такси. Коридорный, который грузил сумки, говорит, что это был «Нэш-турер» с открытым кузовом, взятый, по всей видимости, напрокат. Она оставила свой новый адрес — «Амбасадор», Лос-Анджелес.

— Спасибо тебе огромное, Фрид, — сказал Спейд и покинул «Сент-Марк».

Когда он вернулся в контору, Эффи Перин прекратила отстукивать письмо на печатной машинке и сообщила:

— Приходил твой приятель Данди. Хотел взглянуть на твои пистолеты.

— Ну и…?

— Я сказала, чтобы зашел попозже, когда ты вернешься.

— Молодчина. Если придет снова, покажи ему, пусть взглянет.

— И еще мисс Уондерли звонила.

— Давно пора. Что она сказала?

— Хочет с тобой встретиться.

Девушка взяла лист бумаги со стола и прочитала карандашную заметку на нем:

— Она в апартаментах «Коронет» на Калифорния-стрит, номер тысяча первый. Спросить мисс Леблан.

— Дай-ка сюда, — протянул руку Спейд.

Взяв листок двумя пальцами, он вытащил зажигалку, щелкнул ею, поджег листок и держал, пока он не превратился в скукоженный черный пепел. Тогда Сэм бросил его и растер подошвой по линолеумному полу.

Девушка наблюдала за этими действиями с явной укоризной во взгляде.

Он усмехнулся, сказал:

— Вот так, дорогая, — и вышел.

Глава 4. Черная птица

Мисс Уондерли в зеленом шелковом платье, подпоясанном ремешком, сама открыла дверь номера 1001. На лице ее горел румянец. Темно-рыжие волосы, разделенные прибором с левой стороны и свободными волнами ниспадавшие на правый висок, были слегка взъерошены.

Сняв шляпу, Спейд произнес:

— Доброе утро.

В ответ на его улыбку она тоже слегка улыбнулась уголками губ. Но ее синие, почти фиолетовые глаза по-прежнему глядели тревожно. Она опустила голову и сказала тихим, робким голосом:

— Входите, мистер Спейд.

Она провела его мимо открытых дверей кухни, ванной и спальни в кремово-красную гостиную, бормоча извинения:

— Все вверх дном. Я еще даже не все вещи распаковала.

Она положила его шляпу на стол и села на козетку орехового дерева. Спейд расположился напротив нее на обитом парчой стуле с овальной спинкой.

Она уставилась на свои крепко сплетенные пальцы и сказала:

— Мистер Спейд, я должна сделать ужасное… ужасное признание.

Спейд молча изобразил вежливую улыбку — втуне, поскольку она не поднимала глаз и ее не увидела.

— Та… та история, которую я вам вчера рассказала, была всего лишь… выдумкой, — пробормотала она и наконец подняла на него несчастные, испуганные глаза.

— Ах, это, — беспечно сказал Спейд. — Да мы в нее не очень-то и поверили.

— Значит… — К печали и испугу в глазах добавилось недоумение.

— Ваши две сотни долларов оказались вполне достойны доверия.

— Вы имеете в виду, что…? — Похоже, она действительно не понимала.

— Я имею в виду, что вы заплатили нам гораздо больше, чем если бы рассказали правду, — вежливо объяснил он, — и этого вполне хватило, чтобы мы приняли все как должное.

Ее глаза вдруг загорелись. Она даже привстала с козетки, снова села, разгладила юбку и, подавшись вперед, выпалила:

— И даже теперь вы не откажетесь…?

Спейд упреждающе поднял ладонь. Верхняя часть его лица хмурились. Нижняя улыбалась.

— Зависит от обстоятельств, — сказал он. — Но вопрос вот в чем, мисс… как вас все-таки величать — Уондерли или Леблан?

Зардевшись, она пролепетала:

— На самом деле я — О'Шонесси — Бриджит О'Шонесси.

— Вся загвоздка, мисс О'Шонесси, в том, что пара убийств… — Он поморщился, — …подряд, как в нашем случае, обычно всех поднимает на уши, полиция усердствует, так что все усложняется и требует больших расходов. Это вам не…

Он умолк, потому что она перестала слушать и просто ждала, пока он договорит.

— Мистер Спейд, скажите мне правду. — Ее голос дрожал на грани истерики, глаза безумно метались, лицо выражало отчаяние. — Я виновата в том… в том, что случилось ночью?

Спейд покачал головой.

— Нет, если только вы ничего от меня не скрываете, — сказал он. — Вы же предупреждали, что Терсби опасен. Конечно, вы солгали насчет вашей сестры и всего остального, но это не имеет значения — все равно мы вам не поверили. — Он

пожал могучими плечами. — Не думаю, что это ваша вина.

Очень тихо она сказала:

— Спасибо. — А потом закрутила головой. — Но я всегда буду винить себя. — Она судорожно прижала руку к горлу. — Вчера днем мистер Арчер был таким… таким жизнерадостным, таким крепким и сердечным… он…

— Хватит, — оборвал ее Спейд. — Он знал, на что подписался. Нам приходится рисковать.

— Он был… был женат?

— Да, но это был брак с женщиной, которая его не любила, без детей, зато со страховкой в десять тысяч долларов.

— Ох, пожалуйста, не надо! — прошептала она.

Спейд снова пожал плечами.

— Так уж сложилось. — Он взглянул на часы и пересел со стула на козетку рядом с ней. — Нет времени переживать об этом. — Его голос был доброжелателен, но непреклонен. — Вокруг рыщут стаи полицейских, помощников окружного прокурора и репортеров. И все они носом землю роют. Что я должен для вас сделать?

— Я хочу, чтобы вы защитили меня от… от всего этого, — ответила она дрожащим голосом и робко тронула его за рукав. — Мистер Спейд, они знают

обо мне?

— Пока нет. Сперва я хотел с вами увидеться.

— Что… что они подумают, когда выяснится, что я к вам приходила и… что солгала?

— Это, конечно, вызовет у них подозрения. Вот потому-то я и откладывал свой рассказ до поры, пока не встречусь с вами. Думаю, не стоит выкладывать им все. На всякий случай мы должны запастись подходящей историей, чтобы усыпить их бдительность.

— Вы же не думаете, что я как-то связана… с убийствами… правда?

Спейд ухмыльнулся и сказал:

— Кстати, забыл вас об этом спросить. Так связаны или нет?

— Нет.

— Это хорошо. Итак, что мы расскажем полиции?

Она поерзала на своем краешке козетки, и глаза ее, обрамленные густыми ресницами, дрогнули, словно она попыталась отвести взгляд — и не сумела. Она казалась такой маленькой, такой беззащитной, такой юной.

— А это обязательно — рассказывать им обо мне? — спросила она. — Я до смерти боюсь этого, мистер Спейд. Не могу объяснить, почему, но,

пожалуйста, защитите меня от них, избавьте от необходимости отвечать на их вопросы! Сейчас я просто этого не вынесу. Я умру. Вы спасете меня, мистер Спейд?

— Может быть, — сказал он. — Но мне надо знать, в чем тут дело.

Она встала перед ним на колени и сжала руки в немой мольбе. Бледная, напряженная, она смотрела на него снизу вверх испуганными глазами.

— Жизнь моя была неправедной, — говорила она сквозь слезы. — Я поступала дурно — куда хуже, чем вы можете себе представить, но я не закоренелая преступница. Посмотрите на меня, мистер Спейд. Вы же знаете, что я не такая, правда? Вы же видите это? Могу ли я рассчитывать на малую толику вашего доверия? О, я совсем одна, и мне совсем некому помочь, если вы не поможете. Я знаю, что не имею права молить о доверии, не доверяя вам. Но я действительно вам доверяю, только не могу всего рассказать. Сейчас не могу. Но обязательно расскажу потом, когда будет можно. Я боюсь, мистер Спейд. Боюсь вам довериться. То есть, я не это имею в виду. Я вам доверяю, но… я доверяла Флойду как… никому другому, мистер Спейд, как никому другому. Вы можете мне помочь. Вы сказали, что можете. Если бы я

не верила, что вы сможете меня спасти, я сегодня не посылала бы за вами, а сбежала куда глаза глядят. Если бы я думала, что кто-нибудь другой сможет меня спасти, разве стояла бы я перед вами на коленях? Знаю, что не вполне откровенна с вами. Но будьте великодушны, мистер Спейд, не просите меня об откровенности. Вы такой сильный, находчивый, храбрый. И вы, конечно же, сможете уделить мне немного этой силы, находчивости, храбрости. Помогите мне, мистер Спейд. Помогите, потому что я крайне нуждаюсь в этом, и потому что если вы откажетесь, то где мне найти того, кто сможет, а не только захочет. Помогите мне. Я не имею права просить вас помогать мне вслепую и все-таки прошу. Будьте великодушны, мистер Спейд. Только вы можете меня спасти. Только вы.

Спейд, который выслушал эту речь затаив дыхание, шумно выдохнул сквозь сжатые губы и сказал:

— Вам вряд ли так уж понадобится чья-то помощь. Вы неподражаемы. Просто неподражаемы. Особенно хороши глаза, на мой вкус, и дрожащий голосок, когда вы чирикаете что-то вроде: «Будьте великодушны, мистер Спейд!»

Она вскочила. Лицо ее стало пунцовым, но голо-

ву она держала прямо и так же прямо посмотрела Спейду в глаза.

— Поделом мне, — сказала она. — Я это заслужила, солгав вам, но… ох, я действительно хотела, чтобы вы мне помогли. И теперь хочу и очень нуждаюсь в этом, очень. И ложь моя заключалась вовсе не в том, что я рассказала, а в том — как я это сделала. — Она отвернулась, плечи ее поникли. — Я сама виновата, что вы мне теперь не верите.

Спейд побагровел и уставился в пол.

— Попал я в передрягу, — проворчал он.

Бриджит О'Шонесси подошла к столу и взяла его шляпу. Потом вернулась и встала перед ним со шляпой в руке, не протягивая ее ему, а просто держа так, чтобы он сам мог взять при желании. Лицо у нее было бледное, осунувшееся.

Спейд посмотрел на шляпу и спросил:

— Что случилось минувшей ночью?

— Флойд пришел в отель в девять вечера, и мы пошли прогуляться. Я сама это предложила, чтобы мистер Арчер смог на него посмотреть. Мы зашли в ресторан — на Гири-стрит, кажется — поужинали там, потанцевали и вернулись в отель где-то в половине первого ночи. Флойд простился со мной у двери, и я видела из холла,

как мистер Арчер пошел за ним следом — вниз по улице, по противоположной стороне.

— Вниз? То есть, в сторону Маркет-стрит?

— Да.

— Вы не знаете, что они делали неподалеку от перекрестка Буш и Стоктон, где в Арчера выстрелили?

— А разве это не по соседству с отелем, где жил Флойд?

— Нет. Это крюк кварталов на десять в сторону от того пути, по которому он должен был идти от вашего отеля к своему. Так… А что вы делали после его ухода?

— Легла спать. А сегодня утром я спустилась к завтраку, увидела заголовки газет и прочитала — о чем, вы знаете. Потом я пошла на Юнион-Сквер, где раньше видела автомобили напрокат, наняла один и поехала за багажом к себе в отель. После того, как я обнаружила, что вчера мою комнату обыскивали, я поняла, что должна переехать, и вчера же пополудни нашла эту квартиру. Перебравшись сюда, я позвонила вам.

— Ваш номер в «Сент-Марке» обыскали?

— Да, пока я была у вас в конторе. — Она закусила губу. — Я не собиралась вам об этом рассказывать.

— Это означает, что мне не полагается об этом спрашивать?

Она смущенно кивнула.

Он нахмурил брови.

Она чуть шевельнула шляпой в руке.

Он досадливо хохотнул и сказал:

— Хватит махать шляпой у меня перед носом. Разве я не обещал сделать все, что смогу?

Она виновато улыбнулась, вернула шляпу на стол и снова села рядом с ним на козетку.

Он сказал:

— Я, в общем-то, готов слепо доверять вам, вот только не смогу быть вам полезен в полной мере, не имея представления о том, что, собственно, происходит. К примеру, мне нужно составить какое-никакое представление об этом вашем Флойде Терсби.

— Мы познакомились с ним на Востоке. — Она говорила медленно, глядя на свой палец, рисующий восьмерки на обивке в пространстве между ними. — Сюда мы приехали из Гонконга на прошлой неделе. Он был… он обещал помочь мне. Он воспользовался моим безнадежным положением и зависимостью от него. И предал меня.

— Каким образом он вас предал?

Она покачала головой и ничего не ответила.

Спейд, нетерпеливо хмурясь, спросил:

— Почему вы хотели проследить за ним?

— Хотела узнать, как далеко он зашел. Он даже не сообщил мне, где остановился. Я хотела выяснить, что он делает, с кем встречается и все прочее.

— Это он убил Арчера?

Она подняла на него удивленные глаза.

— Конечно, он.

— В его наплечной кобуре нашли «Люгер». Арчер был застрелен не из «Люгера».

— Флойд носил револьвер в кармане пальто.

— Вы его видели?

— О, довольно часто. Я знаю, что он постоянно был при оружии. Вчера вечером я револьвер не видела, но обычно, надевая пальто, он клал его в карман.

— Зачем ему оружие?

— Это его хлеб. В Гонконге ходили слухи, что он приехал туда, на Восток, в качестве телохранителя одного игрока, которому пришлось покинуть Штаты, и что с тех пор этого игрока никто не видел. Говорили, что Флойд причастен к этому исчезновению. Я не знаю. Но точно знаю, что он всегда вооружен до зубов, а спать ложится только после того, как застелет пол вокруг кровати

мятыми газетами, чтобы никто не мог бесшумно прокрасться к нему в комнату.

— Хорошенького дружка вы себе выбрали.

— Только такой мне и мог помочь, — ответила она просто, — если бы оставался верен мне.

— Если бы да кабы. — Спейд ущипнул себя за нижнюю губу и угрюмо посмотрел на собеседницу. Вертикальные морщины между бровями стали резче, брови почти сошлись на переносице. — И все-таки, какой глубины та яма, в которую вы угодили?

— Настолько глубокая, что и не передать.

— Вам грозит расправа?

— Я не героиня. Хуже смерти ничего нет.

— Так значит — смерть?

— Это так же верно, как и то, что мы с вами здесь сидим. — Она содрогнулась. — Если только вы меня не спасете.

Он перестал теребить губу и пригладил волосы.

— Я не Иисус Христос, — раздраженно сказал он. — Я не умею творить чудеса. — Он взглянул на часы. — День на исходе, а вы не дали мне ничего, с чем можно работать. Кто убил Терсби?

Она прижала к губам смятый платок и сказала сквозь него:

— Я не знаю.

— Ваши враги или его?

— Не знаю. Надеюсь, его, но боюсь, что... я не знаю.

— А каким образом он должен был вам помочь? Зачем вы притащили его сюда из Гонконга?

Она бросила на него испуганный взгляд и молча покачала головой. Лицо у нее было измученное и жалобно-упрямое.

Спейд встал, засунул руки в карманы пиджака и хмуро посмотрел на нее сверху вниз.

— Дело дрянь, — раздраженно бросил он. — Я ничего не смогу для вас сделать, потому что не знаю, какую каверзу вы задумали. Я даже не уверен, что вы сами знаете, чего хотите.

Она уронила голову и зарыдала.

Издав нетерпеливый, прямо-таки звериный рык, Спейд решительно направился к столу за шляпой.

— Пожалуйста, — взмолилась она прерывающимся от рыданий голосом, не поднимая головы, — не ходите в полицию!

— В полицию? — заорал он в ярости. — Да они с четырех утра за мной бегают! Бог знает, в какую передрягу я влез, чтобы отделаться от них. И чего ради? Ради безумной фантазии, что я чем-то могу

вам помочь? Я пас. И даже пытаться не буду. — Он нахлобучил шляпу на голову. — «Не ходите в полицию!» Да мне и ходить не надо — достаточно спокойно постоять минутку, и они тут же на меня набросятся всей сворой. Что ж, расскажу им, что знаю, а вы сами выкручивайтесь.

Она поднялась с козетки, встала перед ним прямо, хотя колени у нее дрожали, и подняла бледное, искаженное страхом лицо, не в силах унять непроизвольное подергивание рта и подбородка.

— Вы были терпеливы, — сказала она. — Вы пытались мне помочь. Думаю, все это безнадежно и напрасно. — Она протянула правую руку. — Спасибо вам за то, что вы для меня уже сделали. Я… я буду выкручиваться сама.

Спейд снова зарычал по-звериному и сел на козетку.

— Сколько у вас денег?

Вопрос застал ее врасплох. Прикусив нижнюю губу, она нехотя ответила:

— Осталось около пяти сотен.

— Дайте их мне.

Она медлила, нерешительно глядя на него. Все своим видом — губами, бровями, жестами — Спейд демонстрировал недовольство. Она

скрылась в спальне и почти сразу же вышла оттуда с пачкой банкнот в руке.

Он взял у нее деньги и пересчитал.

— Здесь только четыре сотни.

— Мне надо на что-то жить, — кротко объяснила она, прижав руку к груди.

— Можете добыть еще?

— Нет.

— У вас наверняка есть что обратить в деньги, — настаивал он.

— Несколько колец, безделушки.

— Заложите их. Лучше всего в «Ремедиалс» — угол Пятой и Мишн, — сказал он и протянул руку.

Она просительно заглянула в его желто-серые глаза. Но те смотрели твердо, неумолимо.

Она медленно полезла в вырез платья, вытащила оттуда несколько купюр, свернутых в тонкую трубочку, и положила в его протянутую руку.

Он расправил их, пересчитал — четыре двадцатки, четыре по десять и пятерка — и вернул ей две десятки и пятерку. Прочие положил в карман. Затем он встал и сказал:

— Я ухожу. Посмотрим, что я смогу для вас сделать. Постараюсь вернуться как можно скорее и принести наилучшие новости. Позвоню четыре

раза — длинный звонок, короткий, длинный, короткий — чтобы вы знали, что это я. Не провожайте, я сам найду выход.

Он ушел, а она так и стояла посреди комнаты, глядя ему вслед ошеломленными синими глазами.

* * *

Он вошел в приемную адвокатской конторы, на дверях которой красовалась табличка «Уайз, Мерикен и Уайз». Рыжая девушка, сидевшая у коммутатора, воскликнула:

— А, мистер Спейд, привет!

— Привет, золотце, — ответил он. — Сид у себя?

Он стоял рядом с ней, положив руку на ее округлое плечико, пока она вставляла штекер в гнездо.

Она сообщила в микрофон:

— Мистер Уайз, к вам мистер Спейд. — Потом подняла глаза на него: — Идите прямо в кабинет.

Он благодарно пожал ей плечо и проследовал через приемную в тускло освещенный внутренний коридор к двери с матовым стеклом в самом его конце. Он открыл эту дверь и вошел в кабинет, где за огромным письменным столом, заваленным кипами бумаг, сидел маленький

человек с вытянутым и утомленным оливковым лицом и редкими темными волосами, усыпанными перхотью.

Коротышка махнул потухшим сигарным окурком в сторону Спейда и сказал:

— Подвинь сюда стул. Так, значит, Майлз безвременно нас покинул прошлой ночью? — Ни его усталое лицо, ни весьма пронзительный голос не выражали эмоций.

— Угу, потому-то я и пришел. — Спейд насупил брови и откашлялся. — Кажется, мне придется послать коронера ко всем чертям, Сид. Могу ли я ссылаться на неприкосновенность секретов и личности моих клиентов, и прочее и прочее, как это делает адвокат, или как священник ссылается на тайну исповеди?

Сид Уайз вздернул плечи и опустил уголки рта.

— Почему бы и нет? Дознание — это еще не судебный процесс. Во всяком случае, можешь попробовать. Помнится, тебе и не такое сходило с рук.

— Да я знаю, но Данди меня достает, и на этот раз как-то особенно гнусно. Надень шляпу, Сид, и отведи меня к нужным людям. Я должен подстраховаться.

Сид Уайз посмотрел на гору бумаг на столе и

невесело хмыкнул, однако встал с кресла и пошел к стенному шкафу у окна.

— Сукин ты сын, Сэмми, — сказал он и взял шляпу, висевшую на крючке.

* * *

В тот вечер Спейд вернулся к себе в контору в десять минут шестого. Эффи Перин, сидя за его столом, читала «Тайм». Спейд присел на стол и спросил:

— Что у нас потрясающего?

— У нас — ничего, а вот ты похож на кота, который слопал канарейку.

Он довольно ухмыльнулся.

— Думаю, у нас есть будущее. Я всегда считал, что если Майлз уйдет и умрет где-нибудь, у нас появится больше шансов преуспеть. Ты не возьмешь на себя труд послать цветы от моего имени?

— Уже.

— Ты мой бесценный ангел. Как сегодня поживает твоя женская интуиция?

— Ты о чем?

— Что ты думаешь о мисс Уондерли?

— Ничего плохого, — без раздумий ответила девушка.

— У нее чересчур много фамилий, — размышлял Спейд. — То Уондерли, то Леблан, а настоящее имя, как она утверждает — О'Шонесси.

— Да пусть назовется хоть всеми именами из телефонного справочника. Нормальная девушка, как по мне, и ты тоже это знаешь.

— Я просто интересуюсь. — Спейд сонно прищурился на Эффи Перин. Потом хихикнул. — Как-никак, она выложила семь сотен зеленых за два дня. Это полный порядок.

Эффи Перин чинно выпрямилась в кресле и сказала:

— Сэм, если эта девушка попала в переплет, а ты ее подведешь или воспользуешься ее бедой, чтобы обобрать до нитки, я тебе этого никогда не прощу и перестану уважать на веки вечные.

Спейд неестественно улыбнулся. Потом помрачнел. Тоже неестественно. Потом он открыл было рот, чтобы что-то ответить, но звук открывающейся наружной двери ему помешал.

Эффи Перин встала и вышла в приемную. Спейд снял шляпу и сел в кресло. Девушка вернулась с карточкой, на которой было отпечатано: «М-р. Джоэл Кейро».

— Странный тип, — заметила она.

— Пригласи его, дорогая, — сказал Спейд.

Мистер Джоэл Кейро оказался смуглым, тонкокостным мужчиной среднего роста. Волосы у него были черные, гладкие и блестящие. Изящные левантийские черты лица. Квадратный рубин, обрамленный четырьмя бриллиантами багетной огранки, мерцал на темно-зеленом галстуке. Черное пальто, плотно облегавшее узкие плечи, слегка расширялось на полноватых бедрах. Брючины облепили округлые икры плотнее, чем того требовала современная мода. Верх лакированных ботинок скрывали коричневые гетры. Держа черный котелок рукой в замшевой перчатке, мистер Кейро приблизился к Спейду короткими шажками, семеня и подпрыгивая. Вместе с ним в кабинет проник запах шипрового одеколона.

Спейд кивнул посетителю, потом указал подбородком на полукресло со словами:

— Садитесь, мистер Кейро.

Кейро отвесил изысканный поклон.

— Благодарю вас, — произнес он неестественно высоким голосом. Чинно уселся, скрестив ноги, положил шляпу на колени и принялся стаскивать желтые перчатки.

Спейд откинулся на спинку кресла и спросил:

— Итак, чем могу служить, мистер Кейро?

Любезная небрежность его тона, его движение

в кресле были точно такими же, как и накануне, когда он задавал тот же вопрос Бриджит О'Шонесси.

Кейро перевернул шляпу, бросил в нее перчатки и положил на ближайший к нему угол стола. Бриллианты мерцали на указательном и безымянном пальцах его левой руки Рубин — близнец того, что украшал галстук, вплоть до бриллиантов по всем четырем граням — на указательном пальце правой. Эти мягкие, ухоженные руки, хоть и не были велики, из-за своей вялой короткопалости казались уродливыми. Потирая ладони с шелестящим звуком, Кейро сказал, перекрывая этот шелест:

— Уместно ли незнакомцу принести соболезнования по поводу прискорбной кончины вашего компаньона?

— Благодарю вас.

— Позвольте спросить вас, мистер Спейд, существует ли, как намекают газеты, определенная… эээ… взаимосвязь между этим прискорбным событием и чуть более поздней гибелью некоего Терсби?

Спейд ничего не ответил, сохраняя красноречиво-непроницаемое выражение на лице.

Кейро встал и поклонился.

— Прошу прощения, — сказал он, снова сел и положил ладони плашмя на край стола. — Я спрашиваю отнюдь не из праздного любопытства, мистер Спейд. Я пытаюсь вернуть… ээ-э… украшение, которое, скажем так, потерялось. Я думал и надеялся, что вы сможете мне посодействовать.

Спейд чуть наклонил голову, приподняв брови в знак того, что он внимательно слушает.

— Это украшение — статуэтка, — продолжал Кейро, тщательно выбирая и выговаривая слова, — в виде черной птицы.

Спейд опять кивнул с учтивым интересом.

— От имени законного владельца фигурки я готов заплатить за ее возвращение пять тысяч долларов. — Кейро оторвал одну руку от края стола и ткнул уродливым указательным пальцем в какую-то воображаемую точку в воздухе. — Я также готов пообещать… как бы это выразить?.. не задавать никаких вопросов. — Он снова положил руку на стол рядом с другой и одарил частного детектива любезной улыбкой.

— Пять тысяч — сумма немаленькая, — заметил Спейд, задумчиво глядя на Кейро. — Это…

В дверь тихонько забарабанили пальчики.

Когда Спейд пригласил: «Войдите!», дверь отворилась ровно настолько, чтобы в щель пролезли

голова и плечи Эффи Перин. На ней была черная фетровая шляпка и серое пальто с меховым воротником.

— На сегодня все? — спросила она.

— Да. Спокойной ночи. Запри дверь, когда будешь уходить, будь добра.

Спейд повернул кресло к мистеру Кейро со словами:

— Это очень интересная сумма.

В коридоре хлопнула дверь, Эффи Перин ушла.

Кейро усмехнулся и вынул и внутреннего кармана короткий, компактный, плоский пистолетик.

— Будьте любезны, — сказал он, — поднять руки за голову.

Глава 5. Левантиец

Спейд на пистолет даже не глянул. Он поднял руки, заложил их за голову, и откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на затылке. Его глаза, устремленные на смуглое лицо Кейро, не выражали ровным счетом ничего.

Кейро кашлянул коротко и даже как-то виновато и нервно улыбнулся слегка побледневшими губами. Его темные, влажные глаза глядели застенчиво и очень серьезно.

— Я намерен обыскать ваши помещения, мистер Спейд. Предупреждаю, если вы попытаетесь мне помешать, то я обязательно вас застрелю.

— Валяйте. — Голос Спейда был так же безразличен, как и выражение его лица.

— А вы, пожалуйста, встаньте, — велел человек с пистолетом тому, в чью широкую грудь было направлено дуло. — Я должен убедиться, что вы не вооружены.

Спейд встал и, распрямляя ноги, одновременно оттолкнул кресло икрами. Кейро обошел его со спины. Он переложил пистолет из правой руки в левую. Приподнял полу пиджака Спейда и загля-

нул под нее. Прижимая дуло к спине детектива, он обхватил его сбоку правой рукой и похлопал по груди. Лицо левантийца оказалось чуть ниже правого локтя Спейда — всего в шести дюймах позади.

Локоть Спейда опустился на это лицо, когда он развернулся вправо. Оно дернулось назад, но не слишком далеко — правый спейдов каблук придавил лаковый носок менее рослого противника, не дав увернуться от траектории локтя. Локоть врезался Кейро чуть ниже скулы, и тот наверняка упал бы на пол, если бы Спейд не наступил ему на ногу. Локоть промелькнул мимо ошарашенного лица и распрямился, когда Спейд ударил по пистолету. Кейро выпустил оружие в то самое мгновение, когда его схватили пальцы Спейда. Для огромной лапы Спейда игрушка была маловата.

Спейд сошел с ноги Кейро, чтобы закончить разворот. Оказавшись лицом к лицу к маленькому левантийцу, он сгреб его за лацканы — зеленый галстук с рубиновой заколкой свисал на костяшки пальцев левой руки Спейда, пока правая засовывала трофейный пистолетик в карман пиджака. Глаза Спейда горели мрачным желто-серым огнем. Лицо его одеревенело, вокруг рта

залегли угрюмые складки.

Лицо Кейро сморщилось от боли и унижения. В темных глазах стояли слезы. Кожа стала свинцово-серой, краснело только пятно на щеке — там, куда угодил спейдов локоть.

Крепко сжимая лацканы пиджака левантийца, Спейд дотолкал его до кресла, на котором тот прежде сидел. На сером лице выражение боли сменилось недоумением. И тут Спейд улыбнулся. Мягкой, почти мечтательной улыбкой. Правое плечо приподнялось на пару дюймов. За ним потянулась согнутая правая рука. Кулак, запястье, предплечье, согнутый локоть накрепко слились в единое целое, движимое только плечом. Кулак врезался в лицо Кейро, на миг полностью скрыв одну половину его подбородка, угол рта и большую часть щеки между скулой и нижней челюстью.

Кейро закрыл глаза и отключился.

Спейд опустил обмякшее тело на кресло, руки и ноги левантийца безвольно свисали, голова с открытым ртом запрокинулась на спинку.

Спейд опустошил карманы лежавшего без сознания человека, работая методично, ворочая при необходимости бесчувственное тело. На столе выросла горка всевозможных предметов.

Вывернув последний карман, он вернулся за свой стол, скрутил и прикурил сигарету и начал осматривать добычу — неторопливо, серьезно, тщательно.

Большой бумажник из мягкой черной кожи содержал триста шестьдесят пять долларов США в купюрах разного достоинства. Помимо этого в нем лежали три банкноты по пять фунтов, греческий паспорт, на имя Кейро с его же фотографией, обклеенный визами вдоль и поперек; пять сложенных листков цвета лилового лука, исписанных, судя по всему, арабской вязью; небрежно вырезанная газетная заметка о том, что обнаружены тела Арчера и Терсби; фотокарточка смуглой женщины с дерзкими, жестокими глазами и нежным, полуоткрытым ртом; большой шелковый носовой платок, пожелтевший от времени и немного потертый на сгибах; тонкая пачка визитных карточек на имя мистера Джоэла Кейро; билет в партер на вечерний спектакль в театре «Гири».

Кроме бумажника и его содержимого в карманах Кейро обнаружились три шелковых носовых платка яркой расцветки, благоухающих шипром; платиновые карманные часы «Лонжи́н» на цепочке из платины и красного золота конце

которой болтался брелок в форме груши из белого металла; пригоршня американских, британских, французских и китайских монет; кольцо с полудюжиной ключей на нем; отделанная серебром ониксовая авторучка; металлический гребешок в дерматиновом футляре; пилочка для ногтей в дерматиновом чехле; карманный путеводитель по Сан-Франциско; багажная квитанция железнодорожной компании «Сазерн-Пасифик»; полупустой пакетик фиалковых пастилок; визитная карточка шанхайского страхового брокера; четыре листа писчей бумаги из отеля «Бельведер», на одном из которых четким убористым почерком было записано имя Сэмюэля Спейда, адрес его конторы и домашний адрес.

Изучив все это тщательнейшим образом — он даже открыл заднюю крышку часов, проверить, не спрятано ли что-нибудь под ней — Спейд перегнулся через стол к лежащему в отключке посетителю и взялся за его запястье большим и средним пальцем — пощупать пульс. Затем он отпустил вялую руку, снова погрузился в кресло, свернул очередную сигарету и закурил. Пока он курил, его лицо, за исключением бесцельно шевелящейся нижней губы, было таким неподвижным и задумчивым, что казалось глу-

поватым. Однако, когда Кейро наконец застонал и веки его затрепетали, лицо Спейда преобразилось — на нем возникло вкрадчиво-вежливое выражение, на губах и в глазах появились даже зачатки дружелюбной усмешки.

Джоэл Кейро приходил в себя медленно. Сперва открылись глаза, но прошла целая минута, пока они сосредоточились на определенном куске потолка. Потом он закрыл рот, сглотнул и шумно выдохнул через нос, подтянул одну ногу и ощупал бедро. Потом оторвал голову от спинки кресла, растерянно оглядел кабинет, увидел Спейда и сел прямо. Он открыл было рот, чтобы заговорить, вздрогнул и схватился за то место, куда угодил кулак Спейда и где теперь красовался живописный синяк.

— Я мог застрелить вас, мистер Спейд, — сквозь зубы процедил Кейро, морщась от боли.

— Могли попробовать, — допустил Спейд.

— Я не пробовал.

— Знаю.

— Тогда зачем вы ударили меня после того, как разоружили?

— Извините, — сказал Спейд и одарил собеседника волчьей ухмылкой во весь рот, — но представьте и вы себе, как я был сконфужен,

когда разговор о пяти тысячах долларов оказался пустым трепом.

— Вы заблуждаетесь, мистер Спейд. Мое предложение было и остается совершенно искренним.

— Что за хрень? — совершенно искренне удивился Спейд.

— Я готов заплатить пять тысяч долларов за возвращение статуэтки. — Кейро перестал держаться за синяк и снова сел прямо, приняв деловитую позу. — Она у вас?

— Нет.

— Если ее здесь нет, — заметил Кейро с очень вежливым скепсисом, — то зачем же тогда вы рисковали получить серьезные травмы, мешая мне поискать ее?

— А я должен сидеть и покорно ждать, пока каждый встречный и поперечный начистит мне физиономию? — Спейд ткнул пальцем в пожитки Кейро на столе. — У вас адрес моей квартиры. Вы уже побывали там?

— Да, мистер Спейд. Я готов заплатить пять тысяч долларов за возвращение фигурки, но, конечно же — что вполне естественно — я сперва попытаюсь избавить владельца от подобных расходов, если это возможно.

— Кто он?

Кейро покачал головой и улыбнулся.

— Вам придется простить меня за то, что я не отвечу на этот вопрос.

— Неужели? — подался вперед Спейд, улыбаясь крепко сжатыми губами. — Я держу вас за горло, Кейро. Своим появлением здесь вы крепко связали себя со вчерашними убийствами — достаточно крепко, чтобы это устроило полицию. Так что либо выкладывайте, либо…

Кейро улыбнулся — кротко и совершенно безмятежно.

— Прежде чем что-то предпринять, я навел о вас довольно подробные справки, — сказал он, — и убедился, что вы слишком благоразумны, чтобы позволить посторонним факторам помешать выгодным деловым отношениям.

Спейд пожал плечами.

— И где они, эти отношения?

— Я предложил вам пять тысяч долларов за…

Спейд похлопал тыльной стороной ладони по бумажнику Кейро и сказал:

— Здесь нет ничего похожего на пять тысяч долларов. Вы блефуете. С таким же успехом вы могли предложить мне миллион за розового слона!

— Я понимаю, понимаю, — задумчиво произнес Кейро и прищурился. — Вы желаете получить

какое-нибудь подтверждение моей искренности. — Он провел кончиком пальца по своей красной нижней губе. — Аванс вас устроит?

— Вполне.

Кейро потянулся было к бумажнику, потом передумал, отдернул руку и попросил:

— Не могли бы вы сами достать оттуда, скажем, сто долларов?

Спейд взял бумажник и вынул сотню. Затем нахмурился.

— Лучше пусть будет двести, — сказал он и взял вторую.

Кейро промолчал.

— Первая ваша догадка заключалась в том, что птица у меня, — бодро продолжил Спейд, спрятав двести долларов в карман и бросив бумажник обратно на стол. — Но это не так. Какова вторая?

— Что вы знаете, где она или, точнее, знаете, что она там, где вы сможете до нее добраться.

Спейд не стал ни опровергать, ни подтверждать это предположение, казалось, он вообще слушал собеседника вполуха. Он спросил:

— Чем вы можете доказать, что тот, кого вы представляете — действительно законный владелец?

— Доказательств, к сожалению, у меня немно-

го. Впрочем, одно есть: никто другой вообще не сможет предоставить никаких достоверных свидетельств права собственности. И если вы знаете об этом деле столько, сколько я предполагаю — иначе меня бы здесь не было — то вам известно, что обстоятельства, при которых статуэтка была похищена, говорят о том, что права моего нанимателя на нее куда более весомы, чем чьи-либо еще, и уж точно весомее, чем у Терсби.

— А как насчет дочурки? — спросил Спейд.

От волнения Кейро выпучил глаза и открыл рот, он покраснел как рак, голос у него стал визгливым.

— Терсби — точно не владелец!

— А-а, — произнес Спейд тихо и многозначительно.

— А он сейчас здесь, в Сан-Франциско? — спросил Кейро уже не так визгливо, но все равно взволнованно.

Спейд сонно поморгал и предложил:

— Давайте-ка выложим карты на стол, так будет лучше.

Кейро слегка дернулся, самообладание вернулось к нему.

— Не думаю, что так лучше. — Его голос теперь звучал более учтиво. — Если вам известно

больше, чем знаю я, то я получу выгоду от ваших знаний, но и вы тоже — в размере пяти тысяч долларов. Если же это не так, значит, я ошибся, придя сюда, и согласившись на ваше предложение, я только усугублю эту ошибку.

Спейд равнодушно кивнул и махнул рукой на вещи, лежащие на столе:

— Ваше барахлишко.

Кейро принялся рассовывать все по карманам, а Спейд продолжил:

— Стало быть, если я правильно понял, вы оплачиваете мои текущие расходы, пока я разыскиваю для вас эту черную птицу, а пять тысяч долларов я получу по завершении этого дела?

— Да, мистер Спейд, то есть, пять тысяч долларов за вычетом выданного вам аванса — пять тысяч всего.

— Хорошо. И это предложение не противозаконно. — Лицо Спейда было серьезно, только в уголках глаз появились морщинки. — Вы нанимаете меня не для того, чтобы я совершал для вас убийства или кражи со взломом, а просто чтобы вернуть вещицу — по возможности честным и законным способом.

— По возможности, — согласился Кейро. Его лицо тоже было серьезно, не считая выражения

глаз. — И в любом случае действуйте осмотрительно. — Он встал и взял в руки шляпу. — Я живу в гостинице «Бельведер», если вы пожелаете связаться со мной. Номер шестьсот тридцать пять. Я искренне рассчитываю на большую взаимную выгоду от нашего сотрудничества, мистер Спейд. — Он помялся. — Могу я забрать свой пистолет?

— Конечно, совсем о нем забыл.

Спейд вынул пистолетик из кармана пиджака и отдал Кейро.

Кейро направил его Спейду прямо в грудь.

— Будьте так любезны, положите руки на стол, — совершенно серьезно сказал Кейро. — Я намерен обыскать ваши помещения.

— Черт побери, — сказал Спейд, а потом расхохотался во все горло. — Ладно. Валяйте. Не буду вам мешать.

Глава 6. Шпик-недомерок

Еще полчаса после ухода Джоэла Кейро Спейд неподвижно сидел один и хмурился. А потом сказал тоном человека, которому все нипочем: «Что ж, клиент платит» и вытащил из ящика стола бутылку «Манхэттена» и бумажный стаканчик. Он наполнил стаканчик на две трети, выпил залпом, спрятал бутылку, выбросил стаканчик в корзину, надел шляпу и пальто, погасил везде свет и вышел на освещенную фонарями ночную улицу.

Малорослый юнец лет двадцати в аккуратной серой кепочке и пальто праздно подпирал стену на углу чуть ниже здания, где располагалась контора Спейда.

Спейд пошел по Саттер-стрит до Керни, где заглянул в табачную лавку, чтобы купить две пачки «Булл Дарема». Выйдя, он опознал давешнего юнца среди четверых пассажиров, ожидавших трамвай на противоположной стороне.

Спейд поужинал в «Гербертс-гриле» на Пауэлл-стрит. Без четверти восемь, когда он покинул гриль-бар, парнишка увлеченно глазел на витрину галантерейного магазина по соседству.

Спейд вошел в отель «Бельведер» и справился о мистере Кейро. Ему ответили, что Кейро отсутствует. Юнец терпеливо просиживал стул в дальнем углу вестибюля.

Спейд отправился в театр «Гири» и, не застав Кейро в фойе, решил дождаться на тротуаре напротив театра. Молодой человек тем временем прогуливался среди прочих гулявших у ресторана «Маркварда» ниже по улице.

В десять минут девятого появился Джоэл Кейро и, семеня и подпрыгивая, направился по Гири-стрит. Он, по всей видимости, не заметил Спейда, пока частный детектив не тронул его за плечо. В первый момент Кейро слегка удивился, но потом сообразил:

— Ах, да, вы же видели билет.

— Угу. Я хочу вам кое-что показать. — Спейд отвел его к бровке тротуара подальше от толпы ожидающих театралов. — Парнишка в кепочке возле «Маркварда».

Тот пробормотал: «Посмотрим» и взглянул на часы. Потом посмотрел на Гири-стрит и уставился прямо перед собой. Он внимательно изучил афишу с изображением Джорджа Арлисса в роли Шейлока, и только после этого до предела скосил свои восточные очи на юнца в кепочке, на его

невозмутимое бледное лицо, на загнутые пушистые ресницы, скрывавшие потупленные глаза.

— Кто он такой? — спросил Спейд.

Кейро улыбнулся.

— Понятия не имею.

— Таскается за мной по всему городу.

Кейро облизнул нижнюю губу и спросил:

— Разумно ли было позволить ему увидеть нас вместе?

— А я почем знаю? — ответил Спейд. — Все равно уже ничего не попишешь.

Кейро снял котелок и пригладил волосы рукой в перчатке. Он снова аккуратно водрузил шляпу на место и сказал совершенно искренне:

— Даю вам слово, мистер Спейд, я его не знаю. Даю вам слово, что не имею с ним ничего общего. Я не просил ничьей помощи, кроме вашей, честное благородное слово.

— Значит, он работает на противника?

— Очень может быть.

— Я просто хотел уточнить, потому что, если он начнет надоедать, возможно, мне придется сделать ему больно.

— Делайте все, что считаете нужным. Он мне не друг.

— Это хорошо. Ну, занавес поднимается. Доброй

ночи, — сказал Спейд и перешел на другую сторону улицы, чтобы сесть на трамвай, следующий в западном направлении.

В тот же трамвай вскочил и юнец в кепке.

Спейд вышел из вагона на Гайд-стрит и отправился домой. В комнатах не царил кавардак, но все свидетельствовало о том, что в них произвели обыск. Умывшись и надев свежую рубашку и воротничок, он снова вышел из дома и пошел на Саттер-стрит, где снова сел в трамвай. То же самое сделал и мальчишка.

За шесть кварталов до «Коронета», Спейд слез с трамвая и вошел в вестибюль высокого жилого дома из бурого кирпича. Он нажал три кнопки кодового замка одновременно. Механизм зажужжал, и дверь открылась. Спейд вошел, миновал лифт и лестницу, по длинному коридору с желтыми стенами проследовал в заднюю часть здания, отыскал дверь черного хода, отпер автоматический дверной замок и вышел в узкий внутренний дворик. Дворик выходил на темный проулок, и через два квартала Спейд пересек Калифорния-стрит и вошел в апартаменты «Коронет». Была почти половина десятого.

Пылкая радость, с которой Бриджит О'Шонесси встретила Спейда, говорила о том, что она уже не

чаяла его увидеть На ней было атласное платье модного в этом сезоне синего цвета «артуа» с бретельками, отделанными халцедоном, чулки и туфли в тон платью.

Красно-бежевую гостиную прибрали и оживили цветами в приземистых черно-серебряных керамических вазах. В камине потрескивали три небольших полена с шероховатой корой. Спейд засмотрелся на огонь, пока хозяйка вешала в прихожей его пальто и шляпу.

— Вы принесли мне хорошие новости? — вернувшись в комнату, спросила она. Улыбка не могла скрыть ее тревогу, она ждала ответа, затаив дыхание.

— Мы не станем предавать огласке то, что пока не известно широкой публике.

— Полиции не обязательно знать обо мне?

— Нет.

Она облегченно вздохнула и села на ореховую козетку. С лица ее исчезло напряженное выражение, тело расслабилось. Она улыбнулась и устремила на него снизу вверх восторженный взор.

— Как вам это удалось? — спросила она скорее с изумлением, чем с любопытством.

— В Сан-Франциско почти все можно либо ку-

пить, либо взять силой.

— А вы не слишком рискуете? Прошу вас, садитесь. — Она подвинулась, освобождая ему место на козетке.

— Я вовсе не против риска — в разумных пределах, — сказал он почти без бравады.

Он стоял у камина, и его глаза в открытую изучали ее, взвешивали, оценивали. Она слегка зарумянилась под его откровенным, изучающим взглядом, но казалась более уверенной в себе, хотя прежняя застенчивость все еще читалась в ее глазах. Спейд не двигался с места, давая понять, что он намерен пренебречь ее приглашением сесть рядом, но потом подошел к козетке.

— Вы ведь не совсем та, кем притворяетесь? — спросил он, опускаясь на козетку.

— Кажется, я не совсем понимаю, о чем это вы, — глухим голосом сказала она, с недоумением глядя на него.

— Изображаете школьницу, — объяснил он. — Заикаетесь, краснеете и все прочее.

Она вспыхнула и торопливо ответила, отведя взгляд:

— Я уже говорила вам сегодня, что я далеко не пай-девочка… я куда хуже, чем вы можете себе представить.

— Это я и имею в виду, — сказал он. — Вы мне сегодня говорили то же самое — и тем же самым тоном. Речь, которую вы заучили и отрепетировали.

Какое-то мгновение казалось, что она вот-вот расплачется от смущения, но вдруг она рассмеялась и сказала:

— Ладно, мистер Спейд — да, я совсем не та, кем притворялась. Мне восемьдесят лет, я невообразимо порочная особа и зарабатываю на хлеб литьем чугуна. Но если это маска, то она приросла ко мне, и вы ведь не рассчитываете, что я так легко ее сброшу?

— Конечно же, нет, — заверил он. — Было бы хуже, окажись вы действительно настолько наивной. Так у нас ничего не получится.

— Притворству конец, — прижав руку к сердцу, пообещала она.

— Сегодня вечером я виделся с Джоэлом Кейро, — произнес Спейд, будто невзначай.

Веселость ее улетучилась вмиг. Испуганным, настороженным взглядом она обшаривала его повернутое в профиль лицо, но на нем не отражалось ни единой мысли. Вытянув ноги, он рассматривал свои ботинки.

После долгой паузы она с трудом произнесла:

— Вы… вы с ним знакомы?

— Я видел его нынче вечером, — все тем же светским, непринужденным тоном ответил Спейд, не поднимая глаз. — Он собирался в театр — на Джорджа Арлисса.

— Так вы разговаривали с ним?

— Всего пару минут, пока не дали третий звонок.

Она встала с козетки, направилась к камину, поворошила поленья, слегка передвинула фигурку на каминной полке. Потом пошла в другой конец комнаты за пачкой сигарет, лежавшей на столике в углу, расправила штору и вернулась на прежнее место. Теперь лицо ее было спокойным, безмятежным.

Спейд криво ухмыльнулся и похвалил:

— Хорошо держитесь. Очень хорошо.

Выражение ее лица не изменилось. Она тихо спросила:

— Он что-нибудь сказал?

— О чем?

Она помедлила.

— Обо мне.

— Ничего.

Спейд повернулся к ней и поднес зажигалку к ее сигарете. Его неподвижное, непроницаемое

лицо напоминало деревянную маску Мефистофеля, в прорезях которой сверкали глаза.

— Так что же он сказал? — спросила она игриво-капризным тоном.

— Предложил мне пять тысяч долларов за черную птичку.

Вздрогнув, девушка прикусила кончик сигареты и испуганно вскинула глаза на Спейда, но тут же отвела взгляд.

— Не хотите ли ли еще раз пройтись до камина, что-нибудь в комнате поправить, то-се? — лениво спросил он.

Она рассмеялась — звонко и весело, бросила покалеченную сигарету в пепельницу и подняла на него ясный и веселый взгляд.

— Нет, не хочу, — ответила она. — А вы что ему сказали?

— Пять тысяч долларов — это большие деньги.

Она улыбнулась ему, но когда, вместо ответной улыбки он послал ей мрачный взгляд, улыбка ее стала блеклой, растерянной, а потом и вовсе растаяла. Уголки губ поникли в недоуменной, обиженной гримаске.

— Но вы же не собираетесь ему помогать, правда? — спросила она.

— Почему это? Пять тысяч долларов — это боль-

шие деньги.

— Но, мистер Спейд, вы же обещали помочь мне. — Она обеими руками схватила его за рукав. — Я доверилась вам. Вы не можете… — Она не договорила, отпустила рукав и судорожно сжала пальцы.

Спейд с мягкой усмешкой заглянул в ее встревоженные глаза.

— Не будем уточнять, насколько вы мне доверились, — сказал он. — Да, я обещал вам помочь, только вы ни словом не обмолвились ни о каких черных птицах.

— Но вы, видимо, все знали, иначе… иначе не стали бы упоминать при мне об этом. Теперь вы точно знаете. Вы не должны… вы не можете… так обойтись со мной.

Мольба застыла в кобальтовой синеве ее глаз.

— Пять тысяч долларов, — в третий раз повторил он, — это большие деньги.

Она вскинула руки и бессильно уронила их, признавая поражение.

— Большие, — обреченным, угасшим голосом согласилась она. — Это гораздо больше, чем я могла бы предложить, чтобы купить вашу преданность.

Спейд рассмеялся. Смех этот был отрывистым

и с оттенком горечи.

— Как славно, — сказал он, — что вы это говорите. А что еще я получил от вас, помимо денег? Доверие? Искренность? Как еще вы помогли мне помочь вам? Не пытались ли вы и в самом деле просто купить мою преданность — и ничего больше? Ну, если уж продавать, то почему бы не продать тому, кто заплатит больше?

— Я отдала вам все деньги, что у меня были. — Слезы блеснули в ее глазах, распахнутых так широко, что виднелись белки. Голос был хриплый и дрожал. — И отдала себя на вашу милость, сказав, что без вашей помощи пропаду. Что еще вам нужно? — Внезапно она придвинулась к нему вплотную и яростно крикнула сквозь слезы: — Может, я оплачу вашу верность своим телом?

Их лица были в нескольких дюймах друг от друга. Спейд сжал ее лицо ладонями и поцеловал в губы — грубо, пренебрежительно. Потом отстранился и сказал:

— Я обдумаю это предложение.

Лицо его было жестким, разъяренным.

Она сидела неподвижно, держась за онемевшие щеки.

Он встал и сказал.

— Господи, во всем этом нет никакого смысла!

Сделав два шага к камину, он остановился и, стиснув зубы, сердито уставился в огонь.

Она не шевелилась.

Он повернулся к ней. Две вертикальные линии на его побагровевшей переносице стали глубокими расщелинами.

— Плевать мне на вашу искренность, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — И на все ваши игрища и секреты, но вы должны хоть чем-то подтвердить, что вы знаете, что делаете.

— Я действительно это знаю. Пожалуйста, поверьте, что я знаю, и что лучше бы вам…

— Докажите, — приказал он. — Я готов вам помогать. До сих пор я делал все, что мог. Если необходимо, я продолжу играть с завязанными глазами, но я проиграю, если не буду вам доверять больше, чем доверяю сейчас. Убедите меня, что вы понимаете, во что ввязались, а не просто действуете наобум, вооружившись одними догадками и надеясь, что в конце все как-нибудь образуется.

— А не могли бы вы еще чуть-чуть подождать?

— Как долго продлится это ваше «чуть-чуть»? Да и чего я должен ждать?

Она закусила губу и потупилась.

— Я должна поговорить с Джоэлом Кейро, —

сказала она еле слышно.

— Можете встретиться с ним сегодня, — предложил Спейд, взглянув на свои наручные часы. — Спектакль скоро закончится. Мы позвоним к нему в отель.

Она подняла на него тревожные глаза.

— Но только не зовите его сюда. Я не хочу, чтобы он знал, где я живу. Я боюсь.

— Тогда у меня, — предложил Спейд.

В сомнении она поджала губы, затем спросила:

— Думаете, он придет?

Спейд кивнул.

— Хорошо! — воскликнула она и вскочила. Ее глаза расширились и загорелись. — Поедем прямо сейчас!

Она вышла в соседнюю комнату. Спейд подошел к столу в углу и тихонько выдвинул ящик. В нем лежали две колоды игральных карт, пачка карточек для бриджа, латунный шуруп, кусок красной бечевки и золотой карандашик. Он задвинул ящик и как раз закуривал сигарету, когда девушка вышла из комнаты в маленькой черной шляпке и пальто из серой лайковой кожи, неся в руках его пальто и шляпу.

* * *

Такси остановилось позади темного седана, припаркованного прямо напротив парадной двери Спейда. За рулем седана сидела Айва Арчер. Спейд приподнял шляпу, приветствуя Айву, и провел в подъезд Бриджит О'Шонесси. В вестибюле он задержался возле скамеек и спросил:

— Вы не подождете меня здесь минутку? Я скоро.

— Да, конечно, — сказала Бриджит О'Шонесси, усаживаясь на скамейку. — Можете не спешить.

Спейд вернулся к седану. Только он открыл дверцу, Айва затараторила:

— Нам нужно поговорить, Сэм. Можно подняться к тебе? — Лицо у нее было бледное и нервное.

— Не сейчас.

Айва клацнула зубами и резко спросила:

— Кто она?

— Айва, у меня всего минута, — терпеливо сказал Спейд. — В чем дело?

— Кто она? — повторила Айва свой вопрос, кивнув на дверь подъезда.

Он отвернулся, оглядывая улицу. Напротив гаража на соседнем перекрестке подпирал стену невысокий парнишка лет двадцати в аккуратной

кепочке и пальто. Спейд нахмурился и снова перевел взгляд на требовательное лицо Айвы.

— В чем дело? — спросил он снова. — Что-то случилось? Тебе не следует приезжать сюда так поздно.

— Так вот оно что... — жалобно протянула она. — То ты говоришь, что мне не следует приходить к тебе в контору, теперь мне не следует приезжать сюда. Ты хочешь сказать, что мне не следует бегать за тобой? Тогда почему бы не сказать об этом прямо?

— Ну же, Айва, ты не имеешь права так со мной обращаться.

— Знаю, что не имею. Похоже, у меня вообще нет никаких прав, если дело касается тебя. А я-то думала, что есть. Думала, что твоя притворная любовь ко мне давала мне...

Спейд устало прервал ее:

— Сейчас у меня совсем нет времени спорить с тобой об этом, милая. Зачем ты хотела со мной увидеться?

— Только не здесь. Давай поднимемся к тебе?

— Не сейчас.

— Почему?

Спейд ничего не ответил.

Она стиснула губы в тонкую ниточку, скорчи-

лась за рулем и завела мотор седана, злобно глядя прямо перед собой.

Когда седан тронулся с места, Спейд сказал: «Спокойной ночи, Айва», захлопнул дверцу и стоял у бровки со шляпой в руке, пока автомобиль не скрылся из виду. Тогда он вернулся в подъезд.

Бриджит О'Шонесси встала со скамейки, весело улыбнулась ему, и они поднялись в его квартиру.

Глава 7. Буква «Г», начертанная в воздухе

Спальня Спейда теперь преобразилась в гостиную, поскольку кровать была поднята и спрятана в стенную нишу. Спейд принял у Бриджит О'Шонесси пальто и шляпку, устроил ее поудобнее в мягком кресле-качалке и позвонил в отель «Бельведер». Кейро еще не вернулся из театра, поэтому Спейд оставил свой номер с просьбой перезвонить, как только он придет.

Спейд уселся в кресло у стола и с места в карьер принялся рассказывать гостье об одном происшествии, случившемся несколько лет назад на Северо-Западе. Говорил он ровным, будничным голосом, без пауз или акцентов, хотя время от времени повторял какую-нибудь фразу, несколько переиначив ее, словно для него было крайне важно изложить каждую деталь с предельной точностью.

Поначалу Бриджит О'Шонесси слушала его вполуха, она явно была скорее удивлена самим фактом рассказа, чем заинтересована его содержанием. Не рассказ, а цель, с которой он ведется,

вызывала в ней любопытство, но по мере продвижения сюжета он захватывал все сильнее и сильнее, и вскоре девушка уже сидела неподвижно и вся обратилась в слух.

Человек по фамилии Флиткрафт как-то раз вышел из своего агентства по недвижимости в Такоме и не вернулся. После четырех часов того же дня он не пришел на игру в гольф, о которой сам же, проявив инициативу, условился менее чем за полчаса до обеда. Жена и дети больше его не видели. Судя по всему, они с женой находились в прекрасных отношениях. У Флиткрафта было двое детей — мальчики пяти и трех лет. Он владел домом в пригороде Такомы, новым «Паккардом» и всеми прочими атрибутами американского процветания.

Флиткрафт унаследовал от отца семьдесят тысяч долларов и, благодаря своей успешной деятельности на поприще недвижимости, к моменту исчезновения обладал капиталом в размере что-то около двухсот тысяч. Все его дела были в порядке, хотя не все концы были увязаны — а это значило, что он не готовился к собственному исчезновению. К примеру, одна сделка, сулившая ему соблазнительную прибыль, была запланирована на день позже того дня, когда он пропал.

Предположительно, к тому моменту у него при себе было всего шестьдесят или семьдесят долларов. Вся его жизнь в последние месяцы была на виду, так что ее изучили вдоль и поперек, и не обнаружили ни каких-либо тайных пороков, ни даже любовницы, хотя и то и другое было весьма маловероятно.

— Был — и нет, — продолжил Спейд. — Исчез, как исчезает кулак, когда разжимаешь пальцы.

В это время зазвонил телефон.

— Алло, — сказал в трубку Спейд, — мистер Кейро? Это Спейд. Не могли бы вы приехать ко мне на квартиру на Пост-стрит? Сейчас. Да, я думаю, так и есть. — Он посмотрел на девушку, поджал губы, а потом выпалил: — Здесь мисс О'Шонесси, и она хочет с вами встретиться.

Бриджит О'Шонесси нахмурилась и заерзала в кресле, но ничего не сказала.

Спейд положил трубку и сообщил:

— Он будет здесь через несколько минут. Так вот, это все происходило в тысяча девятьсот двадцать втором году. А в тысяча девятьсот двадцать седьмом я работал в Сиэтле, в одном из крупнейших тамошних детективных агентств. К нам пришла миссис Флиткрафт и сказала, что кто-то видел в Спокане человека, внешне очень

похожего на ее мужа. Я поехал туда. Это и в самом деле был Флиткрафт. Он жил в Спокане уже пару-тройку лет под именем Чарльза Пирса. У него был автомобильный бизнес, приносивший ему двадцать-двадцать пять тысяч в год, жена и маленький сын, он владел домом в пригороде Спокана и каждый сезон имел обыкновение играть в гольф после четырех часов дня.

Как рассказал Спейд, ему не дали каких-то определенных указаний, что делать, если он найдет Флиткрафта. Они поговорили в номере Спейда в Дэвенпорте. Никакого чувства вины Флиткрафт не испытывал. Он оставил первую семью хорошо обеспеченной, и его поступок ему казался совершенно резонным. Единственное, что его беспокоило — сомнения, что он сможет донести эту резонность до Спейда. Прежде он никого не посвящал в эту историю, и, следовательно, доказывать ничего не приходилось. Теперь же он предпринял попытку.

— Я-то его понял, — сказал Спейд Бриджит О'Шонесси. — А вот миссис Флиткрафт — так и не поняла. Она сочла его поступок чистейшим идиотизмом. Может, так оно и было. В любом случае, все уладилось. Скандал ей был не нужен, а после той шутки, которую сыграл с ней муж,

поставив ее в такое положение, она больше не желала его возвращения. Так что они по-тихому развелись и все стало опять чин-чином. А дело было вот как. По пути на обед он проходил мимо строящегося офисного здания — пока возвели только каркас. И вот какая-то балка, или бревно, или еще что-то в этом роде падает с высоты не то восьмого, не то десятого этажа на тротуар рядом с ним. Пролетает совсем близко, но его не задевает, однако при ударе о мостовую от бревна откалывается щепка и вонзается ему в щеку. Он отделался лишь неглубокой ссадиной, но шрам остался — я сам его видел. Флиткрафт тер его пальцем — этак любовно поглаживал — когда рассказывал мне об этом. Конечно, он испугался до смерти — по его словам, но у меня создалось впечатление, что это был скорее шок, чем страх. Словно кто-то снял крышку с жизненного котла и позволил ему заглянуть в это варево. Флиткрафт всегда был добропорядочным гражданином, супругом и отцом — но вовсе не по принуждению, а просто потому, что он был человеком, которому наиболее комфортно жилось в гармонии со своим окружением. Так его воспитали. И всех тех, кого он знал. Его прежняя жизнь была беспорочной, упорядоченной, разумной и ответственной. А

теперь упавшая балка показала ему, что ничего подобного в его жизни нет. И он — благонамеренный гражданин, примерный супруг, заботливый отец — запросто мог быть сметен с лица земли по пути от офиса к ресторану случайно упавшим бревном. Тогда он понял, что человек может умереть вот так или остаться в живых, но только по воле слепого случая. Но несправедливость — не главное, что его беспокоило, он признал это, как только схлынуло первое потрясение. Его больше встревожило открытие, что он, разумно устраивая свои дела, на самом деле не шел в ногу с жизнью, а, напротив, не попадал с ней в ногу. Он сказал мне, что и двадцати шагов не сделал от злополучной балки, как уже понял, что не обретет покоя, пока не приучит себя к этому новому взгляду на жизнь. К концу обеда он придумал способ, как это сделать. Его жизнь могла оборваться из-за случайно упавшей балки — он же изменит свою жизнь случайным образом, просто исчезнув. По его словам, он любил свою семью настолько, насколько это положено, но он знал, что семья остается вполне обеспеченной, а его привязанность к родным была не того рода, чтобы сделать разлуку мучительной. В тот же день он уехал в Сиэтл. А оттуда на пароходе в Сан-Франциско.

Поскитавшись пару лет по округе, он вернулся на Северо-Запад, осел в Спокане и женился. Внешне его вторая жена ничем не напоминала первую, но в них было больше сходства, чем различий. Ну, знаете таких женщин — добросовестно играют в гольф и бридж, любят новые рецепты салатов. Он не слишком сожалел о том, что сделал. Ему это казалось вполне логичным. Я думаю, он даже не осознавал, что совершенно естественно вернулся в ту же самую колею, из которой выскочил в Такоме. И вот что мне особенно нравится в этой истории. Он приспособился к падающим балкам, а потом балки падать перестали, и он приспособился к тому, что они не падают.

— Это совершенно восхитительная история, — сказала Бриджит О'Шонесси. Она встала с кресла и подошла к нему вплотную. Ее глаза светились глубокой синевой. — Мне не нужно говорить вам, в каком невыгодном положении я могу оказаться по вашей милости, когда придет Кейро.

Спейд улыбнулся, не разжимая губ, одними уголками.

— Нет, говорить не нужно, — согласился он.

— И вы понимаете, что я никогда не позволила бы себе оказаться в таком положении, если бы не доверяла вам всецело. — Большим и указа-

тельным пальцем она крутила пуговицу на его синем пиджаке.

— Снова-здоро́во! — воскликнул Спейд с притворным смирением.

— Но вы знаете, что так и есть, — не унималась она.

— Нет, не знаю. — Он похлопал по руке, теребившей пуговицу. — Я спрашиваю, с какой стати я должен доверять вам, исходя их тех причин, что привели нас сюда. Давайте не будем смешивать и путать. В любом случае вам нет нужды доверяться мне, пока вы не убедите меня довериться вам.

Она разглядывала его лицо. Ноздри ее затрепетали.

Спейд рассмеялся, снова похлопал ее по руке и сказал:

— Теперь не время об этом волноваться. Он будет здесь с минуты на минуту. Уладьте с ним своим дела, а потом посмотрим, на каком мы свете.

— И вы позволите мне поступить… с ним… по-своему?

— Конечно.

Она развернула руку под его ладонью и, переплетя свои пальцы с его пальцами, нежно проворковала:

— Вас мне сам Бог послал.

Спейд ответил:

— Не переусердствуйте только.

Она с укоризненной улыбкой заглянула ему в глаза и снова села в кресло-качалку.

Джоэл Кейро был на взводе. Его темные глаза превратились в сплошные зрачки, тонкий голос завибрировал, стоило только Спейду приоткрыть дверь:

— Мальчишка на улице, следит за домом, мистер Спейд. Тот самый, которого вы мне показали, или которому вы показали меня возле театра. Как мне это понимать, мистер Спейд? Я пришел сюда с добрыми намерениями, не помышляя о хитростях и ловушках.

— Вас и пригласили с добрыми намерениями, — сосредоточенно нахмурился Спейд. — Но мне следовало догадаться, что он может появиться. Он видел, как вы вошли в дом?

— Естественно. Я мог бы пройти мимо, но мне показалось это бесполезным, поскольку вы уже позволили ему увидеть нас вместе.

Бриджит О'Шонесси показалась в прихожей за спиной Спейда и встревоженно спросила:

— Какой мальчишка? Что стряслось?

Кейро снял черную шляпу, чопорно поклонил-

ся и учтиво сказал:

— Если не знаете, то спросите мистера Спейда. Мне самому известно только то, что я от него узнал.

— Какой-то малец весь вечер пытается сесть мне на хвост, — беззаботно сказал Спейд через плечо, не оборачиваясь к девушке лицом. — Давайте-ка, входите, мистер Кейро. Нет смысла посвящать соседей в наши секреты.

Бриджит О'Шонесси схватила Спейда за руку выше локтя и требовательно спросила:

— Он проследил за вами до моей квартиры?

— Нет, я стряхнул его перед этим. Тогда, судя по всему, он вернулся сюда, чтобы попробовать снова прицепиться.

Кейро, обеими руками прижимая шляпу к животу, вошел в прихожую. Спейд закрыл за ним дверь в общий коридор, и они прошли в гостиную.

Там Кейро отвесил еще один чопорный поклон и сказал:

— Я счастлив видеть вас снова, мисс О'Шонесси.

— Я и не сомневалась в этом, Джо, — ответила она, протягивая ему руку.

Он церемонно склонился над ее рукой и быстро

выпустил ее.

Она расположилась все в том же кресле-качалке. Кейро выбрал кресло у стола. Спейд, повесив пальто и шляпу Кейро в стенной шкаф, уселся на край дивана под окном и принялся сворачивать сигарету.

Бриджит О'Шонесси сказала, обращаясь к Кейро:

— Сэм сообщил мне о вашем предложении насчет сокола. Как скоро вы сможете добыть деньги?

Брови Кейро вздернулись. Он улыбнулся.

— Они готовы. — Он поулыбался девушке еще чуть-чуть, а потом перевел взгляд на Спейда.

Спейд как раз прикуривал сигарету. Лицо его было безмятежно.

— Наличными? — уточнила девушка.

— О да, — ответил Кейро.

Она нахмурилась, высунула кончик языка, спрятала его и сказала:

— Вы готовы немедленно заплатить нам пять тысяч долларов, если мы отдадим вам сокола?

Кейро поднял дрожащую руку.

— Прошу прощения, — сказал он, — я неясно выразился. Я не имел в виду, что ношу эту сумму в карманах, но я способен получить деньги за

несколько минут в рабочие часы банка.

— О! — Она посмотрела на Спейда.

Спейд выдохнул облачко сигаретного дыма за пазуху своего жилета и сказал:

— Наверное, так и есть. Сегодня, когда я его обыскивал, у него в карманах нашлось всего несколько сотен.

Когда ее глаза округлились, он усмехнулся.

Левантиец подался вперед, не вставая с кресла. Ему не удалось скрыть нетерпение, читавшееся в его глазах и сквозившее в голосе.

— Я могу приготовить деньги, скажем, к половине одиннадцатого утра. Идет?

Бриджит О'Шонесси ответила с улыбкой:

— Но у меня нет сокола.

Лицо Кейро потемнело от досады. Он уперся своими уродливыми ладонями в подлокотники, держа тщедушное тельце прямо и неподвижно между ними. Его черные глаза глядели злобно. Он ничего не сказал.

Девушка состроила ему притворно-примирительную гримасу.

— Я получу его самое позднее — через неделю.

— Где же он? — спросил Кейро, учтивой миной выражая скептицизм.

— Там, куда его спрятал Флойд.

— Флойд? Терсби?

Она кивнула.

— И вы знаете, куда? — спросил он.

— Думаю, да.

— Так почему мы должны ждать целую неделю?

— Возможно, не целую неделю. Для кого вы покупаете его, Джо?

Кейро вскинул брови.

— Я уже сказал мистер Спейду — для его владельца.

На лице девушки отразилось удивление.

— Так вы вернулись к нему?

— Конечно, вернулся.

Она тихо и от души рассмеялась и сказала:

— Хотела бы я видеть эту встречу.

Кейро пожал плечами.

— Вполне логичное развитие событий. — Он потер тыльную сторону одной руки ладонью другой. Веки его опустились, прикрыв глаза. — Могу ли я задать встречный вопрос: почему вы решили продать его мне?

— Я боюсь, — отрезала она. — После того, что случилось с Флойдом. Вот потому-то у меня его сейчас и нет. Я боюсь даже прикасаться к нему — разве что сразу же передам его кому-то другому.

Спейд, поставив локоть на подлокотник дивана, бесстрастно смотрел на них и слушал. В приятной расслабленности его тела, в непринужденной неподвижности черт не было ни намека на любопытство или нетерпение.

— А что именно, — понизил голос Кейро, — случилось с Флойдом?

Кончик указательного пальца правой руки Бриджит О'Шонесси стремительно начертал в воздухе заглавную букву «Г».

— Понятно, — сказал Кейро, но в его улыбке проскальзывало некоторое сомнение. — Он здесь?

— Я не знаю, — ответила она нетерпеливо. — А какая разница?

Сомнение в улыбке Кейро стало заметнее.

— Разница может быть огромная, — сказал он и положил руки на колени так, что — намеренно или случайно — его тупой указательный палец уставился на Спейда.

Девушка взглянула на указующий перст и нетерпеливо дернула головой.

— Или я, — сказала она. — Или вы.

— Вот именно, и надо, наверное, прибавить мальчишку, который дежурит снаружи?

— Да, — согласилась она со смехом. — Да, если только это не тот, что был при вас в Константи-

нополе.

Кровь бросилась в лицо Кейро. Его голос пронзительно зазвенел от ярости:

— Тот, что оказался вам не по зубам?

Бриджит О'Шонесси вскочила с кресла. Она прикусила нижнюю губу, глаза ее потемнели и казались огромными на мертвенно-бледном лице. Она сделала два стремительных шага в сторону Кейро. Он поднимался с кресла, когда ее правая рука ударила его по лицу, оставив на нем следы ладони.

Кейро хрюкнул и отвесил ей пощечину, от которой она покачнулась. С губ ее сорвался сдавленный, отрывистый крик.

К тому времени Спейд с каменным лицом встал с дивана и подошел к ним поближе. Он взял Кейро за горло и встряхнул. Кейро забулькал и сунул руку в нагрудный карман. Спейд перехватил запястье левантийца, вывернул, силой отвел в сторону и выкручивал до тех пор, пока неуклюжие пальцы не ослабели и не разжались, выпустив на ковер черный пистолетик.

Бриджит О'Шонесси мгновенно подобрала пистолет.

Кейро, с трудом — поскольку глотку ему сжимали спейдовы пальцы — выдавил:

— Вы уже второй раз прикасаетесь ко мне. — Его глаза, выпученные из-за удушающей хватки, глядели холодно и угрожающе.

— Да, — прорычал Спейд. — И когда тебе дадут пощечину, ты ее примешь и обрадуешься. — Он выпустил запястье Кейро и открытой ладонью отвесил ему три смачных оплеухи по лицу.

Кейро хотел было плюнуть Спейду в лицо, но пересохшие губы левантийца смогли только бессильно и гневно дунуть. Спейд ударил эти губы, разбив нижнюю в кровь.

Раздался звонок в дверь.

Кейро метнул тревожный взгляд в сторону прихожей, ведущей к двери в общий коридор. Злость его мигом улетучилась.

Девушка тоже ахнула и обернулась в сторону прихожей. Ее лицо было испуганным. Спейд мгновение мрачно созерцал кровь, стекавшую с губы Кейро, а потом отступил на шаг, убрав руку с горла левантийца.

— Кто это? — прошептала девушка, подкравшись к Спейду. Глаза Кейро тоже дернулись в его сторону, задавая тот же вопрос.

Спейд раздраженно ответил сразу обоим:

— Я не знаю.

Звонок раздался снова — на этот раз звонили

более требовательно.

— Так, сохраняем спокойствие, — сказал Спейд и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь в прихожую.

* * *

Спейд включил свет в прихожей и отворил дверь в коридор. Там стояли лейтенант Данди и Том Полхаус.

— Привет, Сэм, — сказал Том. — Мы тут подумали, может, ты еще не спишь.

Данди кивнул, но ничего не прибавил.

Спейд доброжелательно сказал:

— Привет, ребята, вы всегда выбираете отличное время для визитов ко мне. Что на этот раз?

Теперь заговорил Данди.

— Мы хотим поговорить с вами, Спейд, — тихо сказал он.

— Ну? — Спейд стал между ними и дверью в комнату, загородив проход. — Валяйте, говорите.

Том Полхаус выступил вперед и сказал:

— Нам же необязательно торчать здесь, можем мы войти?

Спейд встал перед дверью и ответил:

— Нет, не можете. — Его голос звучал чуточку виновато.

Том бы почти одного роста со Спейдом и смотрел ему прямо в лицо. Его грубые черты изобразили дружелюбную насмешку, а в маленьких, проницательных глазках вспыхнул огонек.

— Что за черт, Сэм? — возразил он и шутливо положил свою большую ладонь Спейду на грудь.

Напирая на эту ладонь и скалясь по-волчьи, Спейд сказал:

— Применишь ко мне силу? А, Том?

— Ах, да бога ради! — проворчал Том и убрал руку.

Данди со щелчком стиснул зубы и сказал сквозь них:

— Дайте нам войти.

Спейд показал клыки, подняв верхнюю губу, и сказал:

— Вы не войдете. Что вы там забыли? Будете прорываться? Или поговорим здесь — или катитесь к чертовой бабушке!

Том издал разочарованный стон.

Данди, процедил сквозь зубы с тем же неприязненным выражением:

— Спейд, как бы вам не заиграться. Вам долго сходило с рук и то, и это, но вечно продолжаться так не может.

— Попробуйте меня остановить, — с вызовом

ответил Спейд.

— Так я и сделаю. — Данди заложил руки за спину и приблизил свое лицо к лицу частного детектива. — Ходят слухи, что жена Арчера изменяла ему с вами.

Спейд засмеялся.

— Звучит так, будто вы сами это выдумали.

— Значит, ничего подобного не было?

— Ничего подобного.

— Еще говорят, — сказал Данди, — что она пыталась получить развод, чтобы выйти за вас, но он ей развода не дал. Было такое?

— Нет.

— А еще поговаривают, — не сдавался Данди, — что именно из-за этого его прикончили.

Спейд, похоже, слегка удивился.

— Ну, тут вы хватили через край, — сказал он. — Не стоит пытаться припаять мне все убийства одновременно. Ваша первоначальная версия о том, что я укокошил Терсби, потому что тот убил Майлза, разваливается, если вы обвиняете меня в убийстве Майлза.

— Вы не можете утверждать, что слышали, как я обвинил вас в убийстве кого бы то ни было, — сказал Данди. — Это вы сами так говорите. Но предположим, что я обвинил. Вы могли прикон-

чить их обоих. Такое вполне можно представить себе.

— Угу. Я мог убить Майлза, чтобы заполучить его жену, а потом Терсби, чтобы повесить на него убийство Майлза. Чертовски замечательная схема, ну, или я ее сделаю таковой, когда найду, кого пришить, чтобы повесить на него уже самого Терсби. И как долго, вы полагаете, мне придется продолжать в том же духе? Собираетесь отныне сваливать на меня все убийства в Сан-Франциско?

Том сказал:

— Хватить ломать комедию, Сэм. Ты сам знаешь, черт бы тебя побрал, что нам нравится все это не больше, чем тебе, но мы должны выполнять свою работу.

— Я надеюсь, ваша работа заключается не только в том, чтобы являться сюда с утра пораньше с кучей чертовски глупых вопросов.

— И получать на них чертовски лживые ответы, — прибавил Данди.

— Полегче на поворотах, — предупредил его Спейд.

Данди смерил его взглядом с ног до головы, а потом посмотрел прямо в глаза.

— Если вы утверждаете, что между вами и же-

ной Арчера ничего не было, — сказал он, — то вы лжец, и я говорю вам это в лицо.

В маленьких глазках Тома мелькнул испуг.

Спейд облизал губы и спросил:

— Это и есть та самая горячая наводка, которая привела вас сюда в столь неурочное ночное время?

— Одна из них.

— А остальные?

Данди опустил уголки губ.

— Впустите нас, — он со значением кивнул на дверь, которую загораживал Спейд.

Спейд нахмурился и отрицательно покачал головой.

Уголки рта Данди приподнялись в ухмылке, выражающей мрачное удовлетворение.

— Должно быть, что-то в этом есть, — сказал он Тому.

Том помялся с ноги на ногу, не глядя на коллегу, и пробормотал:

— Бог его знает.

— Это что у вас? — спросил Спейд. — Игра в шарады?

— Ладно, Спейд, мы уходим. — Данди застегнул пальто. — Мы будем за вами присматривать. Может, вы и не все за собой подчистили. Подумайте

над этим.

Из гостиной Спейда донесся пронзительный крик:

— На помощь! На помощь! Полиция! Спасите!

Голос — высокий, тонкий, визгливый, принадлежал Джоэлу Кейро.

Лейтенант Данди, который уже почти отвернулся от двери, снова встал лицом к Спейду и решительно произнес:

— Пожалуй, мы все же войдем.

Послышалась возня, звуки борьбы, удар, сдавленный крик.

Лицо Спейда перекосила усмешка, в которой было мало радости. Он сказал: «Пожалуй, да». И уступил дорогу.

Когда полицейские вошли в гостиную, он закрыл входную дверь и проследовал за ними.

Глава 8. Бред сивой кобылы

Бриджит О'Шонесси скорчилась в кресле у стола. Руки прикрывали голову, задранные колени загораживали нижнюю часть лица. Вытаращенные глаза были полны ужаса.

Над ней стоял Джоэл Кейро с пистолетом в руке — с тем самым, что Спейд недавно отобрал у него. Другой рукой он держался за лоб. Кровь струилась сквозь пальцы и заливала глаза. Тонкий ручеек из разбитой губы прочертил три волнистые линии на подбородке.

Кейро не обратил внимания на вошедших детективов. Он злобно смотрел прямо перед собой — на девушку, съежившуюся в кресле. Губы его судорожно сжимались и разжимались, но ни единого внятного звука не было слышно.

Данди, первым из троих вошедший в гостиную, бросился к Кейро, одной рукой потянувшись к кобуре под пальто, а другой перехватив запястье левантийца, и прорычал:

— Что это вы делаете?

Кейро отнял окровавленную руку ото рта и помахал ею у Данди перед носом. На лбу зияла

рваная рана дюйма в три — не меньше.

— А вот что она сделала! — закричал он. — Смотрите!

Девушка опустила ноги на пол и перевела настороженный взгляд с Данди, сжимавшего кисть Кейро, на Тома Полхауса, стоявшего чуть позади него, потом на Спейда, подпиравшего дверной косяк. Лицо Спейда было непроницаемо. Когда их взгляды встретились, в его желто-серых глазах мелькнула злобная насмешка, а потом они снова стали бесстрастными.

— Ваша работа? — спросил девушку Данди, кивнув на рассеченный лоб Кейро.

Она снова посмотрела на Спейда. Тот никак не ответил на ее немой призыв. Прислонившись к дверному косяку, он наблюдал за всеми, кто находился в комнате, с вежливым равнодушием постороннего.

Девушка подняла глаза на Данди. Темно-синие, большие как плошки, честные глаза.

— Мне пришлось, — сказала она низким, дрожащим голосом. — Я была здесь с ним совсем одна, и он напал на меня. Я не сумела… Я старалась удержать его на расстоянии… Но… но не смогла заставить себя выстрелить в него.

— Ах ты, лгунья! — заорал Кейро, безуспешно

пытаясь вырвать из цепкой хватки Данди свою руку с пистолетом. — Ах ты, грязная лгунья! — он извернулся, чтобы посмотреть в лицо Данди. — Это гнусное вранье! Я пришел сюда с добрыми намерениями, а они вдвоем на меня набросились, и когда вы позвонили, он вышел поговорить с вами, оставив ее здесь с пистолетом, а потом она сказала, что они убьют меня, как только вы уйдете, и тогда я позвал на помощь, чтобы вы не ушли, бросив меня здесь на верную смерть, а она ударила меня пистолетом.

— Ладно, отдайте-ка мне эту штучку, — велел Данди и вырвал пистолет у Кейро. — А теперь давайте все проясним. Зачем вы сюда пришли?

— Он меня позвал. — Кейро вывернул голову и воинственно воззрился на Спейда. — Он позвонил мне и пригласил прийти.

Спейд сонливо заморгал, глядя на левантийца, но не проронил ни слова.

Данди спросил:

— Что ему от вас было нужно?

Кейро воздержался от ответа, пока не вытер окровавленный лоб и подбородок шелковым платком с лиловой каймой. К тому времени осторожность частично возобладала над его негодованием. — Он сказал, что он хочет… они

хотят… меня видеть. Я не знал, зачем.

Том Полхаус пригнул голову, втянул носом шипровый аромат, который источал носовой платок, и, повернув голову, вопросительно посмотрел на Спейда. Спейд подмигнул ему и продолжил сворачивать сигарету.

Данди спросил:

— Ну, и что случилось, когда вы пришли?

— Они на меня напали. Сперва меня ударила она, а потом он придушил меня и вытащил из кармана пистолет. Я не знаю, что бы они сделали со мной дальше, если бы в этот момент не появились вы. Осмелюсь предположить, что они лишили бы меня жизни. Когда он пошел открывать, то оставил ее здесь с пистолетом сторожить меня.

Бриджит О'Шонесси вскочила с кресла.

— Почему вы не заставите его сказать правду? — крикнула она и ударила Кейро по лицу.

Кейро неестественно взвизгнул.

Данди толкнул девушку обратно в кресло свободной рукой и прорычал:

— Прекратите немедленно!

Спейд, прикурив сигарету, мягко усмехнулся сквозь клубы дыма и сказал Тому:

— Импульсивная дамочка.

— Ага, — согласился Том.

Данди спросил, грозно глядя на девушку:

— А что, по-вашему, мы должны считать правдой?

— Да уж не то, что он сказал. Он не сказал ни слова правды. — Она повернулась к Спейду. — Так ведь?

— Откуда я знаю? — отозвался Спейд. — Я ведь был на кухне и взбивал омлет, когда все это случилось.

Она наморщила лоб, не сводя с него затуманенных недоумением глаз.

Том с отвращением хмыкнул.

Данди, по-прежнему сверля девушку взглядом, проигнорировал реплику Спейда и спросил ее:

— Если он лжет, то почему он звал на помощь, а не вы?

— Он же до смерти перетрусил, когда я его стукнула, — ответила она, пренебрежительно глядя на левантийца.

Лицо Кейро вспыхнуло в тех местах, которые не были перепачканы кровью.

— Фуу! — воскликнул он. — Очередная ложь!

Она лягнула его в ногу, угодив острым каблуком синей лодочки чуть пониже колена. Данди предусмотрительно оттащил Кейро подальше,

а великан Том подошел к ней вплотную и пророкотал:

— Полегче, сестричка. Веди себя прилично.

— Тогда заставьте его сказать правду, — гневно потребовала она.

— Заставим, непременно заставим, — пообещал Том. — Только не надо грубить.

Данди, не сводя со Спейда своих упорных, блестящих и довольных зеленых глаз, обратился к подчиненному:

— Что ж, Том, думаю, мы не ошибемся, если заберем их всем скопом.

Том мрачно кивнул.

Спейд покинул дверной проем и прошел к центру комнаты, бросив по пути окурок в пепельницу на столе. Ни улыбка, ни все его поведение в целом не утратили дружелюбия и сдержанности.

— Не спешите, — сказал он. — Всему найдется объяснение.

— Держу пари, найдется, — согласился Данди, ухмыляясь.

Спейд обратился к девушке.

— Мисс О'Шонесси, позвольте вам представить лейтенанта Данди и детектива-сержанта Полхауса. — Он кивнул Данди. — Мисс О'Шонесси — оперативница, работающая на меня.

Джоэл Кейро запальчиво возразил:

— Это не так. Она…

Спейд перебил его, чуть повысив голос, но по-прежнему добродушно:

— Я только недавно нанял ее. Вчера. Это мистер Джоэл Кейро — друг — ну, во всяком случае, знакомый Терсби. Сегодня днем он пришел ко мне и попытался нанять меня, чтобы найти одну вещь, которая, предположительно, была у Терсби, когда его прикончили. То, как мистер Кейро это преподнес, было просто смешно, так что я не стал ввязываться. Затем он вытащил пистолет — ну, это ерунда, если только не дойдет до взаимных обвинений. Как бы то ни было, обсудив эту тему с мисс О'Шонесси, я подумал, что, возможно, смогу выведать у него что-нибудь об убийствах Майлза и Терсби, поэтому я попросил его прийти сюда. Возможно, наши вопросы были немного резковаты, но он не пострадал, не настолько, чтобы звать на помощь. И мне снова пришлось отнимать у него оружие.

Пока Спейд говорил, на покрасневшем лице Кейро проступало тревожное выражение. Глаза его судорожно заметались между полом и Спейдом.

Данди повернулся к Кейро и требовательно

спросил:

— Итак, что вы на это скажете?

Кейро почти минуту ничего не мог сказать, только сверлил взглядом грудь лейтенанта. Когда он поднял глаза, в них читалось смущение и настороженность.

— Я не знаю, что говорить, — пробормотал он. Его смущение казалось неподдельным.

— Попробуйте изложить факты, — подсказал Данди.

— Факты? — Глаза Кейро забегали, умудряясь при этом смотреть в глаза лейтенанту. — А какие у меня гарантии, что этим фактам поверят?

— Хватит тянуть время. Все, что вам нужно сделать, это присягнуть, что они на вас напали, подать заявление, и судебный клерк поверит вам настолько, что выпишет ордер, который позволит нам засадить их за решетку.

Спейд весело предложил:

— Валяйте, Кейро. Сыграйте ему на руку. Скажите ему, что сделаете это, и тогда мы с девушкой накатаем встречную жалобу и он закроет всех нас.

Данди шумно выдохнул через нос, не то фыркнул, не то хрюкнул и сказал:

— Берите свои шляпы.

Тревожные глаза Кейро, в которых читался немой вопрос, встретились с насмешливым взглядом Спейда. Спейд подмигнул ему и присел на подлокотник кресла-качалки.

— Что ж, мальчики и девочки, — сказал он, ухмыляясь левантийцу и девушке, и в его ухмылке, как и в его голосе, не было ничего, кроме чистейшего восторга, — мы все обставили как нельзя лучше.

Жесткая квадратная физиономия Данди потемнела еще больше. Он повторил тоном, не терпящим возражений:

— Берите свои шляпы.

Спейд повернулся с той же ухмылкой к лейтенанту, поерзал, устраиваясь поудобнее на подлокотнике и лениво поинтересовался:

— Вы даже не понимаете, что вас одурачили?

Физиономия Тома Полхауса налилась кровью.

Лицо Данди было мрачно и неподвижно, только губы, не разжимаясь, шевельнулись, чтобы процедить:

— Нет, но мы подождем с этим, пока не окажемся в зале суда.

Спейд встал и засунул руки в карманы брюк. Он выпрямился, чтобы иметь возможность смотреть на лейтенанта сверху вниз. В его улыбке сквозила

насмешка, каждая линия его позы говорила о полной уверенности в себе.

— Давайте, Данди, возьмите нас, — сказал он, — и мы посмеемся над вами во всех газетах Сан-Франциско. Вы же не думаете, что мы станем выдвигать обвинения друг против друга? Проснитесь. Вас провели, как младенца. Когда позвонили в дверь, я сказал мисс О'Шонесси и Кейро: «Снова эти чертовы копы. Они становятся навязчивыми. Давайте сыграем с ними шутку. Когда они соберутся уходить, пусть кто-то из вас закричит, и мы посмотрим, сколько они будут трепыхаться, прежде чем сорвутся с крючка». И вот…

Бриджит О'Шонесси согнулась пополам и принялась истерически смеяться взахлеб.

Кейро вздрогнул и улыбнулся. В его улыбке не было жизни, но он прочно зафиксировал ее на лице.

Том насупился и проворчал:

— Прекрати, Сэм.

Спейд хохотнул и сказал:

— Но так все и было. Мы…

— И кто же разбил ему голову и губу? — с издевкой спросил Данди. — Откуда у него раны?

— У него спросите, — предложил Спейд. — Может, он порезался, когда брился.

Кейро заговорил еще до того, как его спросили, и мышцы на его лице подрагивали от напряжения, силясь удержать улыбку на месте, пока он торопливо объяснял:

— Я упал. Мы собирались изобразить борьбу за пистолет, когда вы вошли, но я упал. Зацепился за край ковра и упал, когда мы притворялись, что боремся.

Данди сказал:

— Бред сивой кобылы.

Спейд возразил:

— Хотите верьте, хотите — нет, но все так и было. Штука в том, что это наша история, и мы будем ее придерживаться. Газеты напечатают ее в любом случае — поверят они в нее или нет, и это будет так же забавно, как и все остальное, или даже больше. И что вы с этим поделаете? Ведь подшутить над копами — не преступление? Здесь вам ничего не светит ни от кого из нас. Все, что мы сказали — часть розыгрыша. И что вы станете с этим делать?

Данди отвернулся от Спейда и схватил за плечи Кейро.

— Вам это с рук не сойдет, — прорычал он, встряхивая левантийца. — Вы взывали о помощи — так получите ее!

— Нет, сэр, — пролепетал Кейро. — Это была шутка. Он сказал, что вы его друзья и все поймете.

Спейд засмеялся.

Данди грубо развернул Кейро, теперь держа его за кисть и загривок.

— Все равно я вас задерживаю за хранение оружия, — сказал он. — А остальные пойдут свидетелями, и посмотрим, кто будет смеяться последним.

Глаза Кейро испуганно дернулись вбок и остановились на лице Спейда.

Спейд сказал:

— Данди, не будьте тупицей. Пистолет был частью реквизита. Это один из моих. — Он засмеялся. — Жаль, что это всего лишь тридцать второй, а то ведь вы могли бы установить, что именно из него застрелили Терсби или Майлза.

Данди отпустил Кейро, развернулся на каблуках и правым кулаком ударил Спейда в подбородок.

Бриджит О'Шонесси коротко вскрикнула.

Улыбка Спейда погасла в момент удара, но тут же вернулась, на этот раз в ней появилась некая мечтательность. Он выпрямился, сделал небольшой шаг назад, и мускулы на его покатых плечах заиграли под пиджаком. Прежде чем взлетел

его кулак, Том Полхаус втиснулся между двумя противниками лицом к Спейду, загораживая спейдовым рукам пространство для маневра обширным пузом и собственными ручищами.

— Нет, нет, боже упаси! — взмолился Том.

Спейд застыл и долго стоял неподвижно, а потом его мускулы расслабились.

— Тогда убери его отсюда, да поживей, — сказал он. — Улыбка опять исчезла, лицо его помрачнело и стало каким-то блеклым.

Том, стоя вплотную к Спейду и не выпуская его руки, обернулся через плечо к лейтенанту Данди. Его маленькие глазки глядели укоризненно.

Данди крепко врос в пол в боевой стойке, чуть расставив ноги и держа перед собой кулаки, но тонкие белые ободки, возникшие было между зеленой радужкой и верхними веками свирепо выкаченных глаз, мало-помалу исчезали.

— Запиши их имена и адреса, — приказал он.

Том посмотрел на Кейро, и тот споро продиктовал:

— Джоэл Кейро, отель «Бельведер».

Прежде чем Том успел задать вопрос девушке, Спейд сказал:

— Вы всегда можете связаться с мисс О'Шонесси через меня.

Том перевел взгляд на Данди. Данди пробурчал:

— Возьми у нее адрес.

— Ее адрес — конфиденциальная информация в ведении моей конторы.

Данди сделал шаг вперед и остановился перед девушкой.

— Где вы живете? — спросил он.

Спейд обратился к Тому.

— Убери его отсюда. С меня хватит.

Том заглянул в глаза Сэма — холодные и мерцающие — и пробормотал:

— Полегче, Сэм.

Он застегнул пальто на все пуговицы, повернулся к Данди и спросил с нарочитой небрежностью: «Ну что, это всё?» И шагнул к двери.

Насупленный Данди всем своим видом выражал, что это далеко не «всё».

Внезапно Кейро бросился к двери со словами:

— Я тоже ухожу, мистер Спейд, будьте так добры подать мне пальто и шляпу.

Спейд спросил:

— Что за спешка?

Данди злобно проворчал:

— Было так весело, но вы все равно боитесь остаться с ними.

— Вовсе нет, — ответил левантиец, переминаясь с ноги на ногу и ни на кого ни глядя, — но уже поздно, и… и мне пора. Я выйду вместе с вами, если вы не возражаете.

Данди поджал губы и ничего не ответил. Огоньки мерцали в его зеленых глазах.

Спейд вышел к гардеробу в прихожей и подал Кейро шляпу и пальто. Лицо Спейда было непроницаемо. И таким же бесстрастным был его голос, когда он, отступив на шаг от левантийца, которому помогал надеть пальто, бросил Тому:
— Скажи ему, чтобы оставил пистолет.

Данди вынул пистолет Кейро из кармана пальто и положил на стол. Он вышел первым, за ним по пятам семенил Кейро. Том задержался возле Спейда и пробормотал:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Не получив ответа, Том вздохнул и вышел следом за остальными. Сэм проводил его до прихожей, где и стоял, пока Том не закрыл за собой дверь в общий коридор.

Глава 9. Бриджит

Спейд возвратился в гостиную и уселся на диван. Положив локти на колени, он подпер голову обеими руками и уставился в пол, не удостаивая взглядом Бриджит О'Шонесси, которая посылала ему из своего кресла заискивающие улыбки. Глаза Сэма пылали, складки на переносице обозначились еще резче. Ноздри раздувались при каждом выдохе.

Когда до Бриджит наконец дошло, что смотреть на нее он не собирается, улыбка сползла с ее лица, а взгляд наполнился тревогой, возрастающей с каждой секундой.

Внезапно его лицо потемнело от ярости, и он заговорил, а скорее, гортанно заклекотал. Минут пять кряду он крыл и крыл Данди распоследними словами, обхватив лицо ладонями и не отрывая от пола испепеляющего взгляда. Грязные ругательства сыпались как из рога изобилия.

Затем, убрав руки от лица, Спейд поднял голову, смущенно посмотрел на девушку и сказал:

— Ребячество, да? Знаю-знаю, но как же я ненавижу, когда меня колотят, а сдачи дать нельзя. —

Он осторожно ощупал пальцами подбородок. — В принципе, удар-то у него не ахти. — Он засмеялся и откинулся на спинку дивана, положив ногу на ногу. — Победа досталась не слишком дорогой ценой. — Его брови сошлись на мгновенье. — Впрочем, я ему это припомню.

Девушка снова заулыбалась, встала с кресла и села рядом с ним на диван.

— Таких дикарей, как ты, я в жизни не встречала, — сказала она. — Ты что же, по малейшему поводу даешь волю рукам?

— А разве это не он мне вмазал?

— Да, но ведь он — полицейская шишка.

— Дело не в этом, — пояснил Спейд, — а в том, что он слетел с катушек и, ударив меня, перешел черту. Сыграй я в эту игру, ему поневоле пришлось бы драться всерьез, а потом объясняться с начальством. — Он вдруг внимательно посмотрел на девушку и спросил: — Что ты сделала с Кейро?

— Ничего. — Щеки ее вспыхнули. — Просто хотела его слегка припугнуть, чтобы сидел смирно, пока они не уйдут, а он — то ли со страху, то ли назло мне — начал орать.

— И ты шмякнула его пистолетом по лбу?

— Пришлось. Он ведь напал на меня.

— Ты сама не знаешь, что творишь. — Улыбка Спейда не могла скрыть его раздражение. — Именно это я тебе уже говорил: действуешь наобум, очертя голову.

— Мне очень жаль… Сэм — сказала она, и ее лицо и голос были полны раскаяния.

— Ну еще бы! — Он вытащил из кармана табак и папиросную бумажку и принялся сворачивать сигарету. — Теперь, пообщавшись с Кейро, ты могла бы поговорить и со мной.

Она приложила кончик пальца к губам, глядя в пространство широко раскрытыми глазами, потом прищурилась и бросила быстрый взгляд на Спейда. Тот был всецело поглощен своим занятием.

— О да, — начала она, — конечно… — Она убрала палец, разгладила на коленях юбку синего платья и хмуро уставилась на эти свои колени.

Спейд лизнул краешек бумажки, сжал сигарету губами и, щелкнув зажигалкой, спросил:

— Ну и?

— Но мне… не хватило… — сказала она, делая паузы между словами, словно тщательно подбирала каждое из них, — времени, чтобы закончить разговор с ним. — Она умолкла, по-прежнему сумрачно созерцая колени, а потом взглянула на

Спейда ясными, искренними глазами. — Не успел он заговорить, как нас прервали.

Спейд зажег сигарету и засмеялся, выпустив облако дыма.

— Хочешь, чтобы я снова позвонил ему и попросил вернуться?

Она покачала головой, не улыбнувшись его шутке. Глаза ее бегали между век, когда она качала головой, пытаясь встретиться взглядом со Спейдом. Глаза эти были настойчивыми, пытливыми.

Спейд закинул руку ей за спину и обхватил ладонью гладкое голое плечико. Она прижалась к его руке.

— Итак, — сказал он. — Я слушаю.

Она повернула голову и улыбнулась ему игриво и дерзко:

— И для этого тебе нужно держать руку именно там?

— Не нужно. — Его рука соскользнула с ее плеча и упала на диванную спинку.

— Ты совершенно непредсказуем, — пробормотала она.

Он кивнул и дружелюбно повторил:

— Я все еще слушаю.

— Смотри, который час! — воскликнула она,

тыча пальцем в циферблат стоявшего на книге будильника, дрожащие стрелки которого показывали без десяти три.

— Угу, насыщенный выдался вечерок.

— Мне нужно идти. — Она встала с дивана. — Ужас как поздно.

Спейд и не думал вставать. Он покачал головой и сказал:

— Только после того, как все мне выложишь.

— Но посмотри, который час, — настойчиво повторила она, — а чтобы все рассказать, нужно несколько часов.

— Значит, мне придется их тебе уделить.

— Я что — пленница? — игриво спросила она.

— Кстати, тот малец, что торчал снаружи, может, еще не отправился домой в кроватку.

Игривость ее как рукой сняло.

— Думаешь, он все еще там?

— Скорее всего.

Она поежилась.

— Ты не мог бы выяснить это?

— Могу спуститься и взглянуть.

— О, ты же… спустишься?

Мгновение Спейд изучал ее взволнованное лицо, а потом встал с дивана и сказал:

— Конечно. — Он взял из гардероба шляпу и

пальто. — Вернусь минут через десять.

— Пожалуйста, будь осторожен, — попросила она, провожая его до двери в общий коридор.

— Непременно, — пообещал он, шагнув за порог.

* * *

Когда Спейд вышел на Пост-стрит, там не было ни души. Он проутюжил квартал на восток, перешел дорогу, прошел два квартала на запад по другой стороне, снова пересек дорогу и вернулся к своему дому, не встретив никого, кроме двух механиков, чинивших в гараже машину.

Когда он вновь открыл дверь своей квартиры, Бриджит О'Шонесси обнаружилась в прихожей за углом. Она притаилась, держа пистолет Кейро дулом вниз.

— Он все еще там, — сказал Спейд.

Девушка прикусила губу и, медленно развернувшись, направилась обратно в гостиную. Спейд прошел следом, бросил на стул пальто и шляпу.

— Значит, у нас есть время поболтать, — сказал он и двинулся на кухню.

Когда она появилась в дверях, он уже поставил кофейник на плиту и принялся нарезать французский багет. Она стояла в дверном проеме и

озабоченно наблюдала за ним. Пальцы ее левой руки рассеянно поглаживали затвор и дуло пистолета, который она все еще сжимала в правой.

— Скатерть там, — сказал он, указывая хлебным ножом на буфет, служивший перегородкой между кухней и столовой зоной.

Она накрыла стол, пока он выкладывал кружки ливерной колбасы и холодную солонину на овальные ломтики багета. Затем Спейд разлил кофе, добавил в него бренди из пузатой бутылки, и они присели на одну банкетку бок-о-бок. Пистолет она положила рядом с собой.

— Ешь и рассказывай, — велел он.

Она скорчила рожицу, пожаловалась, кусая бутерброд:

— Какой же ты приставучий тип!

— Да. А еще дикарь непредсказуемый. Что за птица этот сокол, что все из-за него так суетятся?

Она прожевала кусок бутерброда с говядиной, проглотила, внимательно осмотрела оставшийся крошечный полумесяц и спросила:

— А что, если я не стану рассказывать? Предположим, я ничегошеньки тебе не расскажу? Как ты тогда поступишь?

— Ты имеешь в виду, как я буду искать птичку?

— Я имею в виду вообще.

— Я бы не слишком-то удивился, — сказал Спейд, скалясь волчьей усмешкой, — если бы знал, что делать дальше.

— И что же это? — она перенесла свое внимание с бутерброда на его лицо. — Именно это я хотела узнать: что ты будешь делать дальше?

Он покачал головой.

Уголки ее губ насмешливо вздернулись.

— Нечто дикое и непредсказуемое?

— Может быть. Но я не понимаю, теперь-то какой тебе смысл скрывать? Так или иначе все всплывет помаленьку. Я очень многого не знаю, но кое-что мне известно, кое о чем я догадываюсь, и дай мне еще денек вроде этого — и скоро я буду знать даже то, о чем тебе самой невдомек.

— Не сомневаюсь нисколько, — сказала она, снова уставившись на бутерброд с самым серьезным видом. — Но как же я от всего этого устала! Как мне противны разговоры на эту тему! Не лучше ли… не лучше ли и вправду просто подождать, пока ты все сам выяснишь?

Спейд засмеялся.

— Не знаю, не знаю. Придется тебе самой в этом разбираться. Мой способ выяснения — это дикий и непредсказуемый гаечный ключ, который рас-

курочит весь механизм. Мне-то все равно, а ты не боишься, что какая-нибудь отлетевшая деталь тебя покалечит?

Она зябко повела обнаженными плечами, но ничего не ответила. Какое-то время они ели и молчали — он флегматично, она задумчиво. Потом она тихо сказала:

— Я боюсь тебя. И это чистая правда.

— Это неправда, — сказал он.

— Нет, правда, — все так же приглушенно настаивала она. — Во всем мире я боюсь только двоих мужчин, и обоих я видела сегодня вечером.

— Я могу понять твой страх перед Кейро, — сказал Спейд. — Он теперь недосягаем.

— А ты рядом?

— В определенном смысле, — усмехнулся он.

Она покраснела. Взяла бутерброд с ливерной колбасой. Положила себе на тарелку. Наморщила белый лоб и сказала:

— Как ты уже знаешь, это черная фигурка птицы, гладкая и блестящая — не то ястреб, не то сокол, примерно такой высоты. — Она отмерила руками фут по вертикали.

— А почему она так важна?

Она отхлебнула кофе с бренди, потом покачала

головой.

— Я не знаю. Они меня не посвятили. Пообещали мне пятьсот фунтов, если я помогу им ее добыть. А потом, после того, как мы сбежали от Джо, Флойд сказал, что даст мне семьсот пятьдесят.

— Значит, птица стоит больше?

— О, гораздо больше, — сказала она. — Они и не пытались изобразить праведный дележ. Меня просто наняли, чтобы помочь.

— Каким же образом?

Она снова поднесла чашку ко рту. Спейд, не сводя властного взгляда серо-желтых глаз с ее лица, начал сворачивать сигарету. За спиной у них фыркал кофейник на плите.

— Помочь им заполучить статуэтку у того, кто ею владел, — медленно сказал она, поставив чашку на стол. — У русского по фамилии Кемидов.

— Как?

— Ах, это неважно, — отмахнулась она. — Тебе это никак не поможет, да и не твое это дело. — И она с вызовом улыбнулась.

— Это произошло в Константинополе?

Помедлив, она неохотно кивнула:

— В Мармарисе.

Он махнул сигаретой в ее сторону:

— Продолжай. Что случилось потом?

— Но это все. Я уже все тебе рассказала. Мне пообещали пять сотен фунтов за содействие, и я согласилась, а потом мы узнали, что Джо Кейро задумал сбежать, забрав сокола с собой, а нас оставить с носом. Но мы опередили его и обошлись с ним именно так, как он хотел поступить с нами. Однако я от этого ничего не выиграла, поскольку Флойд вовсе не собирался выплачивать мне обещанные семьсот пятьдесят фунтов. Я поняла это к тому времени, как мы приехали в Америку. Он сказал, что мы поедем в Нью-Йорк, где он найдет покупателя статуэтки и отдаст мне мою долю, но я уже знала, что он врет. — От негодования ее глаза потемнели до фиолетового цвета. — И поэтому я пришла к тебе, чтобы ты помог мне выяснить, где находится сокол.

— Предположим, ты бы его заполучила. А что потом?

— Тогда я могла бы диктовать собственные условия мистеру Флойду Терсби.

Спейд посмотрел на нее с прищуром и предположил:

— Но ты не знаешь, куда отнести его, чтобы продать за бóльшую сумму, чем сулил Терсби?

— Не знаю.

Спейд сердито смотрел на осыпающийся в его тарелку сигаретный пепел.

— А с чего вдруг за него предлагают такие деньжищи? — спросил он. — У тебя же наверняка есть идея — догадка, по крайней мере?

— Ни малейшей догадки.

Он перевел сердитый взгляд на нее.

— Из чего он вообще сделан?

— Не то из фарфора, не то из какого-то черного камня. Без понятия. Я никогда не прикасалась к этой вещице. Только видела однажды — всего несколько минут. Флойд показал мне сокола, когда он впервые попал к нам в руки.

Спейд раздавил окурок в тарелке и сделал глоток кофе с бренди из чашки. Его сердитость улетучилась. Вытерев рот салфеткой, он смял ее и бросил на стол, после чего буднично произнес:

— Ты лгунья.

Она вскочила и встала у стола, глядя на него сверху вниз темными, пристыженными глазами. Лицо ее зарумянилось.

— Да, я лгунья, — сказала она. — И всегда была лгуньей.

— Нашла чем бахвалиться. Не корчи из себя невинную деточку. — Впрочем, голос Спейда звучал вполне добродушно. Он вышел из-за

стола. — Была ли в этой истории хоть капля правды?

Девушка опустила голову. На темных ресницах заблестели росинки слез.

— Была, — прошептала она чуть слышно.

— И сколько же?

— Не… не очень много.

Спейд взял ее за подбородок и поднял ее голову. Он рассмеялся ей прямо в мокрые от слез глаза и сказал:

— У нас целая ночь впереди. Сварю еще кофейку, плесну туда бренди, и мы начнем все заново.

Веки ее опустились.

— О, я так устала, — сказала она дрожащим голосом, — так устала от всего этого, от себя самой, устала лгать, выдумывать небылицы, не зная, где ложь, а где правда. Как мне хочется…

Она обхватила ладонями лицо Спейда и крепко прижала приоткрытые губы к его губам, всем телом прильнув к его телу.

Спейд обнял ее, притягивая к себе, мускулы налились под рукавами его голубой рубашки, пальцы правой руки зарылись в ее рыжие пряди, пальцы левой ласкали изящный изгиб спины. Глаза его горели желтым пламенем.

Глава 10. Диван в «Бельведере»

Когда Спейд открыл глаза и сел на постели, ночь уже рассеялась, превратившись в тонкую дымку и занимался новый день. Рядом с ним ровно дышала во сне Бриджит О'Шонесси. Спейд тихо встал и выскользнул из спальни, бесшумно затворив за собой дверь. Оделся он в ванной. Затем он обыскал одежду спящей девушки, вынул из кармана ее пальто плоский латунный ключ и вышел из квартиры.

Он вошел в здание «Коронета» и открыл латунным ключом дверь апартаментов. Для стороннего глаза в его появлении не было ничего странного — он вошел уверенно, целенаправленно. Для стороннего уха все прошло практически незаметно — он постарался вести себя как можно тише.

Оказавшись в квартире Бриджит, Сэм зажег все лампы. И обыскал комнату от стенки до стенки. Его глаза и толстые пальцы двигались без особой спешки — нигде не задерживаясь, ничего не прощупывая и не проверяя дважды, дюйм за дюймом они исследовали, придирчиво осматривали, анализировали с профессиональной

методичностью. Каждый ящик, посудный шкаф, закуток, коробка, сумка, чемодан — запертые или нет — были открыты, а содержимое тщательно изучено — зрительно и тактильно. Каждый предмет одежды был проверен на ощупь в поисках характерных уплотнений, и на слух — чтобы уловить малейшее шуршание бумаги под пальцами. Он снял с кровати постельное белье. Он заглянул под ковры и под каждый предмет обстановки. Он опустил жалюзи, проверяя, не спрятано ли в них что-либо от чужих глаз. Он перегнулся через подоконник, посмотреть, не подвешено ли что-нибудь с наружной стороны. Он потыкал вилкой в содержимое баночек с пудрой и кремом на туалетном столике. Проверил на свет все бутылочки и пульверизаторы. Едва ли не обнюхал тарелки, кастрюльки и сковородки, продукты и емкости для их хранения. Он высыпал на газету содержимое мусорного ведра. Открыл крышку сливного бачка в туалете, спустил воду и заглянул туда. Осмотрел и опробовал металлические решетки на сливных отверстиях ванны, умывальника, кухонной раковины и бака для стирки.

Черной птицы он не нашел. И не обнаружил ничего, что имело хоть какое-то отношение к черной птице. Единственным письменным

документом, привлекшим его внимание, была недельной давности квитанция об аренде квартиры. Бриджит О'Шонесси заплатила за месяц вперед. А единственной вещью, заинтересовавшей его настолько, что он отложил дальнейшие поиски, стала инкрустированная шкатулка, запертая в ящике туалетного столика, а в ней — горстка довольно дорогих ювелирных украшений.

Покончив с обыском, Спейд сварил и выпил чашку кофе. Затем отпер кухонное окно, чуть поскреб край задвижки перочинным ножом, открыл окно — под ним была пожарная лестница — забрал шляпу и пальто с козетки в гостиной и вышел из квартиры тем же путем, что и явился.

По дороге домой он зашел в лавочку, которую только что открыл озябший и заспанный толстый бакалейщик, купил апельсинов, яиц, рогаликов, масла и сливок.

Спейд бесшумно вошел в свою квартиру, но не успел закрыть дверь, как Бриджит О'Шонесси крикнула:

— Кто здесь?

— Завтрак в номер, доставщик Спейд.

— Ох, ты меня напугал!

Дверь спальни, которую он плотно притво-

рил, уходя, была открыта. Дрожащая девушка сидела на краю кровати, пряча правую руку под подушкой.

Спейд положил покупки на кухонный стол и вошел в комнату. Он сел на кровать рядом с девушкой, поцеловал ее гладкое плечико и сказал:

— Хотел посмотреть, по-прежнему ли на посту наш парнишка, и купить кое-что к завтраку.

— И он еще там?

— Нет.

Она вздохнула и прижалась к нему.

— Я проснулась, а тебя нет, и вдруг слышу, как кто-то заходит. Я пришла в ужас.

Спейд убрал с ее лица прядь волос, пригладил и сказал:

— Прости, ангелочек. Я подумал: сбегаю, пока ты спишь. Ты всю ночь прятала пистолет под подушкой?

— Нет. Ты же знаешь, что нет. Я вскочила и схватила его, потому что испугалась.

Он приготовил завтрак — и незаметно, пока она принимала ванну и одевалась, вернул на место латунный ключ.

Она вышла из ванной, насвистывая фокстрот «Увидимся на Кубе».

— Кровать застелить? — спросила она.

— Это было бы замечательно. Яйцам еще пару минут вариться.

Когда она вернулась на кухню, завтрак уже ждал на столе. Они сели, как сидели накануне ночью, и от души подкрепились.

— Ну что, теперь поговорим о птице? — предложил Спейд во время завтрака.

Положив вилку на стол, она внимательно посмотрела на него. Брови ее сдвинулись, а губы сжались в тонкую ниточку.

— Не смей задавать мне подобные вопросы по утрам! — возмутилась она. — Я не хочу отвечать и не буду.

— Что за упертая девчонка, — печально заметил Спейд, отправляя в рот кусочек рогалика.

* * *

Когда Спейд и Бриджит О'Шонесси перешли дорогу и сели в ожидавшее их такси, вчерашнего юного шпика нигде не было видно. И никто не ехал следом. И в окрестностях «Коронета», куда довезло их такси, ни мальца в кепке, ни других подозрительных личностей не обнаружилось.

Бриджит О'Шонесси не позволила Спейду подняться к ней в апартаменты.

— Возвращаться домой в такой час в вечернем

платье и без того плохо, не хватало еще компании. Хоть бы никого не встретить.

— Поужинаем вечером?

— Да.

Они поцеловались, и девушка зашла в подъезд «Коронета». Спейд сказал таксисту:

— Отель «Бельведер».

Подъехав к «Бельведеру», он увидел своего преследователя. Юнец сидел в вестибюле на диване, с которого отлично просматривались лифты, и притворялся, что читает газету.

У стойки Спейду сообщили, что Кейро не у себя. Детектив нахмурился и пощипал нижнюю губу. В глазах его заплясали желтые искорки.

— Спасибо, — мягко поблагодарил он портье и неторопливо отошел от стойки.

Он пересек вестибюль, направляясь к тому самому дивану, с которого оба лифта были как на ладони, и сел рядом (их разделяло расстояние не более фута) с молодым человеком, якобы погруженным в чтение газеты.

Юноша не отрывал взгляда от передовицы. С такого близкого расстояния было ясно, что ему лет двадцать — не меньше. Мелкие и ничем не примечательные черты лица, под стать его тщедушной фигуре. Очень светлая кожа. Белизна эта

была едва заметна под довольно густой бородой и румянцем. Совершенно обычная одежда, отнюдь не новая, однако и она, и его манера ее носить, отличались суровой мужской аккуратностью.

Отсыпая табак в свернутую лодочкой бумажку, Спейд непринужденно поинтересовался:

— Где он?

Паренек опустил газету и огляделся. Все это он проделал нарочито медленно, будто обуздывая свойственную его возрасту порывистость. Его маленькие глаза глянули из-под полуопущенных загнутых ресниц куда-то в область груди Спейда. Голосом, таким же бесцветным и холодно-сдержанным, как и его лицо, он произнес:

— Чего?

— Где он? — Спейд был поглощен сигаретой.

— Кто?

— Конь в пальто.

Взгляд карих глаз переместился вверх по груди Спейда к узлу темно-бордового галстука и там застрял.

— Ты, приятель, блажить вздумал? — взъерепенился парень.

— Я сообщу тебе, когда начну. — Спейд лизнул сигарету и по-дружески улыбнулся собеседнику. — Беглец из Нью-Йорка, да?

Тот молча сверлил злобным взглядом галстук Спейда. Спейд кивнул, словно получив утвердительный ответ, и спросил:

— Пожизненное маячит?

Мальчишка еще пару секунд пялился на галстук Спейда, а затем снова развернул газету и внимательно уставился в нее.

— Отвали, — уголком рта сказал он.

Спейд прикурил сигарету, устроился поудобнее, откинувшись на спинку дивана, и заговорил с добродушной непринужденностью.

— Тебе придется рано или поздно потолковать со мной, сынок — кому-то из вас придется — можешь так и передать нашему приятелю Г.

Шкет быстро опустил газету и повернулся лицом к Спейду. Он уставился на его галстук мрачными карими глазами, прижимая свои маленькие ладони к животу.

— Продолжай в том же духе — и нарвешься, — сказал он. — Получишь с лихвой. — Голос его звучал низко, ровно, угрожающе. — Я тебе сказал: отвали. Уноси ноги.

Спейд выждал, пока вошедшие в вестибюль пухлый очкарик и тонконогая блондинка окажутся за пределами слышимости, хохотнул и сказал:

— Это было бы уместно за спиной громилы на Седьмой Авеню. Но ты сейчас не у себя в Роумвиле. Ты в моем городе. — Он с удовольствием затянулся сигаретой и выдохнул большое, бледное облако дыма. — Итак, где он?

Шкет произнес три слова: первое — шипящий глагол, второе и третье — существительное с предлогом.

— За такие слова можно и по зубам получить. — Голос Спейда по-прежнему звучал дружелюбно, однако лицо начало каменеть. — Если хочешь остаться, будь вежлив.

Парень повторил свои три слова.

Спейд бросил сигарету в высокую каменную урну рядом с диваном и поднял руку, привлекая внимание человека, вот уже несколько минут стоявшего у табачного киоска. Тот кивнул и подошел к ним. Это был мужчина средних лет, с круглым желтоватым лицом, среднего роста, плотного телосложения, в опрятном темном костюме.

— Привет, Сэм.

— Здорово, Люк.

Они пожали руки, и Люк сказал:

— Слушай, ужасная беда, с Майлзом-то.

— Угу, паршиво. — Спейд дернул головой, ука-

зывая на мальчишку, сидящего на диване рядом с ним. — Чего это у тебя в холле околачиваются дешевые гангстеры, да еще и с инструментами, выпирающими из-под одежды?

— Да? — Люк внимательно разглядывал недомерка хитрыми карими глазами. Лицо его внезапно стало жестким. — Ты чего здесь ловишь? — спросил он.

Парень встал. Встал и Спейд. Парень посмотрел на обоих мужчин, вернее, на их галстуки, переводя взгляд с одного на другой. Галстук у Люка был черного цвета. Мальчишка был похож на проштрафившегося школьника.

Люк сказал:

— Что ж, раз тебе ничего здесь не нужно, тогда убирайся, и чтоб духу твоего здесь не было.

— Я вам это припомню, мужики, — пригрозил мальчишка и вышел.

Оба детектива посмотрели ему вслед. Спейд снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

Люк спросил:

— Это что такое было?

— Сам бы хотел знать! — ответил Спейд. — Случайно его засек. Что тебе известно о Джоэле Кейро из номера шестьсот тридцать пять?

— Ах, этот! — Гостиничный детектив ухмыль-

нулся.

— Давно он здесь живет?

— Четыре дня. Сегодня уже пятый.

— И что можешь о нем рассказать?

— Не поверишь, Сэм. Ничего против него у меня нет, кроме его внешности.

— Узнай, вернулся ли он вчера в отель.

— Попробую, — пообещал Люк и отошел. Спейд уселся на диван, дожидаясь его возвращения. — Нет, — сообщил Люк. — В номере он не ночевал. А что случилось?

— Ничего.

— Колись. Ты же знаешь, я буду держать язык за зубами, но если что не так — мы должны быть в курсе, чтобы успеть получить с него по счету.

— Ничего серьезного, — заверил Спейд. — Я просто выполняю для него одну работенку. Я сказал бы тебе, будь с ним что-то нечисто.

— Да уж, надеюсь. Хочешь, пригляжу за ним?

— Спасибо, Люк. Не повредит. В наши дни никогда не лишне побольше узнать о тех, на кого работаешь.

* * *

Часы над лифтом показывали двадцать одну минуту двенадцатого, когда в вестибюль зашел

Джоэл Кейро с забинтованной головой. Одежда его имела несвежий, мешковатый вид из-за того, что он не снимал ее уже много часов подряд. Лицо у него было одутловатое, с отвисшими губами и отечными веками.

Спейд как ни в чем не бывало поприветствовал его у стойки портье:

— Доброе утро!

Кейро напрягся всем своим утомленным телом, морщины резче обозначились на его лице.

— Доброе утро, — ответил он без энтузиазма.

Возникла пауза.

Спейд сказал:

— Пойдемте куда-нибудь, где можно поговорить.

Кейро вскинул подбородок.

— Прошу прощения, — сказал он. — Наши беседы с глазу на глаз были не из тех, что я хотел бы возобновить. Извините за прямоту, но это правда.

— Это вы о прошлой ночи? — Спейд нетерпеливо дернул головой и развел руками. — А что еще, черт побери, я мог сделать? Я думал, вы сами все понимаете. Если вы затеяли с ней драку, или она сама ее затеяла, то я должен был встать на ее сторону. Я не знаю, где эта треклятая птица. И вы

тоже. А она знает. И как, черт возьми, мы добудем сокола, если я не стану ей подыгрывать?

После некоторых колебаний Кейро недоверчиво произнес:

— Должен заметить, у вас всегда на все имеется наготове гладкое объяснение.

Спейд нахмурился.

— А вы чего хотите? Чтобы я научился заикаться и запинаться? Что ж, можем и это обсудить. — Он повел Кейро к дивану. Когда они сели, Спейд спросил: — Данди отвез вас в участок?

— Да.

— И как долго они вас там обрабатывали?

— Да вот до самого недавнего времени, и категорически против моей воли. — На лице и в голосе Кейро отразились боль и негодование. — Я обязательно рассмотрю этот вопрос в греческом консульстве и с моим адвокатом.

— Вперед, и посмотрим, чего вы добьетесь. Что вы позволили полиции вытрясти из вас?

В улыбке Кейро сквозило чопорное довольство.

— Ничего. Я придерживался курса, который вы указали ранее у себя на квартире. — Улыбка его пропала. — Хотя я, конечно, пожалел, что вы не придумали более правдоподобную историю. По-

вторяя ее, я чувствовал себя совершенно нелепо.

Спейд глумливо осклабился.

— Не сомневаюсь. Но именно в придурковатости вся ее прелесть. Вы уверены, что не проболтались?

— Будьте спокойны, мистер Спейд, не проболтался.

Спейд побарабанил пальцами по диванной коже.

— Данди от вас так просто не отстанет. Коси́те под дурачка, и все у вас с ним будет в порядке. Пусть вас не тревожит нелепость нашей истории. Мало-мальски вразумительная байка упекла бы нас всех в кутузку. — Он встал. — Вам надо поспать, раз вы всю ночь провели на ногах и выдержали полицейский натиск. Увидимся позже.

* * *

Эффи Перин как раз говорила в телефонную трубку: «Нет, еще не пришел», когда Спейд появился в приемной. Она обернулась к нему и произнесла одними губами: «Айва». Он замотал головой.

— Да, я передам, чтобы связался с вами, как только он вернется, — сказала секретарша вслух и повесила трубку. — Она звонит уже третий раз

за утро, — сообщила она Спейду.

Тот раздраженно зарычал.

Девушка повела карими глазами в сторону двери в его кабинет.

— Твоя мисс О'Шонесси там. Сидит с десяти минут десятого.

Спейд кивнул, словно именно этого и ожидал, и спросил:

— Что еще?

— Звонил сержант Полхаус. Никаких сообщений не оставил.

— Соедини меня с ним.

— Еще звонил некий Г.

Глаза Спейда блеснули. Он переспросил:

— Кто?

— Г. Так он назвался. — Хотя ее распирало от любопытства, она безупречно изображала образцовую секретаршу. — Когда я сообщила, что тебя нет, он сказал: «Когда придет, передайте ему, пожалуйста, что Г., получивший его сообщение, звонил и перезвонит еще».

Спейд поджал губы, словно распробовал нечто невкусное.

— Спасибо, дорогая, — сказал он. — Попробуй дозвониться Тому Полхаусу. — Он открыл дверь кабинета и, войдя, плотно затворил ее за собой.

Бриджит О'Шонесси, одетая так же, как в первый свой визит в его контору, встала с кресла у стола и подбежала к нему.

— Кто-то побывал в моей квартире, — объяснила она. — Там все вверх дном перевернули.

На лице его отразилось сдержанное удивление.

— Что-нибудь пропало?

— Кажется, нет. Не знаю. Я побоялась там оставаться. Переоделась наспех и пришла сюда. О, это ты привел за собой туда того мальчишку!

Спейд покачал головой.

— Не я, ангелочек.

Он вытащил из кармана утренний выпуск газеты, развернул и показал ей статью в четверть колонки.

Крик вспугнул грабителя

Молодая женщина по имени Кэролайн Бил, проживающая одна в квартире на Саттер-стрит, проснулась в четыре часа утра от постороннего шума. Ей показалось, что кто-то шарит у нее в ее спальне. Она закричала. Неизвестный сбежал. Две другие женщины, которые жили одни в апартаментах того же здания, позже утром обнаружили признаки того, что в их квартирах побывал грабитель. Ни у одной из трех женщин

ничего не было украдено.

— Именно там я от него и отделался, — объяснил Спейд. — Я вошел в подъезд этого дома и выскользнул через черный ход. Его заинтересовали три одинокие женщины. Он вломился во все апартаменты, рядом с номерами которых в регистрационной книге были указаны женские фамилии, разыскивая тебя под вымышленным именем.

— Но он следил за твоей квартирой, когда мы были там, — возразила она.

Спейд пожал плечами.

— А кто сказал, что он работает один? Или, возможно, он отправился на Саттер-стрит, когда подумал, что ты останешься у меня на всю ночь. Есть множество всяких «возможно», но я не приводил его в «Коронет».

Ответ ее не удовлетворил.

— Но он нашел его, или кто-то другой нашел.

— Это точно. — Он хмуро посмотрел ей под ноги. — Уж не Кейро ли? Его не было в отеле всю ночь, он явился всего несколько минут назад и сказал мне, что все это время его промурыжили в полицейском участке. Очень интересно. — Спейд повернулся, открыл дверь в приемную и спросил Эффи Перин: — Ну что, дозвонилась Тому?

— Его нет на месте. Подожду немного и попробую снова.

— Спасибо.

Спейд закрыл дверь и повернулся к Бриджит О'Шонесси.

Глаза ее подернулись поволокой.

— Ты сегодня утром встречался с Джо? — спросила она.

— Да.

Она поколебалась.

— Зачем?

— Зачем? — улыбнулся он, глядя на нее сверху вниз. — А затем, любовь всей моей жизни, что я должен как-то подобрать концы в этом головокружительном романе, если хочу когда-нибудь связать их воедино. — Он обнял ее за плечи и подвел к своему вращающемуся креслу. Легонько поцеловав кончик ее носа, он усадил Бриджит в кресло, а сам сел на стол напротив нее и сказал: — А теперь нам надо найти для тебя новый дом, так ведь?

Она выразительно закивала.

— Я не хочу туда возвращаться.

Он похлопал по столу у своего бедра и сделал задумчивое лицо.

— Кажется, я понял, — сказал он наконец. — По-

годи минутку. — Он вышел в приемную и закрыл за собой дверь.

Эффи Перин потянулась к телефону со словами:

— Сейчас попробую снова.

— Потом. Твоя женская интуиция по-прежнему говорит тебе, что она — святая невинность, или что-то в этом роде?

Она строго посмотрела на него.

— Я по-прежнему уверена, что, в какие бы неприятности она ни вляпалась, с ней все в порядке, если ты это имеешь в виду.

— Да, именно это, — сказал он. — Достаточно ли ты сильна, чтобы протянуть ей руку помощи?

— Каким образом?

— Можешь приютить ее на пару деньков?

— В смысле, у себя дома?

— Да. В ее квартиру вломились. Уж второй раз за неделю. Ей лучше не оставаться одной. Ты очень поможешь, если пустишь ее пожить у себя.

Эффи Перин подалась вперед и спросила прямо:

— А ей действительно грозит опасность, Сэм?

— Я считаю, что да.

Она потеребила губу ногтем.

— Как бы у матушки от страха сердечный при-

ступ не приключился. Придется соврать, что твоя девица — невольный свидетель чего-то такого, что ты держишь в секрете до последней минуты.

— Умница моя, — сказал Спейд. — Лучше увести ее прямо сейчас. Я возьму у нее ключ и принесу из ее квартиры все необходимое. Так… Никто не должен видеть, что вы вместе выходите отсюда. Поезжай домой. Возьми такси, но смотри, чтобы за тобой не следили. Скорее всего, хвоста не будет, но, на всякий случай, проверь. Я отправлю ее на другой машине чуть погодя, убедившись, что все чисто.

Глава 11. Толстяк

Телефон яростно трезвонил, когда Спейд вернулся в контору, отправив Бриджит О'Шонесси на квартиру Эффи Перин. Он снял трубку.

— Алло… Да, это Спейд… Да, у меня. Я ждал, что вы объявитесь… Кто?.. Мистер Гутман? Да-да, конечно!.. Сейчас — чем скорее, тем лучше… Двенадцать-Си… Хорошо. Скажем, минут через пятнадцать… Хорошо.

Спейд уселся на угол своего стола у телефона. Губы сжались в жесткую, самодовольную букву «V». Глаза, тлеющие из-под опущенных век, смотрели прямо перед собой, неотрывно следя за пальцами, которые сворачивали сигарету.

Дверь распахнулась, и вошла Айва Арчер.

Спейд сказал:

— Привет, дорогая.

Его голос, как и его лицо внезапно стали дружелюбными.

— О, Сэм, прости меня! Прости! — сдавленным голосом воскликнула Айва и застыла в дверях, не снимая перчаток и комкая маленькими руками носовой платок с траурной каймой. Глаза ее,

красные и опухшие, испуганно глядели на Сэма.

Продолжая сидеть на углу стола, он сказал:

— Ничего, все в порядке. Забудь.

— Но, Сэм, — причитала она, — ведь это я натравила на тебя полицейских. Я совсем спятила, с ума сходила от ревности. Позвонила им и сказала, что если они заглянут к тебе, то узнают кое-что об убийстве Майлза.

— А что заставило тебя так думать?

— О нет, я так не думала! Я обезумела, Сэм, и хотела тебе навредить.

— Из-за этого ситуация сложилась чертовски неловкая. — Он обнял ее и притянул к себе. — Но теперь все в порядке, вот только постарайся больше не вытворять таких безумств.

— Больше не буду, — пообещала она. — Никогда. Но вчера вечером ты был со мной неласков. Ты был холоден и хотел от меня отделаться, когда я сюда пришла и так долго ждала, чтобы предупредить тебя, а ты…

— Предупредить меня о чем?

— О Филе. Он как-то разнюхал, что ты меня… что у нас с тобой любовь, а Майлз еще раньше говорил ему о моем желании развестись, хотя, конечно, он так и не узнал причину, а Фил теперь думает, что мы… что ты убил его брата, потому

что он не давал мне развода, чтобы мы могли пожениться. Он сам сказал мне, что уверен в этом, а вчера пошел в полицию и все им выложил.

— Как мило, — мягко сказал Спейд. — Ты пришла предупредить меня, но поскольку я был занят, встала на дыбы и помогла этому поганцу Филу Арчеру устроить бучу.

— Мне очень жаль, — захныкала она. — Я знаю, ты никогда не простишь меня. Но мне… мне очень, очень, очень жаль!

— Тебе и должно быть жаль, — сказал он. — Ты не только мне, ты и себе навредила. А Данди заходил к тебе с тех пор, как Фил сделал свое заявление? Или кто-нибудь из Бюро?

— Нет. — В тревоге она открыла рот и выпучила глаза.

— Еще придут, — сказал он. — И было бы лучше, если бы они тебя застали дома. Ты назвалась, когда им звонила?

— О, нет! Я просто сказала, что если они сейчас же пойдут к тебе на квартиру, то узнают кое-что об убийстве — и повесила трубку.

— Откуда ты звонила?

— Из аптеки на твоей улице. О, Сэм, любимый, я…

Он похлопал ее по плечу и добродушно сказал:

— Да, шутка была глупая, но что сделано — то сделано. Лучше беги домой и хорошенько обдумай, что ты скажешь полиции. Они свяжутся с тобой. Может быть, лучше вообще все отрицать. — Он нахмурился, глядя в пространство. — А может, стоит сначала встретиться с Сидом Уайзом. — Он убрал руку с ее плеча, вынул из кармана карточку, нацарапал на обороте три строчки и протянул ей. — Можешь рассказать Сиду обо всем. — Он снова нахмурился. — Или почти обо всем. Где ты была в ту ночь, когда Майлза застрелили?

— Дома, — ответила она не без колебаний.

Он покачал головой и усмехнулся.

— Я была дома, — настаивала она.

— Нет, — сказал он. — Но если таково твое алиби, не стану его опровергать. Ступай к Сиду. Это тут за углом, розоватое здание, комната восемьсот двадцать семь.

Ее голубые глаза попытались заглянуть в его желто-серые.

— Почему ты думаешь, что меня не было дома? — с расстановкой спросила она.

— Ни почему. Я просто знаю, что тебя не было — и все.

— Но я была. Была! — Она стиснула губы, глаза

ее потемнели от гнева. — Что бы там ни говорила Эффи Перин, — выдохнула она с возмущением. — Я видела, как она разглядывала мою одежду и что-то вынюхивала. Ты знаешь, она меня не любит, Сэм. Почему ты веришь всему, что она болтает, зная, что она только и ждет случая мне навредить?

— Ах, эти женщины, Господи боже, — мягко сказал Спейд и посмотрел на свои наручные часы. — Тебе уже пора, моя прелесть. Я опаздываю на встречу. Дело, конечно, твое, но я бы на твоем месте рассказал Сэму правду или ничего. То есть, опусти те эпизоды, о которых не хочешь рассказывать, но взамен ничего не выдумывай.

— Я не лгу тебе, Сэм, — возмутилась она.

— Черта с два, — сказал он и встал.

Она поднялась на цыпочки и заглянула ему в лицо.

— Ты мне не веришь, Сэм? — прошептала она.

— Я тебе не верю.

— И не простишь меня за… за то, что я сделала?

— Прощу, конечно. — Он наклонился и поцеловал ее в губы. — Все хорошо. А теперь беги.

Она крепко обняла его.

— Ты сходишь со мной к мистеру Уайзу?

— Не могу, к тому же я все равно буду только мешать, — он похлопал ее по рукам, отцепил их от себя и поцеловал ее левое запястье между перчаткой и рукавом. Взяв ее за плечи, развернул лицом к двери и легонько подтолкнул. — Ступай, — велел он.

* * *

Дверь красного дерева с номерком «12-Си» в гостинице «Александрия» открыл тот самый парень, с которым Спейд разговаривал в вестибюле «Бельведера». Спейд добродушно сказал ему: «Привет», недомерок ничего не ответил — просто посторонился, придерживая дверь.

Спейд вошел. Навстречу ему вышел толстяк.

Толстяк был настоящим обрюзгшим жирдяем с шарообразными розовыми щеками, мясистыми губами, многослойным подбородком и складчатым загривком. Он словно бы весь состоял из огромного рыхлого пуза, колыхавшегося, точно яйцо всмятку, с наспех прикрепленными рогаликами рук и ног. Когда он двинулся навстречу Спейду, все его складки затряслись, вздымаясь и опадая по отдельности при каждом шаге, подобно нагромождению мыльных пузырей, еще не отделившихся от трубочки, через которую

их выдули. Черные глазки, казавшиеся совсем крошечными среди окружавших их припухлостей, сверкали неожиданно ярко и живо. Редкие темные вьющиеся пряди покрывали громадный череп. Одет он был в черную визитку, черный жилет, черный атласный пластрон, заколотый розовой жемчужиной, серые шерстяные брюки в полоску и лакированные туфли.

Звук его голоса напоминал хриплое урчание.

— А, мистер Спейд! — с воодушевлением сказал он и протянул Спейду ладонь, похожую на жирную розовую морскую звезду.

Спейд пожал ее и с улыбкой ответил:

— Как поживаете, мистер Гутман?

Держа Спейда за руку, толстяк развернулся, встал с ним рядом, другой рукой взял его под локоть и подвел по зеленому ковру к зеленому плюшевому креслу рядом со столиком, где на подносе стоял сифон, несколько стаканов, бутылка виски «Джонни Уокер» и коробка сигар «Коронас дель Ритц». Кроме того там было несколько газет и простая желтая шкатулочка из мыльного камня.

Спейд сел в зеленое кресло. Толстяк принялся наполнять стаканы из бутылки и сифона. Мальчишка скрылся. Двери в трех стенах гостиной

были закрыты. В четвертой стене — за спиной у Спейда — зияли два окна, выходившие на Гири-стрит.

— Хорошее начало, сэр, — проурчал толстяк, поворачиваясь к нему со стаканом в руке. — Не доверяю я людям, которые блеют «хватит-хватит». Если боишься, что выпьешь слишком много, значит тебе нельзя доверять.

Спейд с улыбкой взял стакан и поблагодарил гостеприимного хозяина легким поклоном.

Толстяк повернулся к окну и посмотрел содержимое собственного стакана на свет. Он одобрительно кивнул, глядя на поднимающиеся со дна пузырьки, и провозгласил:

— Что ж, сэр, выпьем за откровенность и полное взаимопонимание!

Они выпили и опустили стаканы.

Толстяк окинул Спейда проницательным взглядом и спросил:

— А вы, гляжу, молчун?

Спейд отрицательно покачал головой.

— Я люблю поговорить.

— Все лучше и лучше! — воскликнул толстяк. — Я не доверяю молчунам. Обычно они если и говорят, то не вовремя и невпопад. Разумный разговор требует регулярной практики. — Он лу-

чезарно улыбнулся поверх стакана. — Мы с вами поладим, сэр, обязательно поладим. — Поставив стакан на столик, он протянул Спейду коробку «Коронас». — Сигару, сэр?

Спейд взял одну, отрезал кончик и закурил. Тем временем толстяк придвинул другое зеленое плюшевое кресло поближе к Спейду и разместил напольную пепельницу между ним и собой. Затем он взял свой стакан, извлек из коробки сигару и опустился в кресло. Его жировые складки перестали колыхаться и обрели дряблый покой. Он удовлетворенно вздохнул и сказал:

— А теперь, сэр, поговорим, если вы не против. И я скажу вам сразу, что я люблю поговорить с человеком, который любит разговоры.

— Шикарно. Поговорим о черной птице?

Толстяк расхохотался, от чего складки на его теле заходили ходуном.

— О птице? — переспросил он и ответил: — Поговорим. — Его розовое лицо светилось от восторга. — Вот это по мне, сэр, вы скроены по моему лекалу. Не ходите вокруг да около, а устремляетесь прямо к сути. Хотите поговорить о черной птице? Что ж — извольте. Мне это по душе, сэр. Люблю, когда дела ведутся таким образом. Мы в любом случае потолкуем о черной

птице, но сначала, сэр, ответьте, пожалуйста, на один вопрос, чтобы мы сразу расставили точки над «i». Вы пришли сюда как представитель Бриджит О' Шонесси?

Спейд выпустил длинную струю дыма, косым плюмажем застывшую над головой толстяка и задумчиво нахмурился, глядя на столбик пепла на кончике своей сигары. Потом ответил уклончиво:

— Не могу сказать ни «да», ни «нет». Пока что, в любом случае, ничего определенного. — Он поднял глаза на толстяка и перестал хмуриться. — Это зависит от…

— Зависит от чего?

Спейд покачал головой.

— Если бы я знал, то мог бы сказать «да» или «нет».

Толстяк отхлебнул виски, проглотил и предположил:

— Может, это зависит от Джоэла Кейро?

— Может, — быстро, уклончиво ответил Спейд и тоже выпил.

Толстяк подался вперед, насколько позволило его пузо. Он заискивающе улыбнулся и дружелюбно проурчал:

— Другими словами, вопрос в том, кого из них

вы будете представлять?

— Можно и так сказать.

— Это будет или тот, или другая?

— Я так не сказал.

Глаза толстяка заблестели. Голос понизился до хрипловатого мурлыканья, когда он спросил:

— Есть кто-то еще?

Кончиком сигары Спейд ткнул себе в грудь.

— Есть. Я сам, — сказал он.

Толстяк расплылся в кресле. Он выдохнул — длинно и с удовольствием.

— Прекрасно, сэр, — промурлыкал он. — Это прекрасно. Мне нравятся люди, которые не скрывают, что действуют в собственных интересах. Ведь все мы делаем именно это. Я не доверяю человеку, который говорит, что он не такой. А человеку, который говорит правду, говоря, что он не такой, я не доверяю еще больше, потому что он олух, поступающий наперекор законам природы.

Спейд выпустил облако дыма. С выражением вежливого внимания на лице он сказал:

— Угу. А теперь давайте поговорим о черной птице.

Толстяк благодушно улыбнулся.

— Давайте, — сказал он и прищурился так, что

из-под набежавших жировых складок не стало видно ничего, кроме темного блеска его глаз. — Мистер Спейд, имеете ли вы представление о сумме, которую можно заработать на черной птице?

— Нет.

Толстяк снова подался вперед и положил пухлую розовую ладонь на подлокотник кресла Спейда.

— Что ж, сэр, если я скажу вам… боже правый, да если я назову вам половину этой суммы, вы назовете меня лжецом.

Спейд улыбнулся:

— Нет, не назову, даже если подумаю так. Но если не хотите рисковать, просто расскажите, почему эта штука такая ценная, а уж прибыль подсчитать я сумею.

Толстяк засмеялся.

— Вы не сможете, сэр. Этого не смог бы сделать никто, у кого нет опыта в подобных делах а… — Он сделал выразительную паузу. — А подобных дел просто не было. — Он снова засмеялся, и его складки захлопали друг о дружку в такт его смеху. Внезапно он перестал смеяться. Мясистые губы открылись, едва смех их покинул. Он близоруко уставился на Спейда и спросил: — Хотите сказать,

что не знаете, о чем идет речь? — От изумления его голос утратил хрипотцу.

Спейд небрежно махнул сигарой.

— Вот черт, — беспечно сказал он. — Я знаю, как это должно выглядеть. Я знаю, что это всем вам нужно до зарезу. Но я не знаю, что это.

— Она вам не сказала?

— Мисс О'Шонесси?

— Да, сэр. Та красивая девушка.

— Ага. Нет, не сказала.

Темные глаза толстяка сверкнули из засады в складках розовой плоти.

— Уж она-то должна знать, — сказал он неопределенно. — И Кейро не сказал?

— Кейро ловкач. Он хотел ее купить, но не рискнул сообщить мне что-нибудь из того, чего я уже не знал.

Толстяк облизнул губы.

— И сколько же он хотел заплатить за нее? — спросил он.

— Десять тысяч долларов.

Толстяк презрительно рассмеялся.

— Десять тысяч долларов — заметьте, даже не фунтов! Истинный грек. Пфф! И что вы ему на это ответили?

— Я сказал, что если отдам ее ему, то сам рас-

считываю на десять тысяч.

— Ах да, если! Ловко, сэр. — Лоб толстяка сморщился в расплывчатой гримасе. — Они должны знать, — сказал он вполголоса и спросил: — Но знают ли? Им известно, что из себя представляет эта птица? Как вам показалось?

— В этом я вам не могу помочь, — сознался Спейд. — Тут не на что опереться. Кейро не сказал, что знает, но и что не знает, тоже не сказал. То есть, он сказал, что не знает, но я, конечно, считаю, что он солгал.

— Это было неразумно с его стороны, — отозвался толстяк, но он определенно думал о чем-то другом. Он почесал в затылке. Он нахмурился, так что его лоб избороздили глубокие красные морщины. Он поерзал на кресле, насколько позволяли его габариты и размеры кресла. Он прикрыл было глаза, потом неожиданно вытаращился и сказал Спейду:

— Может, они и не знают. — Озабоченное выражение медленно исчезло с его пухлого круглого лица и сменилось — куда быстрее — выражением неизъяснимого счастья. — А если они не знают, — воскликнул он, — если они не знают, то я — единственный на всем этом прекрасном и огромном белом свете, кто знает!

Спейд растянул губы в улыбке.

— Я рад, что обратился по адресу, — сказал он.

Толстяк тоже улыбнулся, но как-то неуверенно. Счастливое выражение, несмотря на улыбку, сползло с его лица, а в глазах появилась настороженность. Его лицо было улыбчивой маской с настороженными глазами, маской, заслоняющей его мысли от Спейда. Глаза, избегая взгляда Спейда, переместились на стакан, стоявший у спейдова локтя. Лицо толстяка вновь просияло.

— Ну надо же, сэр, — сказал он, — стакан-то у вас совсем пуст. — Он встал, подошел к столику и начал звенеть стаканами, сифоном и бутылкой, смешивая напиток.

Спейд неподвижно сидел в кресле до тех пор, пока толстяк с размашистым поклоном и шутливым: «Вот вам, сэр, лекарство, которое вам никогда не навредит!» не протянул ему его наполненный заново стакан. Тогда Спейд встал и подошел вплотную к толстяку. Взгляд у Спейда был жестким и ясным. Он поднял стакан. Голос его звучал уверенно, с вызовом:

— Итак, за откровенность и чистоту понимания!

Толстяк крякнул, и они выпили. Толстяк сел. Он прижимал стакан к животу двумя руками и

улыбался Спейду. Он сказал:

— Как ни удивительно, вполне вероятно, что никто из них точно не знает, что из себя представляет эта птица, и что никто во всем этом распрекрасном огромном мире этого не знает, за исключением вашего покорного слуги Каспера Гутмана, эсквайра.

— Здорово. — Спейд стоял, расставив ноги, одна рука в кармане брюк, другая со стаканом. — Когда вы расскажете это мне, нас будет только двое, кто все знает.

— Математически верно, сэр. — Глаза толстяка блеснули. — Но… — Улыбка его стала шире. — Я не уверен, что расскажу вам.

— Не валяйте дурака, — терпеливо сказал Спейд. — Вы знаете, что это. Я знаю — где это. Посему мы здесь.

— Ну, и где же она?

Спейд проигнорировал вопрос.

Толстяк поджал губы, поднял брови и слегка наклонил голову влево.

— Видите ли, — вежливо сказал он, — я должен рассказать вам то, что знаю, но вы не желаете рассказывать мне то, что знаете вы. Это вряд ли справедливо, сэр. Нет-нет, я не думаю, что мы можем вести дела в таком ключе.

Лицо Спейда побледнело и стало жестким. Он быстро заговорил тихим, яростным голосом:

— Подумайте еще раз, и думайте быстрее. Я уже сказал вашему сопляку, что вам придется все мне рассказать, прежде чем вас прикончат. А теперь скажу вам, что или вы сегодня же мне все выкладываете, или вам конец. Ради чего вы со своим паршивым секретом тратите мое время? Господи! Я вот точно знаю, что за барахло лежит в хранилищах казначейства, но какая мне от этого польза? Я без вас обойдусь, идите к чертовой бабушке! Может, и вы обошлись бы без меня, если бы держались от меня подальше. Но вы не можете. Только не в Сан-Франциско. Или вы в деле, или нет — и решите вы это сегодня.

Он развернулся и в гневе с размаху швырнул стакан на стол. Стакан ударился о дерево, разбился, его содержимое расплескалось и сверкающие осколки разлетелись по столу и по полу. Спейд остался глух и слеп к этой катастрофе и развернулся снова лицом к толстяку.

Толстяк к судьбе стакана проявил не больше участия, чем сам Спейд: поджав губы, подняв брови и слегка склонив голову влево, он хранил розовощекую невозмутимость на протяжении всей гневной речи Спейда, и сохранил ее сейчас.

А Спейд, кипя яростью, продолжил:

— И вот еще что…

Дверь слева от Спейда отворилась. Вошел парень, который впустил Спейда в номер. Он закрыл дверь, загородил ее, уперев руки в бока, и смотрел на Спейда широко открытыми, темными глазами с расширенными зрачками. Их взгляд скользнул по фигуре Спейда от плеч до колен и обратно, остановившись на носовом платке, бордовая кайма которого выглядывала из нагрудного кармана коричневого спейдова пиджака.

— И вот еще что, — повторил Спейд, злобно глядя на мальчишку. — Отзовите своего бойца, пока принимаете решение, не то ему крышка. Мне он не нравится. Он меня нервирует. Я убью его, если снова попадется мне на глаза. И пикнуть не успеет. Я не дам ему ни единого шанса. Я его прикончу.

Губы недомерка дернулись в едва заметной улыбке. Он не поднял взгляд и не сказал ни слова.

Толстяк снисходительно произнес:

— Ну, сэр, должен сказать, вы чересчур вспыльчивы.

— Чересчур вспыльчив? — Спейд захохотал, как безумец. Он бросился к стулу, на котором

оставил свою шляпу, схватил ее, нахлобучил на голову. Вытянул свою длинную руку и ткнул толстым указательным пальцем в гутманову тушу. Его гневный голос заполнил все пространство комнаты. — Думайте, думайте хорошенько. У вас есть время до пяти тридцати вечера. Тогда либо вы в деле, либо исчезаете навсегда. — Он опустил руку, бросил сердитый взгляд на вежливого толстяка, затем на юнца и направился к двери, через которую вошел. Напоследок он обернулся и отрывисто сказал: — Пять тридцать — потом занавес.

Парень, глядя в грудь Спейда, повторил те три слова, что уже дважды произносил в вестибюле «Бельведера». Голос его звучал негромко. Но в нем слышалась злоба.

Спейд вышел, хлопнув дверью.

Глава 12. Карусель

С этажа Гутмана Спейд спустился на лифте. Губы у него были сухие и шершавые, а бледное лицо, наоборот, блестело от пота. Когда он вынул платок, чтобы вытереть лоб, то заметил, что рука у него дрожит. Усмехнувшись, он сказал: «Вот те на!», да так громко, что лифтер обернулся и спросил через плечо: «Что, сэр?»

Спейд пешком пошел по Гири-стрит до отеля «Палас», чтобы там пообедать. К тому времени, как он сел за стол, его лицо уже избавилось от бледности, губы — от сухости, а рука перестала дрожать. Он не спеша и с большим аппетитом поел, а затем направился в контору Сида Уайза.

Он застал Уайза в его кабинете — тот сидел, глядя в окно, и в задумчивости грыз ноготь. Торопливо одернув руку ото рта, он развернулся вместе с креслом лицом к Спейду и сказал:

— Привет. Бери стул и садись.

Спейд поставил стул сбоку от большого, заваленного бумагами письменного стола и сел.

— Миссис Арчер приходила? — поинтересовался он.

— Да. — В глазах адвоката мелькнул едва заметный огонек. — Ты женишься на этой леди, Сэмми?

Спейд раздраженно выдохнул через ноздри.

— Господи, и ты туда же! — проворчал он.

Мимолетная усталая улыбка на миг приподняла уголки губ мистера Уайза.

— А если нет, — сказал он, — то скоро хлопот не оберешься.

Спейд поднял глаза от сигареты, которую как раз сворачивал, и кисло спросил:

— А может, это ты их не оберешься? Впрочем, для того ты и нужен. Что она тебе рассказала?

— О тебе?

— Обо всем, что я обязан знать.

Уайз провел пальцами по волосам, и его плечи обсыпала перхоть.

— Она сказала, что пыталась получить у Майлза развод, чтобы иметь возможность…

— Все это я знаю, — перебил его Спейд. — Можешь пропустить. Перейдем к той части, которую я не знаю.

— Мне же неизвестно, насколько она тебе…

— Хватит тянуть время, Сид. — Спейд поднес зажигалку с язычком пламени к сигарете. — Что она рассказала тебе из того, что скрыла от меня?

Уайз укоризненно посмотрел на Спейда.

— Ну, Сэмми, — начал он, — я же не могу…

Спейд воздел очи к потолку и простонал:

— Господи! И это мой собственный адвокат, который наживается на мне! А я должен на коленях молить, чтобы он мне хоть что-то поведал! — Он перевел взгляд на Уайза. — Черт побери, а для чего, ты думаешь, я ее к тебе отправил?

Уайз скорчил усталую гримасу.

— Еще один клиент вроде тебя, и я окажусь в дурдоме — или в тюрьме, — пожаловался он.

— И воссоединишься там с большинством своих клиентов. Она сообщила тебе, где была в ночь убийства?

— Да.

— И где же?

— Следила за Майлзом.

Спейд сел неестественно прямо и заморгал. Он недоверчиво воскликнул:

— Ох уж эти женщины! — А потом засмеялся, расслабился, сидя на стуле, и спросил. — Ну, и что она видела?

Уайз покачал головой.

— Ничего особенного. В тот вечер, вернувшись домой к ужину, Майлз, чтобы позлить ее, сказал, что встречается в «Сент-Марке» с какой-то девуш-

кой, и у нее есть шанс получить столь желанный развод. Сперва она решила, что он это назло ей. Он знал…

— Я в курсе истории этой семьи, — сказал Спейд. — Пропустим. Расскажи мне, что она сделала.

— Расскажу, если не будешь перебивать. После его ухода она подумала, что, возможно, свидание действительно состоится. Ты же знаешь Майлза. Это так на него похоже, вечно он…

— Подробности насчет привычек Майлза тоже можешь опустить.

— Да я вообще ни черта не обязан тебе рассказывать, — огрызнулся адвокат. — Так вот, она взяла из гаража свою машину, поехала к «Сент-Марку» и стала караулить, припарковавшись на противоположной стороне улицы. Выйдя из гостиницы, Майлз начал следить за мужчиной и девушкой — она сказала, что ту же самую девушку она видела с тобой прошлой ночью — эта парочка покинула гостиницу незадолго до Майлза. Айва поняла, что муж на работе и просто дурачил ее. Полагаю, она была разочарована и зла — голос у нее был именно такой, когда она все это мне рассказывала. Она следила за Майлзом достаточно долго, чтобы убедиться, что он и впрямь ведет

наблюдение за той парочкой, а потом поехала к тебе на квартиру. Тебя дома не оказалось.

— В котором часу это было? — спросил Спейд.

— Когда она заходила к тебе домой? Где-то между половиной девятого и десятью вечера.

— В первый раз?

— Да. Она поездила по округе час-полтора и попыталась снова. Это было примерно в десять тридцать. Ты все еще отсутствовал, так что она вернулась в центр и отправилась в кино, чтобы убить время до полуночи, когда, как она считала, она скорее всего сможет застать тебя дома.

Спейд нахмурился.

— Она пошла в кино в десять тридцать вечера?

— По ее словам, в кинотеатр на Пауэлл-стрит, который открыт до часу ночи. Ей не хотелось идти домой, сказала она, потому что не хотелось оказаться там к приходу Майлза. Его всегда бесили ее поздние отлучки, особенно когда она возвращалась в районе полуночи. Она якобы оставалась в кино до закрытия. — Теперь речь Уайза стала медленнее, и в глазах его появился сардонический блеск. — Она решила больше не возвращаться в твою квартиру. Сказала, что не знала, понравится ли тебе, если она заявится так поздно. Так что она поехала в «Тейтс» — тот,

что на Эллис-стрит — чтобы перекусить, а потом вернулась домой — одна.

Уайз откинулся на спинку кресла и ждал, пока Спейд заговорит.

Лицо Спейда было непроницаемо. Он спросил:

— Ты ей веришь?

— А ты нет? — ответил Уайз вопросом на вопрос.

— Откуда мне знать? Откуда мне знать, не сговорились ли вы повесить мне лапшу на уши?

Уайз усмехнулся.

— Ты нечасто обналичиваешь чеки для незнакомцев, да, Сэмми?

— Денег на ветер не швыряю. Ну, и что потом? Майлза ведь дома не оказалось? Как я понимаю, к тому времени перевалило за два ночи и он уже был мертв.

— Майлза дома не оказалось, — кивнул Уайз. — Это, похоже, разъярило Айву еще пуще — ей не удалось вернуться домой позже него и заставить его бесноваться, что жена до сих пор где-то шляется. Тогда она снова вывела из гаража машину и поехала к тебе.

— И меня тоже дома не оказалось. Я осматривал труп Майлза. Просто карусель какая-то, ей-богу. Что потом?

— Она вернулась домой, и мужа по-прежнему не было, а пока она раздевалась, твоя посланница принесла весть о его смерти.

Спейд с величайшей тщательностью свернул очередную сигарету, прикурил ее и только тогда заговорил снова.

— Думаю, это верная хронология. Согласуется со многими известными фактами. Должна совпасть.

Уайз снова запустил пятерню в волосы, вычесав оттуда новую порцию перхоти себе на плечи. Потом с любопытством вгляделся в лицо Спейда и спросил:

— Но ты в это не веришь?

Спейд вынул сигарету изо рта.

— Я не могу верить или не верить, Сид. Ведь я ни черта об этом не знаю.

Губы адвоката скривились в недоверчивой усмешке. Он устало подвигал затекшими плечами и сказал:

— Все верно — я продажная сволочь. Почему бы тебе не нанять честного адвоката — такого, которому ты мог бы доверять?

— Такие все повывелись. — Спейд встал. Он насмешливо посмотрел на Уайза. — Больно ты стал обидчив! Мне недосуг разводить тут с тобой

политесы, без того забот по горло. В чем я провинился? Забыл преклонить колени, когда вошел?

Сид Уайз помимо воли улыбнулся.

— Ты настоящий сукин сын, Сэмми, — сказал он.

* * *

Эффи Перин стояла посреди приемной, когда Спейд вошел в контору. Она посмотрела на него встревоженными карими глазами и спросила:

— Что случилось?

Лицо Спейда окаменело.

— «Что случилось» где? — спросил он требовательно.

— Почему она не приехала?

Сделав два широких шага, он схватил Эффи Перин за плечи.

— Она не приехала к тебе? — гаркнул он прямо в ее испуганное лицо.

Она отчаянно замотала головой.

— Я ждала-ждала, а она так и не приехала. К тебе было не дозвониться, поэтому я пришла сюда.

Спейд отдернул руки от ее плеч, поглубже засунул в карманы брюк.

— Еще одна карусель! — громко и рассерженно сказал он и зашел к себе в кабинет. Потом снова

вышел. — Позвони матери, — приказал он. — Может, она уже появилась.

Пока девушка звонила домой, он расхаживал по кабинету туда-сюда.

— Нет, — сообщила она, повесив трубку. — А ты… ты ее на такси отправил?

Его ворчание, видимо, означало «да».

— Ты уверен, что она… Кто-то мог проследить за ней!

Спейд перестал метаться по кабинету. Он уперся кулаками в бедра, вперил в Эффи Перин сердитый взгляд и сказал громко и свирепо:

— Не было за ней хвоста. Я тебе что — чертов школьник? Я все проверил, прежде чем усадить ее в машину, и сам проехал с ней десяток кварталов, чтобы окончательно в этом убедиться, и еще полдюжины кварталов прошагал пешком в обратном направлении, когда вышел из такси.

— Да, но…

— Но она не приехала. Ты мне уже сказала об этом. Я тебе верю. Неужели ты считаешь, что я думаю, будто она приехала?

Эффи Перин фыркнула.

— Ты и в самом деле ведешь себя как чертов школьник, — сказала она.

Спейд издал хриплый горловой звук и бросился

к выходу в коридор.

— Пойду и отыщу ее, пусть даже мне придется нырять за ней в канализацию, — сказал он. — Оставайся здесь, пока я не вернусь или не дам о себе знать. Бога ради, давай хоть что-то сделаем правильно.

Он выскочил в коридор, прошел полпути к лифту и повернул назад. Эффи Перин сидела за своим столом, когда он открыл дверь. Спейд сказал ей:

— Уж ты-то должна знать, что когда я так разговариваю, не стоит обращать на меня внимания.

— Если ты думаешь, что я обратила внимание, то ты свихнулся, — ответила она. — Вот только… — Скрестив руки, она ощупала свои плечи и губы ее задрожали. — …Я теперь две недели не смогу надеть вечернее платье из-за тебя, тупой громила.

Он виновато улыбнулся.

— Стыд мне и позор, дорогая, — сказал он, отвесив преувеличенно галантный поклон, и снова вышел.

* * *

Спейд направился к стоянке такси на углу, где ждали две желтые машины. Водители болтали, стоя рядом с одним из автомобилей. Спейд спро-

сил у них:

— А где сейчас такой румяный блондин, который торчал здесь в полдень?

— Взял клиента, — ответил один из шоферов.

— А он сюда вернется?

— Должен, вроде.

Другой водитель кивком указал на восток.

— Вон он, подъезжает.

Спейд пошел на угол и стоял у обочины, пока краснолицый блондинистый шофер не припарковался и не вышел из машины. Тогда Спейд подошел к нему и сказал:

— Мы ехали с вами от Стоктон по Сакраменто до Джонс, где я вышел, помните?

— Конечно, — ответил краснолицый, — припоминаю.

— Я велел вам отвезти даму в дом на Девятой авеню. Вы не доставили ее туда. Куда вы ее отвезли?

Шофер потер щеку чумазой рукой и с сомнением посмотрел на Спейда.

— Не хочу влезать не в свое дело.

— Здесь ничего такого, — уверил его Спейд, протягивая свою карточку. — Но если хотите подстраховаться, можем подъехать к вам в контору и уточнить, все ли в порядке, у вашего начальства.

— Пожалуй, это лишнее. Я отвез ее к паромной переправе.

— Одну?

— Ага. Одну.

— А по пути никуда ее не завозили?

— Нет. Дело вот как было: после того, как высадили вас на Сакраменто, мы доехали до Поулк — и тут она постучала в стекло и сказала, что хочет купить газету, так что я остановился на углу и свистнул мальчишке, и она взяла у него газету.

— Какую именно газету?

— «Колл». Потом мы снова выехали на Сакраменто, а на перекрестке с Ван-Несс, она постучала опять и велела отвезти ее к переправе Ферри-билдинг.

— Она была взволнована, возбуждена?

— Ничего такого я не заметил.

— А когда вы подъехали к Ферри-билдинг?

— Она расплатилась — вот и все.

— Кто-нибудь ждал ее там?

— Если кто и был, то я не видел.

— В какую сторону она пошла?

— От Ферри? Да не знаю я. Может, вверх по лестнице, а может, просто к лестнице.

— И газету забрала с собой?

— Ага. Засунула ее под мышку, когда распла-

чивалась.

— Розовой или белой страницей наружу?

— Ну, ей-богу, кэп, вот этого я не помню.

Спейд поблагодарил шофера и протянул ему серебряный доллар.

— Купи себе славного курева, — сказал он.

* * *

Приобретя экземпляр «Колл» он зашел в вестибюль офисного здания, чтобы изучить газету, спрятавшись от ветра.

Он пробежал глазами заголовки первой страницы, второй и третьей. Его взгляд задержался на секунду на шапке «Арестован предполагаемый фальшивомонетчик» на четвертой полосе, а потом на пятой — у заголовка «Пуля оборвала жизнь молодого человека». Шестая и седьмая страницы не вызвали у него ни малейшего интереса. На восьмой он на секунду заинтересовался заголовком «Три молодчика арестованы после ограбления со стрельбой», а потом — снова ничего, вплоть до страницы тридцать пятой, содержавшей новости о погоде, доставке грузов, продуктах, финансах, разводах, объявления о рождениях, браках и смертях. Он проверил некрологи, пропустил тридцать шестую и тридцать

седьмую страницы — биржевые сводки — и, не найдя ничего, за что мог бы зацепиться взгляд, ни на странице тридцать восемь, ни на последней полосе, вздохнул, сложил газету, засунул в карман пальто и свернул сигарету.

Минут пять он стоял в вестибюле и курил, глядя в пустоту. После этого он направился вверх по Стоктон-стрит, взял такси и поехал к апартаментам «Коронет».

Он вошел в здание, а затем в квартиру Бриджит О'Шонесси, открыв дверь ключом, который она ему дала. Синее платье, в котором она была накануне вечером, висело поверх изножья кровати, на полу рядом с кроватью валялись чулки и синие туфли-лодочки. Инкрустированная шкатулка для драгоценностей, которая прежде стояла в ящике туалетного столика, теперь лежала на нем, открытая и совершенно пустая. Спейд хмуро посмотрел на нее, облизал губы, прошелся по комнате, внимательно глядя вокруг, но ничего не касаясь, а затем покинул «Коронет» и вернулся в центр города.

В дверях здания своей конторы он лицом к лицу столкнулся с недомерком Гутмана. Парень встал у Спейда на пути, загораживая вход, и сказал:

— Пошли, он хочет тебя видеть.

Руки парень держал в карманах пальто. Карманы оттопыривались куда сильнее, чем если бы в них прятались только его небольшие кулаки.

Спейд сказал с усмешкой:

— Не ожидал тебя раньше пяти двадцати пяти. Надеюсь, ты тут без меня не скучал?

Парень поднял глаза не выше спейдова рта и заговорил сдавленно, словно испытывая физическую боль при каждом слове:

— Продолжай зубоскалить, и получишь кусок свинца в пупок.

Спейд хохотнул.

— Мал клоп да вонюч, — весело сказал он. — Ну, пошли, раз так.

Бок о бок они двинулись по Саттер-стрит. Парень не вынимал руки из карманов пальто. Чуть больше квартала они прошагали молча. Затем Спейд дружелюбно спросил:

— Как давно ты перестал красть белье с веревок, сынок?

Парень сделал вид, что не слышал вопроса.

— А ты когда-нибудь… — начал Спейд и умолк. Мягкие огоньки замерцали в его желтоватых глазах. Больше он к парню не обращался.

Они вошли в отель «Александрия», поднялись на лифте на двенадцатый этаж и проследовали

по коридору к номеру Гутмана. В коридоре кроме них никого не было.

Спейд слегка замешкался, и таким образом, когда они находились шагах в пятнадцати от двери Гутмана, он оказался шага на полтора позади юнца. Внезапно он наклонился и схватил парня сзади за обе руки — прямо под локтями. Он вытянул руки недомерка вперед так, что те, засунутые в карманы, приподняли полы его пальто. Мальчишка боролся и извивался, но был бессилен, оказавшись в крепких объятиях здоровяка. Тогда недомерок начал брыкаться, но его нога угодила в пустоту между расставленными ногами Спейда.

Спейд поднял мальчишку над полом и с силой снова поставил на ноги. На толстом ковре удара о пол было почти не слышно. В момент приземления руки Спейда соскользнули и снова крепко схватили запястья паренька. Мальчишка, стиснув зубы, продолжал вырываться из больших мужских рук, но тщетно, руки Спейда неумолимо скользили в карманы. Зубы парня громко заскрежетали, этот звук смешался с шумным дыханием Спейда, который сжимал запястья мальчишки.

Они долго стояли неподвижно, в напряженной позе, а потом руки мальчишки обмякли. Спейд отпустил его и отступил на шаг. В каждой ру-

ке Спейда, когда они вынырнули из карманов пальто недомерка, было по тяжелому автоматическому пистолету.

Парень повернулся к Спейду лицом. Это лицо было мертвенно-бледным. Он по-прежнему не вынимал руки из карманов пальто. Он смотрел в грудь Спейда и ничего не говорил.

Спейд положил пистолеты к себе в карманы и издевательски ухмыльнулся.

— Пошли, — сказал он. — Босс непременно похвалит тебя за то, что ты такой молодец.

Они подошли к двери Гутмана, и Спейд постучал.

Глава 13. Императорский подарок

Дверь открыл сам Гутман. Его жирная физиономия лоснилась благостной улыбкой. Он протянул руку и произнес:

— А, прошу вас, сэр! Спасибо, что пришли. Входите же.

Спейд пожал ему руку и вошел. Парень вошел следом. Толстяк закрыл дверь. Спейд вытащил из карманов пистолеты, отнятые у мальчишки, и протянул их Гутману.

— Вот. Не стоит позволять ему шастать с ними по округе. Еще поранится, не дай бог.

Толстяк весело рассмеялся, беря пистолеты.

— Так-так, — сказал он, переводя взгляд со Спейда на юнца. — Это что такое?

Спейд сказал:

— Да какой-то безногий калека, продавец газет, отнял их у него, но я заставил вернуть.

Белый, как мел, парень взял пистолеты из рук Гутмана и рассовал по карманам, не проронив ни слова.

Гутман снова засмеялся.

— Ей-богу, сэр, — сказал он, — вы — человек, с которым стоило познакомиться, удивительный у вас характер. Проходите. Присаживайтесь. Позвольте вашу шляпу.

Парень покинул комнату, скрывшись за дверью по правую сторону от входа.

Толстяк усадил Спейда в зеленое плюшевое кресло у стола, угостил сигарой, поднес к ней зажигалку, смешал виски с содовой, отдал один стакан Спейду и сел напротив него с другим стаканом в руке.

— Итак, сэр, — сказал он. — Я надеюсь, вы позволите мне принести вам извинения за…

— Не утруждайтесь, — сказал Спейд. — Давайте поговорим о черной птице.

Толстяк чуть наклонил голову влево и с нежностью посмотрел на Спейда.

— Хорошо, сэр, — согласился он. — Давайте. — Он сделал глоток виски. — Это будет поразительнейшая история из всех, что вам когда-либо доводилось слышать, сэр, и я говорю это, зная, что профессионал вашего калибра наслушался, должно быть, немало поразительного.

Спейд вежливо кивнул.

Толстяк сощурил глаза и спросил:

— Что вам известно, сэр, об Иерусалимском

Ордене Госпитальеров святого Иоанна — позднее их называли рыцарями Родоса, Мальты и так далее?

Спейд помахал сигарой.

— Немного — только то, что я помню из школьной истории — крестоносцы или что-то в этом роде.

— Очень хорошо. Стало быть, вы не помните, что султан Османской Порты Сулейман Великолепный изгнал их с Родоса в тысяча пятьсот двадцать третьем году?

— Нет.

— Ну вот, сэр, он это сделал, и они обосновались на Крите. И пробыли там семь лет, пока в тысяча пятьсот тридцатом не убедили императора Священной Римской империи Карла Пятого Габсбурга отдать им… — Гутман растопырил три пухлых пальца и начал загибать: — …острова Мальту, Гоцо и крепость Триполи.

— Да?

— Да, сэр, но с некоторыми условиями: каждый год они должны были платить императору дань в виде одного… — он поднял палец, — …сокола в качестве признания того, что Мальта остается под властью Испании, и если они покинут остров, то он должен вернуться к Испании. Понимаете?

Он даровал им остров, но только до тех пор, пока они сами им пользуются, и они не могли ни продать, ни подарить его никому другому.

— Ясно.

Толстяк оглянулся через плечо на три закрытые двери, придвинул свой стул на несколько дюймов ближе к Спейду и понизил голос до хриплого шепота: — Вы хоть представляете себе каким огромным, просто неизмеримым богатством обладал орден в те времена?

— Насколько я помню, — сказал Спейд, — устроились они весьма неплохо.

Гутман снисходительно усмехнулся.

— Весьма неплохо — это еще очень мягко сказано, сэр, — Он заурчал тише и с какими-то сладострастными нотками: — Они просто купались в роскоши, сэр. Вы не представляете. Никто из нас не может себе представить. Они долгие годы охотились за сарацинами, захватывая невероятно богатую добычу: самоцветы, драгоценные металлы, шелка, слоновую кость — все самое лучшее, чем славен Восток. Такова история, сэр. Все мы знаем, что эти религиозные войны для них, как и для тамплиеров, были, в основном, делом наживы. Ну так вот. Император даровал им Мальту, а в качестве ежегодной ренты просил

одну-единственную ловчую птицу, чисто символическая плата. Вполне естественно, что эти непомерно богатые рыцари голову ломали, как бы им выразить свою благодарность. И вот, сэр, они думали-думали, и наконец их посетила замечательная мысль: послать Карлу в качестве дани за первый год не какую-то жалкую живую птицу, а великолепного золотого сокола, с головы до когтей инкрустированного лучшими драгоценными камнями из их сундуков. А мы помним, сэр, что у них имелись роскошные камни — наироскошнейшие в Азии. — Гутман перестал шептать. Его маслянистые темные глазки изучали безмятежное лицо Спейда. Толстяк спросил: — Итак, сэр, что вы об этом думаете?

— Даже не знаю.

Толстяк самодовольно улыбнулся.

— Таковы факты, исторические факты — не школьные учебники истории мистера Уэллса, но все равно история.

Он подался вперед.

— Архивы ордена, начиная с двенадцатого века и далее, до сих пор хранятся на Мальте. Они не остались нетронутыми, но в них содержатся не менее трех… — он поднял три пальца, — …упоминаний именно об этом самом, украшенном

драгоценными камнями золотом соколе. В книге Жозе́фа Делави́лля де Руля «Лезархив де лердр де Сэн-Жан» есть отсылка к нему — требующая подтверждения, но все же отсылка. И в неопубликованном — поскольку оно не было закончено из-за безвременной кончины автора — приложении к исследованию Па́оли «Дель ориджи́не ед институто дель сакро милитар ордине» содержится четкое и недвусмысленное изложение фактов, которые я вам поведал.

— Допустим, — сказал Спейд.

— Допустим, сэр. Великий магистр Вилье де л'Иль д'Адам заставил турецких невольников изготовить в замке Сант-Анджело эту украшенную драгоценными камнями золотую птицу высотой в один фут и послал ее Карлу, находившемуся в Испании. Он отправил ее на галере под командованием некоего французского рыцаря по имени то ли Кормье́, то ли Корве́р, который был членом ордена. — Толстяк снова понизил голос до шепота. — Птица так и не достигла берегов Испании. — Он улыбнулся плотно сжатыми губами и спросил: — Вы слыхали о Барбароссе? О Краснобородом Хайреддине? Нет? Знаменитый османский флотоводец-корсар. В то же время он отплыл из Каира. И вот, сэр, он захватил галеру

рыцарей и забрал птицу. Так птица попала в Алжир. Это факт. Факт, который французский историк Пьер Дан упомянул в одном из своих писем из Алжира. Он пишет, что статуэтка более ста лет находилась в на Северной Африке, пока ее не вывез сэр Фрэнсис Верней, английский путешественник-авантюрист, который некоторое время плавал с алжирскими пиратами. Может, это и не так, но Пьер Дан уверен, что все так и было, а для меня этого вполне достаточно. Примечательно, что в мемуарах леди Фрэнсис Верней «История семейства Верней на протяжении семнадцатого века» о птице ничего не сказано. Я искал. И совершенно ясно, что сэр Фрэнсис не владел птицей на момент своей кончины в мессинской больнице в тысяча шестьсот пятнадцатом году. Тогда он был беден, как церковная мышь. Но одно несомненно, сэр — птица действительно отправилась на Сицилию. Оказавшись там, она стала собственностью Виктора Амадея Второго вскоре после того, как он в тысяча семьсот тринадцатом году сделался тридцатым королем Сицилии, и входила в число подарков его невесте, кода он женился в Шамбери после отречения от престола. Это факт, сэр. Каруттти — автор книги «Сторья дель реньо ди Витторио Амадео Се́кондо» лично подтверждает это. Может

быть они — Амадей и его супруга — взяли птицу с собой в Турин, когда он пытался отменить свое отречение. Так или иначе, в следующий раз сокол появляется на страницах исторических хроник, уже будучи собственностью одного испанца, который служил в армии, взявшей Неаполь в тысяча семьсот тридцать четвертом году, — отца дона Хосе Моньино-и-Редондо, графа Флорида-бланки, главного министра при Карле Третьем, короле Испании. Нет оснований сомневаться в том, что птица оставалась во владении этой семьи по крайней мере до окончания Первой Карлистской войны в тысяча восемьсот сороковом году. Затем мальтийский сокол появляется в Париже — примерно в то же время, когда Париж наводняют бежавшие из Испании карлисты. Судя по всему, один из них и привез нашу птичку, но кем бы он ни был, он вряд ли знал ее подлинную цену. Еще в Испании она была — без сомнения, в качестве меры предосторожности на время гражданской смуты — раскрашена или покрыта эмалью, чтобы казаться всего лишь довольно любопытной черной статуэткой. И в таком обличье, сэр, сокол где-то семьдесят лет кочевал по Парижу, переходя из рук в руки дельцов и дилетантов от мира искусства, слишком недалеких

для того, чтобы разглядеть, каким сокровищем им посчастливилось обладать.

Толстяк сделал паузу, чтобы улыбнуться и с жалостью покачать головой. Затем он продолжил:

— Семьдесят лет, сэр, эта восхитительная вещица служила, так сказать, футбольным мячом в сточных канавах Парижа, пока в тысяча девятьсот одиннадцатом году греческий торговец по имени Харила́ос Константини́дис не наткнулся на нее в какой-то захолустной лавке. Харилаосу не потребовалось много времени, чтобы сообразить, что это за вещь, и приобрести ее. Даже толстенный слой эмали не смог скрыть ее истинную ценность от ушлого грека, у которого был поразительный нюх на подобные вещи. И вот, сэр, именно Харилаос отследил большую часть истории сокола и определил, что он за птица на самом деле. Я проведал об этом и в конце концов вытянул из него большую часть истории статуэтки, хотя с тех пор и сам смог добавить несколько деталей. Харилаос не торопился обращать свое приобретение в деньги. Он знал, что, какой бы огромной ни была стоимость драгоценного сокола, за него можно получить гораздо более высокую, баснословную цену, как только подлинность статуэтки будет установле-

на экспертами. Возможно, он планировал вести дела с одним из современных потомков старого ордена — английским орденом Святого Иоанна Иерусалимского, прусским орденом Иоанитов или итальянским или немецким ответвлениями Суверенного Мальтийского ордена — словом, со всеми богатыми орденами.

Толстяк поднял стакан, улыбнулся его пустоте и встал, чтобы наполнить его, а заодно и стакан Спейда.

— Вы потихоньку начинаете верить мне? — спросил он, ловко управляясь с сифоном.

— А я и не говорил, что не верю.

— Нет, не говорили, — хихикнул Гутман. — Но по вам было видно.

Он сел, сделал солидный глоток и промокнул рот белоснежным носовым платком. — Ну что ж, сэр, чтобы получше уберечь птицу, продолжая изучать ее историю, Харилаос заново покрыл ее эмалью, скорее всего, в таком виде она пребывает и по сей день. Ровно через год после того, как грек приобрел ее — и, по-видимому через три месяца с того дня, как я заставил его разговориться — я прочел в лондонской «Таймс», что его антикварный магазин был ограблен, а его самого убили. Уже на следующий день я приехал в Париж. — Он

печально покачал головой. — Птица пропала. Ей богу, сэр, я просто обезумел. Я поверить не мог, что кто-то еще знал, чем статуэтка была на самом деле. Я не мог поверить, что Хариалос рассказал еще кому-то кроме меня. Огромная часть его коллекции была украдена. И это привело меня к мысли, что вор просто захватил птицу вместе с остальной добычей, понятия не имея, что она из себя представляет. Потому что, уверяю вас, вор, который знал истинную ценность этой птицы, не стал бы обременять себя ничем другим — нет, сэр — по крайней мере ничем, кроме сокровищ короны.

Он закрыл глаза и самодовольно улыбнулся какой-то своей мысли. Потом открыл глаза и сказал:

— Это произошло семнадцать лет назад. Да, сэр, семнадцать лет мне понадобилось, чтобы выяснить местонахождение этой птички, но я нашел ее. Я так хотел ее заполучить, а я не из тех, кого легко отвадить от желаемого. — Улыбка его стала шире. — Я хотел ее и я ее нашел. Я хочу ее, и она будет моей. — Он осушил стакан, снова вытер губы и спрятал платок в карман. — Ее след привел меня в пригород Константинополя к дому русского генерала по фамилии Кемидов.

Он ничего не знал о птице. Для него это была просто черная эмалированная статуэтка — не более, но его врожденное своенравие — природная упертость русского генерала — помешала ему продать ее мне, когда я сделал ему предложение. Возможно, в своем рвении я допустил маленькую оплошность — совсем крохотную. Не знаю, так ли это. Но я точно знал, что хочу ее иметь, и боялся, что этот тупой солдафон решит осмотреть свою собственность повнимательнее и отколет кусочек эмали. Тогда я послал своих… агентов, чтобы они ее добыли. И она ее добыли, сэр, но я ее не получил. — Он встал и понес к столу свой пустой стакан. — И все же я ее получу. Ваш стакан, сэр.

— Выходит, птица не принадлежит никому из вас? — спросил Спейд. — Кроме генерала Кемидова?

— Принадлежит? — живо переспросил толстяк. — Ну, с таким же успехом, сэр, вы могли бы сказать, что она принадлежит королю Испании, но я не вижу, как можно на законных основаниях объявить ее чей-либо собственностью — кроме как по праву владения. — Он хмыкнул. — Предмет такой ценности, который столько раз переходил из рук в руки, без сомнений, является законной добычей того, кто способен им завладеть.

— Тогда это мисс О'Шонесси.

— Нет, сэр, она — мой агент.

— О! — иронически сказал Спейд.

Гутман, задумчиво разглядывая пробку от виски, которую держал в руке, спросил:

— Вы не сомневаетесь, что птица сейчас у нее?

— Почти нет.

— И где же она?

— Точно не знаю.

Толстяк со стуком поставил бутылку на стол.

— Но вы сказали, что знаете, — возмутился он.

Спейд небрежно махнул рукой.

— Я имел в виду, что знаю, где взять ее, когда придет время.

Розовые шарики на лице Гутмана расположились в более счастливом выражении.

— И возьмете? — спросил он.

— Да.

— Где?

Спейд ухмыльнулся и ответил:

— Положитесь на меня. Я все устрою.

— Когда?

— Когда буду готов.

Толстяк поджал губы, улыбнулся с легким беспокойством и спросил:

— Мистер Спейд, а где мисс О'Шонесси теперь?

— Под моим присмотром, в надежном месте.

Гутман снова улыбнулся, на этот раз одобрительно.

— Готов вам довериться в этом, сэр, — сказал он. — Ну а теперь, сэр, прежде чем мы приступим к обсуждению финансовой стороны, ответьте мне еще на один вопрос: как скоро вы сможете — или будете готовы — предоставить сокола?

— Через пару дней.

Толстяк кивнул.

— Что ж, годится. Тогда мы… Но я забыл о насущном! — Он повернулся к столу, налил в стакан виски, разбавив содовой, поставил выпивку у локтя Спейда и поднял свой стакан. — Ну, сэр, выпьем за честную сделку и за прибыль, которой за глаза хватит нам обоим.

Они выпили. Толстяк сел. Спейд спросил:

— А как именно вы себе представляете «честную сделку»?

Гутман поднес свой стакан к свету, любовно посмотрел на него, сделал еще один большой глоток и сказал:

— У меня к вам два предложения — и оба честные. На ваш выбор. Я дам вам двадцать пять тысяч долларов, когда вы доставите сокола ко мне и еще двадцать пять, как только я доберусь

до Нью-Йорка. Или вы получите четверть — то есть, двадцать пять процентов — от той цены, за которую я продам сокола. Выбирайте, сэр: пятьдесят тысяч долларов почти сразу или гораздо бóльшую сумму, скажем, месяца через два.

Спейд выпил и поинтересовался:

— Насколько большую?

— Гораздо большую, — повторил толстяк. — Кто знает, насколько? Я могу сказать «сто тысяч», а могу «четверть миллиона». Вы поверите мне, если я назову сумму, которая кажется мне вероятным минимумом?

— Почему бы и нет?

Толстяк причмокнул губами и понизил голос до урчащего шепота:

— Что вы скажете, сэр, о сумме в полмиллиона?

Спейд сощурился.

— Значит, вы думаете, что этот истуканчик стоит два миллиона?

Гутман безмятежно улыбнулся.

— Выражаясь вашими словами, почему бы и нет?

Спейд опустошил стакан и поставил на стол. Сунул сигару в рот, вытащил, посмотрел на нее и сунул обратно. Его серо-желтые глаза подерну-

лись дымкой.

— Черт, это ведь куча денег.

Толстяк согласился:

— Да, это чертова куча денег. — Он наклонился и похлопал Спейда по колену. — И это абсолютный минимум, или Харилаос Константинидис был полным идиотом, а он им не был.

Спейд снова вынул из рта сигару, с отвращением посмотрел на нее и положил на курительный столик. Он зажмурил глаза, снова открыл их. Они затуманились еще сильнее.

— Это… минимум, да? А макщимум? — В слове «максимум» явно послышалось «щ» вместо «с», когда он это сказал.

— Максимум? — Гутман вытянул руку раскрытой ладонью вверх. — Я отказываюсь гадать. Вы сочтете меня сумасшедшим. Я не знаю. И никто не знает, как высоко может подняться цена, и это единственная правда на сей счет.

Спейд плотно прижал безвольно отвисшую нижнюю губу к верхней. Он беспокойно тряхнул головой. В глазах промелькнуло испуганное выражение — и тут же погасло из-за сгущающейся мути. Он встал, упираясь в подлокотники кресла. Снова тряхнул головой и неуверенно шагнул вперед. Он хрипло рассмеялся и пробормотал:

— Чтоб тебя черти взяли!

Гутман вскочил и оттолкнул свое кресло назад. Толстые складки его плоти заколыхались. Глаза стали черными дырами на маслянисто-розовом лице.

Спейд мотал головой из стороны в сторону, пока его мутный взгляд — нет, не сосредоточился на двери, но, по крайней мере, уперся в нее. Он сделал еще один неуверенный шаг.

Толстяк громко позвал:

— Уилмер!

Открылась дверь, и парень вошел.

Спейд сделал третий шаг. Теперь его лицо посерело, а челюстные мышцы под ушами надулись, как опухоли. После четвертого шага ноги его уже не выпрямлялись, а мутные глаза почти скрылись под веками. Он сделал пятый шаг.

Парень подошел и встал рядом со Спейдом, но не настолько рядом, чтобы преградить ему путь к двери. Правая рука юнца пряталась под пиджаком у сердца. Уголки его рта подергивались.

Спейд попытался сделать шестой шаг.

Мальчишка резко выставил ногу, сделав подножку Спейду. Спейд споткнулся об эту ногу и повалился на пол ничком. Парень, не вынимая руку из-под пиджака, смотрел на Спейда сверху

вниз. Спейд попробовал встать. Парень как следует замахнулся правой ногой и пнул Спейда в висок. От удара, Спейд перевернулся на бок. Он снова попытался встать, не смог и заснул.

Глава 14. «Ла Палома»

В начале седьмого, свернув от лифтовой кабинки, Спейд увидел желтый утренний свет, сочившийся сквозь матовое узорное стекло двери его конторы. Он резко остановился, сжал губы, огляделся по сторонам и быстрыми, бесшумными шагами приблизился к двери.

Взявшись за ручку, он нажал ее очень осторожно, чтобы избежать щелчка и скрежета. И нажимал ее до упора — дверь оказалась на замке. Не отпуская ручку, он перехватил ее левой рукой. Правая в это время нырнула в карман и осторожно, чтобы не звякнули друг о друга, вытащила оттуда ключи. Он выбрал ключ от замка конторской двери и, зажав остальные ключи в кулаке, беззвучно вставил нужный в замок. Он вдохнул поглубже, открыл дверь и вошел на цыпочках.

Эффи Перин спала за столом, подложив руки под голову. На ней было надето ее собственное пальто, а поверх она набросила пальто Спейда, как палатку. Спейд выдохнул с приглушенным смешком, закрыл за собой дверь и подошел к двери своего кабинета. Внутри было пусто. Он

вернулся в приемную и тронул девушку за плечо.

Она зашевелилась, сонно подняла голову, и веки ее затрепетали. Вдруг она резко выпрямилась в кресле и вытаращила глаза. Увидев Спейда, Эффи улыбнулась и откинулась на спинку, протирая глаза.

— Вернулся наконец-то? — сказала она. — Который час?

— Шесть утра. Что ты здесь делаешь?

Она зябко поежилась, поплотнее завернулась в пальто и зевнула.

— Сам же велел мне дождаться, пока ты вернешься или позвонишь.

— О, да ты, никак, родная сестрица героического «мальчика на горящей палубе» из хрестоматии?

— Я не собираюсь тут… — Она не договорила и встала, от чего его пальто соскользнуло на кресло позади нее. Темные взволнованные глаза уставились на его почерневший и опухший правый висок под полями шляпы. Эффи Перин воскликнула: — Ох, что у тебя с головой? Что случилось?

— Не знаю — то ли сам упал, то ли меня избили. И шишка-то вроде небольшая, но болит адски. — Он едва коснулся пальцами виска, поморщился, но тут же превратил гримасу боли в

мрачную улыбку. — Сходил тут к одному в гости, тот напоил меня снотворным, и я очнулся через двенадцать часов, распростертым у него на полу.

Он снял шляпу.

— Какой ужас, — сказала секретарша. — Ты должен показаться врачу. Нельзя разгуливать с такой раной.

— Все не так плохо, как кажется, только голова трещит, да и то — скорее всего, из-за снотворных капель. — Он вошел в угловую кабинку и сунул носовой платок под кран с холодной водой. — Что-нибудь произошло после моего ухода?

— Ты нашел мисс О'Шонесси, Сэм?

— Пока нет. Так что было после моего ухода?

— Звонили из офиса окружного прокурора. Он хочет тебя видеть.

— Самолично?

— Да, насколько я поняла. А еще посыльный принес сообщение, что мистер Гутман будет рад встретиться с тобой до пяти тридцати.

Спейд закрыл воду, выкрутил платок, прижал к виску и вышел из кабинки.

— Я получил это сообщение, — сказал он. — Встретил того мальца внизу, а это вот результат разговора с мистером Гутманом.

— Сэм, это тот самый «Г.», который тебе зво-

нил?

— Да.

— И… что?

Спейд смотрел сквозь девушку и будто вслух формулировал мысли:

— Он хочет получить то, что, как он думает, я могу достать. Я убедил его, что способен помешать ему получить желаемое, если он не договорится со мной до пяти тридцати. И тогда — ага, точно — именно после того, как я сказал ему, что придется подождать пару дней, он и угостил меня этой гадостью. Непохоже, чтобы он собирался травить меня насмерть. Он знал, что я проснусь часов через десять-двенадцать. Так что, судя по всему, он решил, что завладеет этой штуковиной и без моей помощи за то время, пока я буду нейтрализован. — Спейд помрачнел. — Я молю бога, чтобы он оказался неправ. — Его взгляд стал менее отстраненным. — От мисс О'Шонесси ни словечка?

Девушка покачала головой и спросила:

— А это как-то связано с ней?

— Да, отчасти.

— Та вещь, которую она хочет получить, принадлежит ей?

— Ей или королю Испании. Радость моя, это

ведь у тебя есть дядя, который преподает историю, или что-то вроде того, в университете Беркли?

— Точнее, это мой кузен, а что?

— Если мы скрасим его жизнь исторической тайной четырехсотлетней давности, можем ли мы быть уверены, что он до поры сохранит ее в секрете?

— О, конечно, он достойный доверия человек.

— Отлично. Бери блокнот и карандаш.

Она взяла карандаш и записную книжку и села в свое кресло. Спейд еще раз сполоснул платок в холодной воде и приложил к виску, встал напротив нее и продиктовал историю сокола в в том виде, в каком услышал ее от Гутмана — от земель, которые Карл Пятый пожаловал госпитальерам, до прибытия эмалированной птицы в Париж в разгар наплыва туда карлистов, но не более того. Он запнулся на фамилиях авторов и названиях их произведений, упомянутых Гутманом, но сумел добиться некоторого фонетического сходства в произношении. Остальную часть истории он воспроизвел с точностью опытного дознавателя.

Когда он закончил, девушка захлопнула блокнот и подняла к нему румяное улыбающееся лицо.

— Ох, как же это увлекательно, честное слово! — сказала она. — Потрясающая сенсация…

— Да. Или полная ахинея. А теперь беги к своему кузену, прочти ему все это и спроси его мнение. Доводилось ли ему сталкиваться с чем-то, что имело бы хоть какую-то связь с этой историей? Возможно ли это? Хотя бы отчасти? Или все это чушь собачья? И ради бога, убеди его держать язык за зубами.

— Поеду прямо сейчас, — сказала она. — А ты сходи к врачу, покажи ему свою голову.

— Сначала позавтракаем.

— Нет, я поем в Беркли. Не терпится узнать, что Тед об этом думает.

— Ну и ладно, — сказал Спейд, — только не плачь, если он поднимет тебя на смех.

* * *

После неспешного завтрака в «Паласе», за которым он прочел обе утренние газеты, Спейд пошел домой, принял ванну, приложил лед к синяку на виске и надел чистую одежду.

Он поехал на квартиру Бриджит О'Шонесси в «Коронете». Там никого не было. И ничего не изменилось с его последнего визита.

Он снова наведался в гостиницу «Алексан-

дрия». Гутмана там не оказалось. Равно как и прочих обитателей его номера. Спейд выяснил, что этими обитателями были секретарь толстяка Уилмер Кук и дочь Гутмана Реа — невысокая, кареглазая, светловолосая девушка лет семнадцати, по мнению персонала отеля — красотка. Спейду сообщили, что Гутман со своей свитой прибыл из Нью-Йорка десять дней назад, заселился в отель и пока что не выписывался.

Спейд отправился в «Бельведер» и застал гостиничного сыщика за завтраком в тамошнем буфете.

— Утро доброе, Сэм. Садись, перекуси. — Детектив уставился на висок Спейда. — Господи помилуй, кто-то знатно тебе засветил!

— Спасибо, я уже поел, — сказал Спейд, присаживаясь к столу. Затем прибавил, имея в виду свой синяк на виске: — Выглядит хуже, чем есть на самом деле. Как там вел себя мой Кейро?

— Вчера ушел буквально через полчаса после тебя, и с тех пор я его не видел. Он снова не явился ночевать.

— Заводит вредные привычки.

— Ну что ж, такой парень, один в большом городе. Кто отделал тебя, Сэм?

— Не Кейро. — Спейд внимательно вгляделся

в поверхность маленького серебряного купола, накрывавшего тост Люка. — Каковы шансы осмотреть его номер, пока он отсутствует?

— Можно. Ты же знаешь, для тебя я готов и в огонь, и в воду. — Люк отодвинул свой кофе, положил локти на стол и прищурился, глядя на Спейда. — Но у меня такое чувство, что ты не отвечаешь мне взаимностью. Скажи, как на духу, на что тебе сдался этот парень, Сэм? Не нужно меня пробрасывать. Ты же знаешь, я на работе.

Спейд оторвал глаза от серебряного купола. Взгляд этих глаз был ясен и откровенен.

— Конечно, Люк, — сказал он. — Я ничего не скрываю. Я делаю для него кое-какую работу, но у него имеются дружки, которые кажутся мне сомнительными, и я малость не доверяю ему.

— Парень, которого мы погнали вчера отсюда взашей, один из его дружков?

— Да, Люк, вот именно.

— И кто-то из них укоротил век Майлзу.

Спейд покачал головой.

— Майлза убил Терсби.

— А кто убил его самого?

— Вообще-то, считается, что это секрет, но тебе скажу — я убил, — усмехнулся Спейд и прибавил: — по текущей версии полиции.

Люк крякнул и встал из-за стола.

— Тебя попробуй раскуси, Сэм. Пошли, надо сделать осмотр.

Они задержались у стойки, пока Люк договаривался, чтобы им «звякнули, если он вернется», и поднялись в номер Кейро.

Постель Кейро была нетронутой, но бумаги в корзине, неплотно задернутые шторы и пара смятых полотенец в ванной свидетельствовали о том, что горничная этим утром еще не приходила.

Багаж Кейро состоял из квадратного сундука, чемодана и кожаного саквояжа. Шкафчик в ванной был уставлен косметикой: коробочки, пузырьки, баночки и флакончики с пудрой, кремами, мазями, духами, лосьонами и тонизирующими средствами. Два костюма и пальто висели в платяном шкафу над тремя парами тщательно начищенных ботинок.

Чемодан и саквояж были отперты. Люк отпер и сундук к тому времени как Спейд закончил осмотр всего прочего.

— Пока пусто, — сказал Спейд, когда они начали рыться в сундуке.

Ничего интересного для них там не обнаружилось.

— А мы ищем что-то конкретное? — спросил Люк, когда они снова заперли сундук.

— Нет. Предполагается, что он прибыл сюда из Константинополя. Я хотел бы знать, так ли это. И пока не увидел ничего, что говорило бы об обратном.

— Чем он промышляет?

Спейд покачал головой.

— Это я тоже хотел бы знать. — Он прошел в другой конец комнаты и наклонился над мусорной корзиной. — Ну, что ж, последняя попытка.

Он вынул из корзины газету. Его глаза блеснули, когда он увидел, что это вчерашняя «Колл». Она была сложена страницей с объявлениями наружу. Он развернул ее, изучил эту страницу, но взгляд его ни за что на ней не зацепился.

Спейд перевернул газету и посмотрел на страницу, которая была внутри, на ней располагались новости финансов, отчеты о прибытии судов, прогноз погоды, уведомления о рождениях, свадьбах, разводах и смерти. В левом нижнем углу от нижней части второй колонки было оторвано чуть больше двух дюймов.

Непосредственно над линией отрыва располагалась маленькая заметка, гласившая:

Прибыли сегодня:

2.20 ночи — «Капак» из Астории
5.05 утра — «Хеллен-Пи-Дрю» из Гринвуда
5.06 утра — «Альбарадо» из Бандона

Начало следующей строки было оторвано, остались только последние буквы, ровно столько, чтобы угадать словосочетание «из Сиднея».

Спейд положил газету на стол и снова заглянул в корзину. Он нашел кусочек оберточной бумаги, обрывок бечевки, две бирки от чулочно-носочных изделий, распродажный купон галантерейного магазина на полдюжины пар носков, а на дне корзины — обрывок газетной страницы, скомканный в крошечный шарик.

Он осторожно развернул этот шарик, разгладил бумажку на столе и приложил к оборванному краю газеты. По бокам все совпало, но между верхушкой смятого фрагмента и словосочетанием «из Сиднея» не хватало полдюйма — достаточно, чтобы поместилось сообщение о прибытии шести или семи судов. Он перевернул лист и увидел, что на другой стороне недостающей части мог быть только уголок банальной рекламы биржевого брокера.

Люк, заглянув ему через плечо, спросил:

— Что это все значит?

— Похоже, клиента интересовали корабли.

— Ну, в этом нет ничего противозаконного, или есть? — сказал Люк, пока Спейд сворачивал порванную страницу и клочок и прятал в карман пальто. — Теперь ты здесь закончил?

— Да. Огромное спасибо тебе, Люк. Не мог бы ты позвонить мне, как только он вернется?

— Конечно.

* * *

Спейд отправился в контору газеты «Колл», купил вчерашний выпуск, открыл страницу новостей водного транспорта и сравнил ее со страницей, взятой из мусорной корзины Кейро. В пропавшем куске говорилось:

5:17 утра — «Таити» из Сиднея и Папеэте
6:05 утра — «Адмирал Пиплс» из Астории
8:07 утра — «Каддопик» из Сан-Педро
8:17 утра — «Сильверадо» из Сан-Педро
8:05 утра — «Ла Палома» из Гонконга
9:03 утра — «Дэйзи Грей» из Сиэтла

Он вдумчиво прочитал весь список, а закончив читать, очеркнул ногтем слово «Гонконга», вырезал список прибывших судов из газеты перочинным ножиком, прочее вместе со страницей из газеты Кейро выбросил в мусорную корзину и

вернулся к себе в контору.

В кабинете он сел за стол, нашел нужный номер в телефонном справочнике и снял трубку.

— Керни один-четыре-один, пожалуйста… Где пришвартовалась «Палома», прибывшая вчера из Гонконга? — Он повторил вопрос. — Спасибо.

Он нажал рычаг телефона большим пальцем, отпустил и сказал:

— Дэвенпорт два-ноль-два, пожалуйста… Сыскной отдел, пожалуйста… Сержант Полхаус на месте?… Спасибо… Привет, Том, это Сэм Спейд… Да, я пытался найти тебя вчера пополудни… Конечно, надеюсь, ты пообедаешь со мной… Хорошо.

Не отрывая трубки от уха, он снова нажал рычаг пальцем.

— Дэвенпорт два-ноль-семь, пожалуйста… Привет, это Сэмюэль Спейд. Моя секретарша вчера получила по телефону сообщение, что мистер Брайан хочет меня видеть. Не могли бы вы уточнить, в котором часу ему будет удобнее?.. Да, Спейд. — Он еще раз продиктовал свое имя по буквам. Последовала долгая пауза. — Да… В два-тридцать? Хорошо. Спасибо.

Он вызвал пятый номер и сказал:

— Привет, дорогая, можно мне поговорить с

Сидом?.. Привет, Сид… Сэм. У меня свидание с окружным прокурором сегодня в половине третьего. Не сочти за труд звякнуть мне — туда или сюда — часа в четыре, просто чтобы удостовериться, что у меня все в порядке?.. К черту твой субботний гольф! Твоя работа — уберечь меня от тюрьмы… Хорошо, Сид. Пока.

Он отодвинул телефон, зевнул, потянулся, ощупал синяк на виске, посмотрел на часы, скрутил и закурил сигарету. Он курил и сонно жмурился, когда вошла Эффи Перин.

* * *

Эффи Перин вошла, улыбаясь, глаза ее блестели, а щеки разрумянились.

— Тед сказал, что это возможно, — доложила она. — И он надеется, что так оно и есть. Но оговорился, что не специалист в этой области, однако имена и даты точные, и среди упомянутых тобой авторов или их книг нет ни одной фальшивки. Он в восторге.

— Это здорово, главное, чтобы он от восторга не утратил трезвый взгляд на вещи — вдруг это все-таки выдумки.

— О, не волнуйся — только не Тед. Для этого он слишком хорош в своем деле.

— Угу, в роду Перин все — чертовски замечательные, — сказал Спейд, — включая тебя и пятнышко сажи у тебя на носу.

— Он не Перин, он — Кристи. — Она наклонила голову и осмотрела свой нос в зеркальце пудреницы. — Наверное, осталось после пожара. — Она оттерла пятнышко уголком носового платка.

— Энтузиазм семейства Перин-Кристи воспламенил Беркли? — спросил Сэм.

Она скорчила ему рожицу и промокнула нос розовым напудренным диском.

— На обратном пути я видела, как горел корабль. Его оттаскивали от пирса на буксире, и весь наш паром заволокло дымом.

Спейд схватился за подлокотники кресла.

— Ты была достаточно близко, чтобы рассмотреть название корабля?

— Да. «Ла Палома», а что?

Спейд печально улыбнулся.

— Эх, лопнуть мне на месте, сестричка, если я знаю, «что», — сказал он.

Глава 15. «Каждый псих на городском жаловании...»

Спейд и детектив-сержант Полхаус лакомились заливным из свиных ножек за большим деревянным столом в ресторанчике баварской кухни.

Полхаус, задержав вилку с тускло мерцавшим на ней куском студня на полпути от тарелки ко рту, сказал:

— Эй, Сэм, послушай сюда! Забудь ты о той ночи. Лейтенант был совершенно неправ, но, сам знаешь: ты кого хочешь доведешь до белого каления.

Спейд задумчиво посмотрел на детектива-сержанта.

— Так ты ради этого хотел со мной встретиться? — спросил он.

Полхаус кивнул, сунул вилку в рот, проглотил студень и уточнил свой кивок:

— В основном.

— Данди тебя послал?

Полхаус брезгливо скривил губы.

— Ты знаешь, что нет. Он такой же кремень, как и ты.

Спейд усмехнулся и покачал головой.

— Нет, он не такой, Том, — сказал он. — Ему только так кажется.

Том насупился и принялся кромсать ножом свиную ножку.

— Ты вообще когда-нибудь повзрослеешь? — проворчал он. — Чего ты задираешься? Он тебе не навредил. Ты на высоте. Какой смысл склоку-то разводить? Ищешь неприятностей?

Спейд аккуратно положил на тарелку нож и вилку. Его руки легли на стол по обе стороны тарелки. Он улыбнулся еле-еле — холодно, одними краешками губ.

— Когда каждый чертов коп в городе трудится не покладая рук без выходных, чтобы тебе насолить, то неприятности сами тебя находят.

Полхаус, и без того краснолицый, совсем побагровел и сказал:

— Какие прекрасные речи в мой адрес.

Спейд взял в руки вилку и нож и принялся за еду. Полхаус не отставал от него. Наконец Спейд спросил:

— Видел, как горел корабль у причала?

— Я видел дым. Будь благоразумен, Сэм. Данди был неправ, и он это знает. Может, замнем для ясности?

— Считаешь, мне надо сходить к нему и спросить, не отбил ли он себе руку о мой подбородок?

Полхаус яростно впился зубами в свиную ножку.

Спейд спросил:

— Что, Фил Арчер не заявлялся с новыми потрясающими разоблачениями?

— Черт бы тебя побрал! Данди вовсе не думал, что ты застрелил Майлза, но должен же он был отреагировать на выдвинутое обвинение! Ты на его месте сделал бы то же самое, не отрицай.

— Да? — Глаза Спейда зло сверкнули. — И что же заставило его решить, что не я это сделал? И почему это ты считаешь, что я — не убийца? Или ты так не считаешь?

Румяное лицо Полхауса стало багровым, и он сказал:

— Майлза застрелил Терсби.

— Так, по-вашему, это он.

— Это он. «Уэбли» его, и пуля, что попала в Майлза, вылетела из этой пушки.

— Вы уверены? — встрепенулся Спейд.

— На все сто, — ответил полицейский детектив. — Мы допросили мальчишку-посыльного из отеля, где жил Терсби — и вытянули из него, что в то утро он заметил пистолет в его номере

— заметил потому, что никогда раньше такого не видел. И я не видал. Ты сказал, таких больше не делают. Вряд ли найдется поблизости второй подобный экземпляр, да и — в любом случае — если это не пистолет Терсби, то куда подевалась его собственная пушка? И, наконец, это тот самый пистолет, из которого вылетела пуля, попавшая в Майлза. — Полхаус сунул было в рот кусок хлеба, потом вынул: — Ты говорил, что видел такие прежде — где именно? — спросил он и снова положил хлеб в рот.

— В Англии, перед войной.

— Конечно, где же еще.

Спейд кивнул и сказал:

— Стало быть, я убил только Терсби.

Полхаус заерзал на стуле, и его лоснящаяся физиономия снова побагровела.

— Бога ради, может, хватит мне припоминать? — взмолился он. — Это исключено. И тебе это известно не хуже моего. Так возмущаешься по этому поводу, что можно подумать, ты у нас сущий ангел. А сам ты никогда никого не брал в оборот, как мы тебя давеча?

— Ты имеешь в виду, Том, что вы попытались взять меня в оборот — только попытались.

Полхаус выругался себе под нос и набросился

на остатки свиного студня.

Спейд сказал:

— Ладно. Ты знаешь, что это исключено, и я это знаю. А что знает Данди?

— Он тоже знает, что это исключено.

— И что открыло ему глаза?

— Ой, Сэм, да он никогда всерьез не считал, что ты… — Видя улыбку Спейда, Полхаус умолк и не стал заканчивать фразу, а потом сказал: — Мы кое-что нарыли насчет Терсби.

— Да? И кто же он такой?

Проницательные карие глазки Полхауса изучали лицо Спейда. Спейд раздраженно воскликнул:

— Господи, вы, ребята, думаете, я много знаю об этом деле, а мне хоть бы половину узнать!

Полхаус недовольно заворчал.

— Ну, впервые он попал в поле зрения полиции, когда еще состоял в одной из банд Сент-Луиса. Там его много раз задерживали по мелочам, но, поскольку он был из шайки Игана, то всегда выходил сухим из воды. Однажды его взяли в Нью-Йорке за участие в налетах на ряд игорных заведений — телка его заложила — и он год провел за решеткой, пока Фэллон его не вытащил. Через пару лет он ненадолго присел в тюрьму Джолиет уже из-за другой телки — двинул ей

рукояткой револьвера за то, что ему перечила. Наконец он связался с Дикси Монаханом, и с той поры без проблем выбирался из любой тюряги. По тем временам Дикси был почти такой же крупной шишкой, как Ник Грек в игорном бизнесе Чикаго. Терсби стал телохранителем Дикси и сбежал вместе с ним, когда тот поссорился с остальными ребятами из-за каких-то долгов, которые он то ли не мог, то ли не хотел отдавать. Это было пару лет назад — приблизительно в тогда же закрыли яхт-клуб «Ньюпорт-Бич». Не знаю, замешан ли в этом Дикси. В любом случае, с тех пор ни о нем, ни о Терсби ни слуху ни духу не было.

— И Дикси никто не видел?

Полхаус покачал головой.

— Никто. — Его маленькие глазки испытующе сверлили Спейда. — Разве что ты, или кто-то, кого ты знаешь.

Спейд откинулся на стуле и принялся сворачивать сигарету.

— Я его не видел, — спокойно сказал он. — Все это для меня совершенно новые сведения.

— Так я и поверил, — хрюкнул Полхаус.

Спейд усмехнулся и спросил:

— Откуда такое подробное досье на Терсби?

— Кое-что было в отчетах. Остальное — ну,

поскребли там-сям.

— Кейро поскребли, к примеру, да? — Теперь уже в глазах у Спейда сверкнул пытливый огонек.

Полхаулс поставил на стол чашку с кофе и покачал головой.

— Бестолку. Ты отравил для нас этот источник.

Спейд засмеялся.

— Хочешь сказать, что за целую ночь пара таких профи, как ты и Данди, не смогли расколоть эту лилию долин?

— Что значит — «за целую ночь»? — запротестовал Полхаус. — Мы смогли поработать с ним каких-то пару часов. Поняли, что ничего не добьемся, и отпустили его.

Спейд снова рассмеялся и посмотрел на часы. Поймал взгляд бармена и попросил счет.

— У меня сегодня днем свидание с окружным прокурором, — сказал он Полхаусу, пока они ожидали сдачу.

— Он тебя вызвал?

— Да.

Полхаус отодвинул стул и встал — дородный и флегматичный.

— Ты сделаешь мне большое одолжение, — сказал он, — если не станешь посвящать его в

содержание нашей с тобой беседы.

* * *

Подтянутый лопоухий молодой человек проводил Спейда в кабинет окружного прокурора. Спейд вошел, беззаботно улыбаясь, и непринужденно сказал:

— Привет, Брайан.

Окружной прокурор Брайан встал и протянул ему руку через стол. Это был блондин среднего роста и сложения, лет сорока-сорока пяти, с агрессивными голубыми глазами за стеклами пенсне на черной ленточке, чересчур большим ртом оратора и ямочкой на внушительном подбородке. Когда он произнес: «Как поживаете, Спейд?», в его голосе зазвучала скрытая сила.

Они пожали друг другу руки и сели.

Окружной прокурор ткнул пальцем в одну из четырех перламутровых кнопок, выстроившихся перед ним на пульте, и сказал юноше, который снова отворил дверь:

— Попросите зайти мистера Томаса и Хили. — А потом, развернув кресло, дружески обратился к Спейду: — Вы с полицией не очень-то ладите, да?

Спейд сделал небрежный жест пальцами правой руки.

— Ничего серьезного, — легко сказал он. — Данди становится слишком рьяным.

Дверь открылась и впустила двоих. Один, которому Спейд сказал: «Привет, Томас!», был загорелый, коренастый мужчина лет тридцати. Его одежда и волосы находились в одинаковом беспорядке. Он хлопнул Спейда по плечу веснушчатой рукой и спросил: «Как делишки?», а потом сел рядом. Второй был моложе первого и не такой колоритный. Он сел чуть в стороне от остальных и положил блокнот для стенографирования на колени, а поверх него — зеленый карандаш.

Спейд бросил взгляд в его сторону и спросил Брайана:

— Все, что я скажу, будет использовано против меня?

Окружной прокурор улыбнулся.

— Это всегда успеется. — Он снял пенсне, посмотрел его на свет и снова водрузил на переносицу. Затем взглянул сквозь стекла на Спейда и спросил: — Кто убил Терсби?

Спейд ответил:

— Я не знаю.

Брайан потер большим и указательным пальцами черную ленточку от пенсне и веско сказал:

— Вполне вероятно, что не знаете, но вы,

безусловно, могли бы сделать отличное предположение.

— Мог бы, но я бы не стал.

Окружной прокурор вскинул брови.

— Я не стал бы, — повторил Спейд. Он был безмятежен. — Какими бы отличными или никудышными ни были мои предположения, миссис Спейд вырастила своих отпрысков не настолько глупыми, чтобы они играли в догадки в присутствии окружного прокурора, заместителя окружного прокурора и стенографиста.

— Почему бы и нет, если вам нечего скрывать?

— Каждому есть что скрывать, — кротко ответил Спейд.

— А что скрываете… вы?

— Прежде всего, свои предположения.

Окружной прокурор посмотрел на крышку стола, а затем на Спейда. Он покрепче усадил пенсне на нос и сказал:

— Если вы предпочитаете удалить стенографиста, мы это сделаем. Я пригласил его просто для удобства.

— Я ни капельки не возражаю против него, — ответил Спейд. — Я жажду, чтобы все, что я скажу, было записано, и готов это подписать.

— Мы не собираемся просить вас что-то под-

писывать, — заверил его Брайан. — Я совсем не хочу, чтобы вы воспринимали нашу беседу, как официальный допрос. И, пожалуйста, не считайте, что я хоть сколько-нибудь верю в теории, которые, похоже, сформировались у полиции, а тем более — что уверен в них.

— Значит, не верите?

— Ни единому слову.

Спейд вздохнул и положил ногу на ногу.

— Рад это слышать. — Он пошарил по карманам и вытащил листки папиросной бумаги и табак. — А какова ваша версия?

Брайан подался вперед, сидя в кресле и глаза его стали жесткими и сверкнули, точь-в-точь как солнечный блик в линзах его пенсне.

— Скажи мне, для кого Арчер следил за Терсби, и я скажу тебе, кто его убил.

Спейд хохотнул — коротко и презрительно.

— Вы заблуждаетесь, как и Данди.

— Не поймите меня превратно, Спейд, — постучав костяшками пальцев по столу, сказал Брайан. — Я не говорю, что ваш клиент убил или заказал Терсби, но я имею в виду, что, зная, кто ваш клиент, я гораздо скорее выясню, кто убил Терсби.

Спейд прикурил, затянулся, вынул изо рта си-

гарету, выпустил дым из легких и заговорил как будто озадаченно:

— Я понял превратно.

— Вот как? Тогда спрошу иначе: где Дикси Монахан?

Озадаченное выражение по-прежнему не сходило с лица Спейда.

— Эта формулировка тоже не очень-то проясняет дело, — сказал он. — Я все равно не понимаю.

Окружной прокурор снял пенсне, для пущей убедительности потряс им в воздухе и сказал:

— Нам известно, что Терсби был телохранителем Монахана и вместе с ним уехал из Чикаго, когда босс посчитал благоразумным исчезнуть. Нам известно, что Монахан перед самым исчезновением задолжал кому-то около двухсот тысяч долларов. Нам не известны — пока что — имена его кредиторов. — Он снова надел пенсне и мрачно усмехнулся. — Но нам известно, что бывает с не выплатившими долги игроками и с их телохранителями, когда кредиторы их находят. Такое случалось и прежде.

Спейд облизал губы и сложил их в уродливую ухмылку. Глаза его мерцали из-под насупленных бровей. Шея, выглядывавшая из воротника, покраснела. Голос его звучал низко, хрипло и

яростно.

— И что же вы себе вообразили? Что я убил его по заданию его кредиторов? Или просто нашел его и позволил им самим его прикончить?

— Нет-нет! — протестующе замахал руками окружной прокурор. — Вы неправильно меня поняли!

— Очень на это надеюсь, — сказал Спейд.

— Он не это имел в виду, — ввязался в беседу Томас.

— А что же он имел в виду?

Брайан махнул рукой.

— Я просто хотел сказать, что, возможно, вас втянули в это без вашего ведома. Вполне вероятно, что вы…

— Я понял, — язвительно усмехнулся Спейд. — Вы не считаете меня нехорошим. Вы просто решили, что я тупой.

— Чепуха, — настаивал Брайан. — Предположим, кто-то пришел к вам и нанял вас найти Монахана, сказав, что у них есть основания полагать, что он сейчас в Сан-Франциско. Этот кто-то мог снабдить вас абсолютно ложной версией — таких можно с десяток-другой сочинить — или сообщить, что он ищет сбежавшего должника, не вдаваясь в подробности. Как бы вы поняли, что

здесь таится подвох? Что это не просто обычное задание, с каким не раз сталкивался любой сыщик? И в подобных обстоятельствах вы никак не можете нести ответственность за свое участие в этом деле, если только… — Тут его голос стал более выразительным, слова зазвучали отрывисто и отчетливо, — …если только вы сами не сделали себя соучастником, скрыв, что вам известна личность убийцы, или другую информацию, которая могла бы привести к его задержанию.

Гневное выражение сошло с лица Спейда. И в голосе не было ни капли злости, когда он спросил:

— Вы это имели в виду?

— Конечно.

— Ладно. Тогда проехали. Но вы ошибаетесь.

— Докажите мне это.

Спейд покачал головой.

— Доказать я сейчас не могу. Могу только рассказать.

— Тогда расскажите.

— Никто никогда не нанимал меня для чего-либо, связанного с Дикси Монаханом.

Брайан и Томас переглянулись. Затем Брайан перевел взгляд на Спейда и сказал:

— Но, по вашему собственному признанию,

кто-то нанял вас для чего-то, связанного с его телохранителем Терсби.

— Да, с его бывшим телохранителем Терсби.

— Бывшим?

— Да, бывшим.

— Вы знаете, что Терсби больше не работал на Монахана? Вам это доподлинно известно?

Спейд протянул руку к пепельнице, стоявшей на столе, и бросил в нее окурок. И беспечно ответил:

— Мне ничего не известно доподлинно, кроме того, что моего клиента не интересовал Монахан. Совершенно не интересовал. Я слыхал, что Терсби увез Монахана на Восток и там потерял его.

И снова окружной прокурор и его помощник переглянулись. Томас не смог скрыть возбуждение за нарочито обыденным тоном:

— Это же меняет угол зрения. Друзья Монахана могли пришить Терсби за то, что тот его бросил.

— У мертвых игроков не бывает друзей, — сказал Спейд.

— Это открывает две новые линии расследования, — сказал Брайан. Он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок на несколько секунд, а затем быстро выпрямился. Его вдохновенное лицо оратора просияло. — Все сводится к

трем версиям. Первая: Терсби был убит игроками, которых Монахан кинул в Чикаго. Не зная о том, что Терсби бросил Монахана — или не поверив этому — они убили Терсби, поскольку знали, что он пособник Монахана, или разделались с ним, чтобы добраться до самого Монахана, или за отказ привести их к Монахану. Версия номер два: его убили друзья Монахана. И версия третья: он сдал Монахана его врагам, а потом поссорился с ними, и они прикончили его самого.

— Или версия номер четыре, — подхватил Спейд с веселой усмешкой, — он умер от старости. Вы же это не серьезно, ребята? Правда же?

Оба уставились на Спейда, но ни один не произнес ни слова. Спейд с улыбкой смотрел то на одного, то на другого, а потом с шутливым сочувствием покачал головой.

— У вас на уме сплошные заговоры, — сказал он.

Брайан хлопнул тыльной стороной левой ладони о правую.

— Решение находится в одной из этих трех плоскостей. — Сила, скрывавшаяся в его голосе, стала явной. Его сжатая в кулак правая рука с торчащим указательным пальцем взметнулась вверх, а затем резко остановилась, когда этот

палец уперся Спейду в грудь. — И вы можете снабдить нас информацией, которая позволит нам определить, в какой именно плоскости.

— Да? — лениво переспросил Спейд. Лицо его помрачнело. Он потрогал нижнюю губу пальцем, посмотрел на него, затем почесал им затылок. На лбу прорезались морщины раздражения. Он тяжело выдохнул через нос и недовольно пробурчал: — Вам не понравится информация, которую я мог бы сообщить, Брайан. Она испортила бы весь этот ваш сценарий мести за игорный долг.

Брайан сел прямо и расправил плечи. Его голос звучал строго, но без истерических ноток.

— Не вам судить об этом. Прав я или нет, но я все-таки окружной прокурор.

Спейд приподнял верхнюю губу, обнажив клыки.

— А я-то думал, это неофициальная беседа.

— Согласно присяге я являюсь представителем закона двадцать четыре часа в сутки, — сказал Брайан, — и неофициальный характер нашей беседы не спасет вас от обвинения в сокрытии доказательств преступления. Если, конечно, — он многозначительно кивнул, — исключить определенные конституционные основания.

— Вы имеете в виду право не свидетельство-

вать против себя? — спросил Спейд. Его голос был спокойным, почти веселым, но лицо — нет. — Что ж, у меня есть более веские основания, чем это, или основания, которые меня больше устраивают. Мои клиенты имеют право на достаточную степень секретности. Может быть, меня и удастся заставить выступить перед Большим жюри или даже перед судом коронера, но меня ни туда, ни туда пока что не вызывали, и уж я точно не собираюсь без крайней надобности афишировать дела своих клиентов. К тому же и вы, и полиция обвинили меня в причастности к ночным убийствам. Перед этим у меня были проблемы и с вами, и с ними. Насколько я понимаю, лучший способ избавиться от неприятностей, которые вы пытаетесь мне создать, это найти и задержать убийц. И мой единственный шанс найти, схватить и доставить убийц в полицию — держаться подальше от вас и от полиции, поскольку никто из вас, похоже, не понимает ни бельмеса. — Он встал и бросил стенографисту через плечо: — Все верно записываешь, сынок? Или я говорю слишком быстро?

Стенографист бросил на него испуганный взгляд и ответил:

— Нет, сэр. Я все успеваю.

— Молодчина. — Спейд снова повернулся к Брайану. — Теперь, если вы пожелаете обратиться в соответствующие инстанции с просьбой отозвать мою лицензию на том основании, что я препятствую правосудию, бог вам в помощь. Вы и раньше пытались это сделать, но только выставляли себя на посмешище. — Он взял шляпу.

— Но, послушайте… — начал Брайан, однако Спейд перебил его:

— И хватит с меня неофициальных бесед. Мне нечего сказать вам или полиции, и я чертовски устал от того, что каждый псих на городском жаловании так и мечтает мне напакостить. Если хотите меня видеть, арестуйте, вызовите меня в суд или еще куда — и я явлюсь со своим адвокатом. — Он надел шляпу, сказал: — До встречи на дознании, наверное, — и вышел из кабинета.

Глава 16. Третье убийство

Спейд позвонил в «Александрию» из вестибюля гостиницы «Сатлер». Никого из компашки Гутмана в номере не оказалось. Спейд звякнул в «Бельведер». Кейро также отсутствовал — причем весь день.

Спейд пошел к себе в контору.

В приемной ждал изысканно одетый смуглолицый мужчина с сальными волосами. Эффи Перин, указав на смуглолицего, сообщила:

— Этот джентльмен желает вас видеть, мистер Спейд.

Спейд с улыбкой поклонился гостю и открыл дверь своего кабинета.

— Прошу вас. — И прежде, чем войти следом за ним, поинтересовался у Эффи Перин: — Есть новости по нашему делу?

— Нет, сэр.

Смуглолицый оказался владельцем кинотеатра на Маркет-стрит. Он заподозрил одного из кассиров и швейцара в сговоре с целью обмана. Спейд попросил его вкратце изложить историю, пообещал «позаботиться обо всем», слупил с клиента

пятьдесят долларов аванса и отделался от него, потратив на всё про всё менее получаса.

Когда дверь агентства закрылась за новым клиентом, Эффи Перин вошла в кабинет. На ее встревоженном загорелом лице читался вопрос, который она тут же озвучила:

— Не нашел ее?

Он покачал головой, рассеянно потирая висок круговыми движениями пальцев.

— Как самочувствие? — спросила она.

— Жить буду, но голова просто раскалывается.

Она встала у него за спиной, отвела его руку от виска, нагнулась и тонкими пальчиками приняла поглаживать больное место. Он запрокинул голову поверх края кресла, устроил ее на груди у Эффи Перин и сказал:

— Ты ангел.

Она наклонила голову и заглянула ему в лицо:

— Ты должен найти ее, Сэм. Уже вторые сутки пошли, как она…

Он шевельнулся и нетерпеливо перебил ее:

— Ничего я не должен, но дай моей треклятой черепушке минуту-другую отдохнуть, и я пойду и разыщу эту девицу.

— Бедная черепушка, — пробормотала она и какое-то время молча гладила его висок, а потом

спросила: — Ты знаешь, где она? Есть у тебя какие-то предположения?

Раздался телефонный звонок. Спейд поднял трубку.

— Алло. Да, Сид, все прошло хорошо, спасибо… Нет… Разумеется. Он надерзил маленько, но ведь и я в накладе не остался… Он вбил себе в голову, что все это — результат войны воротил игорного бизнеса… Ну, мы не целовались при расставании. Я не дал себя в обиду и ушел с гордо поднятой головой… Да, тут не о чем беспокоиться… Эт-точно. Пока. — Он положил трубку на рычаг и снова раскинулся в кресле.

Эффи Перин вышла из-за его спины и встала рядом.

— Ты думаешь, что знаешь, где она, Сэм? — настойчиво переспросила она.

— Я знаю, куда она направлялась, — ответил он с явной неохотой в голосе.

— И куда же? — встрепенулась Эффи Перин.

— На тот пароход, что горел у тебя на глазах.

Она вытаращилась так, что стали видны голубоватые белки вокруг коричневой радужки.

— Ты ходил туда. — Это был не вопрос.

— Нет, — сказал Спейд.

— Сэм, — сердито закричала она, — ведь ее,

возможно, уже…

— Она сама поехала туда, — угрюмо сказал он. — Ее никто не похищал. Она поехала туда, а не к тебе домой, как только узнала, что корабль в порту. Какого дьявола, в конце-то концов? Я что, должен бегать за своими клиентками и умолять их дать мне возможность им помочь?

— Но, Сэм, а когда я сказала тебе, что судно горит?..

— Это было в полдень, и я встречался с Полхаусом, а потом — с Брайаном.

Она гневно зыркнула на него сквозь прищуренные веки.

— Сэм Спейд, — сказала она. — Ты, когда захочешь, бываешь таким мерзавцем, каких свет не видывал. Только потому, что она сделала что-то без твоего ведома, ты сидишь тут и в ус не дуешь, зная, что она в опасности, зная, что она уже, может быть…

Спейд побагровел и сказал упрямо:

— Она прекрасно умеет за себя постоять и знает, куда обращаться за помощью, когда сочтет, что эта помощь ей необходима.

— Ты просто злишься, — крикнула девушка, — вот и все! Злишься, потому что она поступила по-своему, не спросив тебя. А что, она не имела

на это права? Ты не был настолько честен, черт побери, и настолько откровенен с ней, чтобы она могла полностью тебе доверять!

Спейд сказал:

— Хватит об этом.

От его тона в ее разгоряченных глазах мелькнул тревожный огонек, но она тряхнула головой, и огонек исчез. Ее губы сжались в тонкую ниточку. Она сказала:

— Если ты сию же минуту не отправишься туда, Сэм, то я поеду сама и захвачу с собой полицию. — Голос ее дрогнул и сорвался, стал тонким и жалобным. — О, Сэм, иди же!

Он встал, мысленно проклиная ее. А вслух сказал:

— Господи, легче поехать туда, чем слушать, как ты верещишь — так голова вообще никогда не пройдет. — Он взглянул на часы. — А ты тоже запри все и марш домой.

Она сказала:

— Нет. Я останусь здесь и буду ждать твоего возвращения.

— Черт с тобой, делай, что на ум взбредет, — буркнул он, натянул шляпу, сморщился от боли, снял шляпу и вышел, держа ее в руке.

* * *

Через полтора часа, в двадцать минут шестого Спейд вернулся. Он был весел. Войдя, он поинтересовался:

— Почему ты такая зануда, золотце мое?

— Я?

— Да, ты. — Он прижал пальцем кончик ее носа, слегка расплющив его. Обхватил ее под локотки, приподнял и чмокнул в подбородок. Снова поставил на пол и спросил: — Что-нибудь произошло, пока меня не было?

— Звонил Люк — не помню, как его фамилия — из «Бельведера» и просил передать, что Кейро вернулся. Это было примерно полчаса назад.

Спейд захлопнул рот, развернулся и широким шагом направился к двери.

— Ты ее нашел? — окликнула его девушка.

— Расскажу, когда вернусь, — ответил он на ходу и поспешил прочь.

Таксист высадил Спейда у парадного подъезда «Бельведера» через десять минут после того, как он вышел из конторы. Он нашел Люка в вестибюле. Гостиничный сыщик встретил его с улыбкой и покачал головой:

— Опоздал на пятнадцать минут. Твоя птичка

упорхнула.

Спейд выругался, кляня свое невезение.

— Выписался и выехал вместе с багажом, — сказал Люк. Он вынул из жилетного кармана потрепанную записную книжицу, облизнул большой палец, полистал страницы и протянул раскрытую книжку Спейду. — Вот номер такси, на котором он уехал. Все, чем могу.

— Спасибо. — Спейд переписал номер на оборот конверта. — Адреса не оставил?

— Нет. Просто пришел с большим чемоданом в руках, поднялся к себе в номер, потом спустился с вещами, оплатил счет, поймал такси и уехал, и никто не услышал, что он сказал шоферу.

— А его сундук?

У Люка отвисла нижняя губа.

— Господи, о нем я и забыл! — сказал он. — Пошли.

Они поднялись в номер Кейро. Сундук стоял там. Он был закрыт, но не заперт. Они откинули крышку. Сундук оказался пуст.

— Очень интересно!

Спейд ничего на это не ответил.

* * *

Он вернулся к себе в контору. Эффи Перин устремила на него вопросительный взгляд.

— Упустил его, — проворчал Спейд и вошел в свой кабинет.

Она вошла следом. Он уселся в кресло и стал сворачивать сигарету. Она села на стол перед ним, поставив мыски на уголок его кресла.

— А что насчет мисс О'Шонесси? — настойчиво поинтересовалась она.

— Ее я тоже упустил, — ответил Спейд, — но она там была.

— На «Ла Паломе»?

— С «Ла» звучит, как скороговорка.

— Перестань. Будь человеком, Сэм. Расскажи мне.

Он прикурил сигарету, спрятал зажигалку в карман, погладил ножки секретарши и сказал:

— Да, на «Ла Паломе». Она взошла на борт вчера сразу после полудня. — Он насупил брови. — Это значит, что она отправилась туда сразу же после того, как вышла из такси возле паромной переправы — это всего в нескольких пирсах оттуда. Капитана на борту не было. Справляясь о нем, она назвала его по фамилии — Якоби. Он был в городе

по делам. Стало быть, не ожидал ее прихода, во всяком случае, не ждал ее именно в это время. Она задержалась на судне, пока он не вернулся в четыре пополудни. Они провели вместе все время до ужина и поужинали вдвоем в его каюте.

Спейд затянулся, выдохнул дым, повернул голову в сторону, чтобы сплюнуть с губы желтую табачную крошку, и продолжил:

— После трапезы капитан Якоби принял еще троих посетителей. Один из них был Гутман, другой — Кейро, а третий — мальчишка, который вчера принес тебе послание от Гутмана. Эта троица заявилась, когда Бриджит была там с Якоби, и все впятером они долго о чем-то беседовали в капитанской каюте. Из команды парохода трудно что-то вытянуть, но между капитаном и его гостями определенно произошла ссора, и где-то около одиннадцати вечера там — в каюте — раздался выстрел. Вахтенный поспешил туда, но капитан встретил его снаружи и сказал, что все в порядке. В одном углу каюты есть свежее пулевое отверстие — достаточно высоко, чтобы предположить, что пуля никого не прошила насквозь перед тем, как попала в стену. Насколько я смог выяснить, выстрел был только один. Но выяснил я не слишком-то много. — Он нахмурился

и снова сделал затяжку. — Ну вот, ушли они все вместе около полуночи — капитан и четверо его гостей — и, судя по всему, ушли вполне спокойно, на своих ногах. Это я узнал от вахтенного. Мне не удалось связаться с сотрудниками таможни, которые тогда дежурили. На этом все. Капитан с тех пор не возвращался. В полдень у него была назначена встреча с какими-то экспедиторами, но он ее пропустил, и никто ему не смог сообщить о пожаре, поскольку его не нашли.

— А что известно о причине пожара? — спросила она.

Спейд пожал плечами.

— Не знаю. Возгорание обнаружили утром — в кормовой части трюма. Есть вероятность, что занялось еще вчера. Всё потушили, но пожар нанес немалый ущерб. Никто не захотел распространяться об этом в отсутствие капитана. Это было бы не…

Открылась наружная дверь. Спейд закрыл рот на полуслове. Эффи Перин спрыгнула со стола, но дверь распахнулась до того, как она успела к ней подбежать.

— Спейд где? — спросил вошедший.

Его голос заставил Спейда насторожиться, он выпрямился в кресле. Голос был резкий и хрип-

лый от боли и страшного напряжения, с которым говоривший пытался не дать этим двум словам утонуть в жидкости, словно бы булькающей вокруг них.

Эффи Перин испуганно отпрянула.

Человек стоял в дверном проеме, и его мягкая шляпа упиралась в притолоку — в нем было почти семь футов роста. Длинное и прямое черное пальто, похожее на футляр, застегнутое от горла до колен, подчеркивало его худобу. У него были вздернутые плечи — худые и угловатые. Его костлявое лицо — огрубевшее от непогоды, покрытое морщинами — было цвета мокрого песка, а щеки и подбородок блестели от пота. Глаза — темные, налитые кровью, безумные — смотрели поверх отвисших нижних век, приоткрывавших розовую внутреннюю мембрану. Желтоватой клешней в черном рукаве он крепко прижимал к левой стороне груди обернутый в коричневую бумагу и перевязанный тонкой бечевкой пакет — эллипсоид размером чуть больше мяча для американского футбола.

Высокий человек стоял в дверях, и, казалось, не видел Спейда. Он произнес:

— Вы знаете…

Но тут бурлящая жидкость прорвалась наружу

из его горла и поглотила все, что он хотел сказать дальше. Он прикрыл другой рукой руку, сжимавшую эллипсоид. И рухнул — ничком, прямо, не выставив рук, чтобы смягчить падение, упал вперед, как падают деревья.

Спейд проворно вскочил с кресла и подхватил падающего. Когда Спейд его поймал, рот незнакомца открылся, струйка крови брызнула оттуда, коричневый сверток выпал из его рук и покатился по полу, пока его не остановила ножка стола. Затем колени высокого человека подогнулись, он согнулся пополам и его тощее тело обмякло внутри футляра пальто, осело в объятьях Спейда, и тот не смог удержать его от неминуемого соприкосновения с полом.

Спейд осторожно опустил незнакомца и уложил на бок. Глаза этого человека — темные и налитые кровью, но больше не безумные — были распахнуты и остекленели. Рот так и остался открытым, но кровь больше не брызгала оттуда, и все его длинное тело было неподвижно, как пол, на котором оно лежало.

Спейд сказал:

— Запри дверь.

* * *

Пока Эффи Перин, стуча зубами, возилась с дверным замком, Спейд опустился на колени, перевернул незнакомца на спину, сунул руку ему за пазуху и вынул — всю в крови. Это ничуть не испугало и не смутило Спейда — его лицо сохранило бесстрастное выражение. Подняв окровавленную руку повыше, чтобы ничего не задеть, другой он достал из кармана зажигалку. Щелкнул ею и поднес язычок пламени по очереди к каждому глазу худого пришельца. Глаза эти — веки, белки, радужка, зрачки — оставались застывшими, неподвижными.

Спейд погасил огонь и убрал зажигалку в карман. Не вставая с колен, он обошел труп с другой стороны, чистой рукой расстегнул пуговицы на длинном пальто и распахнул его. Подкладка пальто промокла от крови, двубортный пиджак под пальто тоже пропитался ею насквозь. Лацканы пиджака в том месте, где они сходились на груди мертвеца и обе полы пальто поверх пиджака зияли мокрыми рваными дырками.

Спейд встал и направился к умывальнику в приемной.

Бледная и дрожащая Эффи Перин держалась на

ногах только благодаря входной двери, к матовому стеклу которой она прислонилась спиной. Вцепившись в дверную ручку, секретарша прошептала:

— А он… он…?

— Да. Застрелен. Ему в грудь всадили где-то полдюжины пуль.

Спейд принялся отмывать руки.

— А мы не должны…? — начала она, но он перебил ее:

— Врача вызывать уж слишком поздно, и мне надо подумать, прежде чем что-то предпринимать. — Спейд домыл руки и принялся споласкивать раковину. — Он не мог пройти большое расстояние с такими ранами. Если бы он… Нет, ну почему он не протянул чуть-чуть подольше, чтобы хоть что-то сказать? — Он нахмурился, еще раз сполоснул руки и взял с крючка полотенце. — Ну-ка, соберись! Ради всего святого, только не блевани на меня! — Он набросил полотенце обратно на крючок и пригладил волосы. — А сейчас надо взглянуть, что в том свертке.

Спейд вернулся в кабинет, перешагнув через ноги мертвеца, и поднял коричневый бумажный сверток. Когда он ощутил его вес, у него загорелись глаза. Он уложил сверток на стол узлом

кверху. Узел оказался тугим и неподатливым. Пришлось достать перочинный ножик и перерезать бечевку.

Девушка отошла от двери, обошла мертвеца, стараясь на него не глядеть, и встала рядом со Спейдом. Она стояла, опершись об угол стола и наблюдая за тем, как Спейд разматывает бечевку, разворачивает бумагу, и возбуждение начало все явственнее проявляться на ее лице, вытесняя отвращение.

— Ты думаешь, это оно? — прошептала секретарша.

— Скоро узнаем, — ответил Спейд, его большие пальцы трудились над внутренней оберткой из шершавой серой бумаги толщиной в три листа, которая оказалась под коричневой бумагой. Лицо его было суровым и бесстрастным. Глаза его сияли. Когда он убрал бумагу, в его руках осталась яйцевидная масса из туго скомканной светлой упаковочной стружки. Пальцы торопливо разорвали этот комок, и оттуда засверкала полированная поверхность угольно-черной — там, где на ней не было пыли и хлопьев стружки — птицы высотой около фута.

Спейд засмеялся. Он возложил на статуэтку руку — властно, по-хозяйски. Другой рукой он

обхватил Эффи Перин и крепко прижал к себе.

— Мы добыли эту чертову штуку, ангелочек! — сказал он.

— Ой! — пискнула она. — Мне больно!

Он выпустил Эффи Перин, взял птицу обеими руками и встряхнул, освобождая от прилипшей стружки. Затем отступил назад, поднял перед собой на вытянутых руках и сдул с нее пыль, любуясь и торжествуя.

На лице Эффи Перин вдруг отразился ужас, она вскрикнула, указывая на ноги Спейда.

Он посмотрел туда же. При последнем шаге назад его левый каблук наступил на ладонь мертвеца, прижав к полу часть плоти — около четверти дюйма. Спейд отдернул ногу.

Грянул телефонный звонок.

Он кивнул девушке. Та повернулась к столу, поднесла трубку к уху и сказала:

— Алло!.. Да… Кто?.. О, да! — Глаза ее стали как плошки. — Да… Да… Не кладите трубку… — Рот ее внезапно широко раскрылся от испуга. Она закричала: — Алло! Алло! Алло! — Подергав рычаг телефона, она еще дважды прокричала в трубку «Алло!», а потом всхлипнула и повернулась лицом к Спейду, который к тому времени уже оказался рядом. — Это мисс О'Шонесси, — в от-

чаянии выпалила она. — Спрашивала тебя. Она в «Александрии» — она в опасности! У нее был такой… такой ужасный голос, Сэм! И что-то с ней случилось, и она не успела договорить. Скорее к ней, Сэм, спаси ее!

Спейд поставил сокола на стол и мрачно нахмурился.

— Сперва я должен позаботиться об этом парне, — сказал он, указывая на тощее тело на полу.

Она со слезами принялась бить его кулачками в грудь.

— Нет, нет — ты должен идти к ней. Как ты не понимаешь, Сэм? У него оказалась вещь, которая принадлежала ей, и он пришел с этой вещью к тебе. Как ты не понимаешь? Он помогал ей, и они убили его, а теперь ее очередь. О, ты должен, должен!

— Ладно. — Спейд отодвинул ее и наклонился над столом. Он быстро положил птицу в гнездо из упаковочной стружки, обернул ее бумагой, сотворив наспех неуклюжий бесформенный сверток. — Как только я уйду, звони в полицию. Скажи им, что случилось, но имен не называй. Ты ничего не знаешь. Мне позвонили, и я сказал тебе, что должен уйти, но не сказал, куда. — Он

чертыхнулся в адрес спутанной бечевки, рывком растянул ее и начал заново перевязывать сверток. — Об этом забудь. Расскажи все, как было, но ни слова о свертке. — Он прикусил нижнюю губу. — Если только тебя не припрут к стенке. Если окажется, что им все известно о нем, тебе придется признаться. Впрочем, это вряд ли. Но если они все-таки знают, то я унес сверток, не распаковывая. — Он закончил затягивать узел, выпрямился, засунув сверток под мышку левой руки. — Еще раз проясним. Все случилось, как случилось, но без этой штуковины, если только они о ней не знают. Ничего не отрицай — просто не упоминай о ней. И это я снял трубку — не ты. А ты ничего не знаешь ни о ком, кто еще связан с этим парнем. И о нем ты ничего не знаешь, а о моих делах не можешь ничего сказать, пока не поговоришь со мной. Поняла?

— Да, Сэм. Кто… ты знаешь, кто он такой?

Он изобразил волчий оскал.

— М-м, — отрицательно он. — Но думаю, что это капитан Якоби — хозяин «Паломы».

Он взял шляпу и надел ее. Задумчиво посмотрел на мертвеца, потом окинул взглядом комнату.

— Поторопись, Сэм, — взмолилась девушка.

— Конечно, — рассеянно сказал он. — Уже бе-

гу. Если не трудно, собери с пола эти ошметки стружки до прихода полиции. И, может, стоит попытаться связаться с Сидом. Нет! — Он потер подбородок. — Повременим с этим. Так будет лучше. Я бы не отпирал дверь, пока они не придут. — Он убрал руку с подбородка и погладил девушку по щеке. — Ты чертовски хороший парень, сестричка, — сказал он и вышел.

Глава 17. Субботний вечер

Небрежно зажав сверток под мышкой, Спейд, чье беспокойство выдавало лишь беспрестанное движение глаз, быстрым шагом через переулок и узкий проходной двор срезал часть пути от здания своей конторы до Керни и Пост-стрит, где он поймал такси.

Такси довезло его до почтового терминала «Пиквик-Стейдж» на Пятой улице. Там он сдал птицу в отделение посылок и бандеролей, вложил квитанцию в конверт с маркой, написал на конверте «Мистеру М. Ф. Холланду» указал номер почтового отделения в Сан-Франциско, запечатал и бросил в почтовый ящик.

Оттуда другое такси доставило Спейда в гостиницу «Александрия». Там он поднялся в номер двенадцать и постучал в дверь. Когда он постучал второй раз, дверь открыла маленькая светловолосая девушка в блестяще желтом халатике — маленькая девочка с бледным и тусклым лицом. Судорожно цепляясь обеими руками за дверную ручку с внутренней стороны, она выдохнула:

— Мистер Спейд?

Спейд ответил: «Да» и подхватил ее, когда она пошатнулась.

Тело девушки выгнулось дугой на его руке, голова запрокинулась и короткие светлые волосы упали назад, а тонкая шея плавно изогнулась от груди до подбородка. Спейд продвинул поддерживающую руку выше по ее спине и наклонился, чтобы подхватить девушку под колени, но она шевельнулась, сопротивляясь, а с приоткрытых, еле двигавшихся губ слетели невнятные слова:

— Нет! Не на на!

Спейд заставил ее идти. Он пинком захлопнул дверь и стал водить ее взад и вперед по застланной зеленым ковром комнате, от стены к стене. Просунув одну руку ей под мышку, он поддерживал ее хрупкое тельце, другой рукой он сжимал ее вторую руку, помогая держаться прямо, когда она спотыкалась, не давая ей шарахаться из стороны в сторону, и продолжал подталкивать вперед, но при этом заставляя ее шаркающие ноги по возможности удерживать вес ее тела. Они медленно ходили по комнате, девушка спотыкалась, делая безвольные шаги, Спейд же уверенно держался на носках, и ее шаткая походка не влияла на его равновесие. У нее лицо было белым как мел, глаза

закрыты, лицо же Спейда было мрачным, а глаза так и зыркали по сторонам.

Монотонным голосом он без устали твердил:

— Вот так. Левой-правой, левой-правой. Вот так. Раз, два, три, четыре, раз, два, три — теперь кругом марш! — Он встряхнул ее, когда они отвернулись от стены. — Снова идем назад. Раз, два, три, четыре. Выше голову. Вот так. Хорошая девочка. Левой-правой, левой-правой. И опять кругом. — Он снова встряхнул ее. — Какая умничка. Ходим, ходим, ходим, ходим. Раз, два, три, четыре. Кругом. — Он встряхнул ее чуть грубее и ускорил шаг. — В этом весь фокус. Левой-правой, левой-правой. Мы торопимся. Раз, два, три…

Девушка содрогнулась и громко сглотнула. Спейд принялся растирать ей руку и бок, приговаривая в самое ухо:

— Вот и хорошо. Тебе уже лучше. Раз, два, три, четыре. Быстрей, быстрей, быстрей. Вот так. Шаг, шаг, шаг, шаг. Ножку вверх, ножку вниз. Молодец. Разворот. Левой-правой, левой-правой. Что они с тобой сделали? Опоили? Той же гадостью, что и меня?

Ее веки на мгновение приподнялись над потускневшими золотисто-карими глазами, и она сумела чуть слышно произнести:

— Да.

Они прошлись по номеру еще, девушка теперь почти бежала трусцой, не поспевая за Спейдом, Спейд похлопывал и разминал ее тело через желтый шелк обеими руками, не переставая говорить, а взгляд его тем временем оставался жестким, отчужденным и настороженным.

— Левой-правой, левой-правой, левой-правой — поворот. Молодчина. Раз, два, три, четыре. Подбородок не опускать. Вот так. Раз, два…

Ее веки снова приоткрылись — всего лишь на щелочку, она через силу повела глазами из стороны в сторону.

— Хорошо, — бодро сказал он, прервав монотонный ритм речи. — Не закрывай их. Шире открой — шире! — Он встряхнул ее.

Она протестующе застонала, но веки раскрылись шире, хотя в глаза не загорались изнутри. Он поднял руку и несколько раз ударил ее по щеке. Она снова замычала и попыталась вырваться от него. Он крепко обнял ее и повел за собой от стены к стене.

— Ходим, ходим, — хрипло командовал он, а потом спросил: — Кто ты?

Ее «Рея Гутман», несмотря на заплетающийся язык, прозвучало вполне различимо.

— Его дочь?

— Да. — Это прозвучало чуть явственнее.

— Где Бриджит?

Она судорожно изогнулась в его объятьях и обеими руками вцепилась в его руку. Он быстро вырвал руку и посмотрел на нее. На тыльной стороне краснела тонкая царапина дюйма в полтора, а то и больше.

— Какого черта? — рявкнул он и проверил ее ладони. В левой руке у нее ничего не было. С силой разжав ее правую ладонь, он обнаружил в ней трехдюймовую стальную булавку с нефритовой головкой. — Какого черта? — снова рявкнул он и поднес булавку к ее глазам.

Увидев булавку, она всхлипнула и распахнула халат. Она задрала край кремовой пижамы, которая была под ней, и показала ему свое тело ниже левой груди — белую плоть, пересеченную крест-накрест тонкими красными линиями, усеянную крошечными красными точками, там, где ее поцарапала булавка.

— Чтобы не спать… ходила… пока вы не пришли… Она сказала, вы придете… так долго…

Она пошатнулась.

Спейд обхватил ее покрепче и сказал:

— Ходим.

Она дернулась, вырываясь, извернулась в его объятьях, чтобы оказаться к нему лицом.

— Нет… сказать вам… спать… спасти ее.

— Бриджит? — требовательно спросил он.

— Да… ее забрали… Бер… Берлингейм… двадцать шесть Анчо… скорее… слишком поздно. — Она уронила голову на плечо.

Спейд грубо приподнял ее голову.

— Кто забрал ее? Твой отец?

— Да… Уилмер… Кейро. — Она сморщилась, веки ее дрогнули, но не разжались, — …убить ее. — Ее голова снова безвольно поникла, и опять он поднял ее за подбородок.

— Кто застрелил Якоби?

Похоже, она не услышала вопрос. Она изо всех сил попыталась удержать голову прямо, открыть глаза.

— Иди… она…

Он грубо встряхнул ее.

— Не спи, пока не придет доктор.

Страх распахнул ее глаза и на миг согнал пелену.

— Нет, нет, — сдавленно крикнула она, — отец… меня убьет… поклянись, что не станешь… он узнает… я сделала… не надо… я посплю… утром… в порядке…

Он снова встряхнул ее.

— Ты уверена, что до утра эта штука выветрится?

— Д-да. — Голова ее снова опустилась.

— Где твоя кровать?

Она попыталась поднять руку, но это усилие оказалось для нее чрезмерным, и палец смог указать только на покрытый ковром пол.

Словно усталое дитя, она позволила всему телу расслабиться и обмякнуть. Спейд подхватил ее под мышки — поднял на руки, как только она начала оседать — и, легко прижимая к груди, понес к ближайшей из трех дверей. Он нажал ручку, чтобы высвободился язычок, толкнул дверь ногой и вошел в коридор, ведущий мимо открытой ванной комнаты в спальню. Заглянув в ванную, он увидел, что там пусто, и пронес девушку в комнату. Там тоже никого не было. Одежда, которая была на виду, и вещи на комоде говорили, что здесь обитает мужчина.

Спейд вынес девушку обратно в гостиную с зеленым ковром и толкнулся в дверь напротив. Снова через коридор с дверью в ванную — снова пустую — он прошел в спальню, которая на этот раз по всем признакам была женской. Он откинул одеяло и положил девушку на кровать, снял с нее

тапочки, чуть приподняв ее, помог соскользнуть желтому халату, поправил подушку под ее головой и укрыл ее одеялом.

Затем распахнул оба окна в спальне и, повернувшись к ним спиной, стоял и смотрел на спящую. Дышала она тяжело, но спокойно. Он нахмурился и огляделся, поджав губы. В комнату вползали сумерки. Минут пять он простоял в этом угасающем свете, затем наконец нетерпеливо повел покатыми широкими плечами и вышел, оставив входную дверь номера незапертой.

* * *

Спейд вошел в контору Тихоокеанской телефонно-телеграфной компании на Пауэлл-стрит и вызвал Давенпорт 20–20.

— Больницу неотложной помощи, пожалуйста… Алло, в номере двенадцать «Си» гостиницы «Александрия» девушку накачали наркотиками… Да, вам лучше прислать кого-нибудь ее осмотреть… Говорит мистер Хупер, постоялец гостиницы.

Он положил трубку на рычаг и засмеялся. Вызвав другой номер, он сказал:

— Привет, Фрэнк. Это Сэм Спейд… Можешь прислать мне машину с водителем, который умеет

держать рот на замке?.. Мне срочно нужно на полуостров… Пару часов всего… Хорошо. Скажи ему, чтобы подобрал меня в гриле «У Джона» на Эллис-стрит, как можно скорее.

Он позвонил еще по одному номеру — к себе в агентство — совсем недолго подержал трубку возле уха, не сказав ни слова, и положил на рычаг.

В гриль-баре «У Джона» он попросил официанта побыстрее принести ему отбивные, печеный картофель и салат из помидоров, торопливо все это съел, и уже курил сигарету за чашкой кофе, когда плотный моложавый мужчина с грубоватым жизнерадостным лицом, в клетчатой кепке, косо надвинутой на белесые глаза, вошел в гриль-бар и направился прямиком к его столику.

— Все в ажуре, мистер Спейд, бак полон, тачка наготове.

— Здорово. — Спейд одним глотком опустошил чашку и вышел вместе с крепышом. — Знаете, есть в Берлингейме Анчо-стрит, роуд, авеню, или что-то подобное?

— Не-а, но если она там, то мы ее отыщем.

— Тогда поехали искать, — сказал Спейд, садясь рядом с шофером в темный седан «Кадиллак». — Нам нужен дом номер двадцать шесть — и чем скорее, тем лучше, но у парадной двери мы оста-

навливаться не станем.

— Заметано.

Они молча проехали с полдесятка кварталов. Шофер сказал:

— Слыхал, вашего напарника убили, мистер Спейд?

— Угу.

Шофер хмыкнул.

— Да, работенка у вас жесткая. Лучше уж баранку крутить, как я.

— Ну, наемные водители тоже не живут вечно.

— Может, это и так, — согласился крепыш, — но все равно я сильно удивлюсь, если не проживу вечно.

Спейд смотрел вперед невидящими глазами и, пока шоферу не надоело поддерживать разговор, отвечал безразличными «да» и «нет».

* * *

В Берлингейме шофер справился в ближайшей аптеке, как добраться до Анчо-авеню. Десять минут спустя он остановил седан на темном перекрестке, выключил фары и махнул рукой в сторону маячившего впереди квартала.

— Там она, — сказал он. — А вам нужно на другую сторону, третье или четвертое здание.

— Хорошо, — сказал Спейд и вышел из авто. — Не глуши мотор. Возможно, придется уезжать второпях.

Он перешел улицу и направился вглубь квартала. Вдалеке мерцал одинокий уличный фонарь. По обе стороны дороги ночь испещрили более теплые огоньки — там, где полдюжины домов сгрудились, образуя квартал. Высоко в небе тонкий месяц светил так же тускло и холодно, как и тот далекий уличный фонарь. Радио бубнило что-то невнятно из открытого окна на противоположной стороне улицы.

У второго дома Спейд остановился. На одном из воротных столбов, непропорционально массивных в сравнении с окружавшим забором, поблескивали под фонарем цифры «2» и «6» из бледного металла. Под ними на гвоздиках висела белая квадратная табличка, на которой Спейд разглядел объявление: «Продажа или аренда». Ворот между столбами не было. По бетонной дорожке Спейд направился к дому. В шаге от крыльца он замер и постоял неподвижно, прислушиваясь. В доме стояла тишина. Дом был темен, за исключением еще одной белой таблички на дверях.

Спейд поднялся по ступеням крыльца к входной двери и снова прислушался. И ничего не

услышал. Он попытался заглянуть сквозь стекло дверного окошка. На окошке не было занавески, но темнота внутри помешала что-либо рассмотреть. Спейд на цыпочках прокрался к одному окну, потом к другому. Они, как и входная дверь, были незанавешены и непроглядны. Он попробовал открыть хоть одно из них, но оба оказались заперты.

Сойдя с крыльца, он, осторожно ступая по незнакомой, заросшей сорняками почве, обошел вокруг дома. Торцевые окна находились слишком высоко, с земли до них не дотянуться. Задняя дверь и единственное окно с тыльной стороны, до которого удалось достать, были на засове.

Спейд вернулся к воротным столбам и, прикрыв пламя ладонями, поднес зажигалку к табличке «Продажа или аренда». На ней были напечатаны имя и адрес торговца недвижимостью в Сан-Матео и еще одна строчка, приписанная химическим карандашом: «Ключ в № 31».

Спейд вернулся к седану и спросил у шофера:

— Есть фонарь?

— Конечно, — сказал тот, протянув ему фонарик. — Помощь не потребуется?

— Возможно. — Спейд сел в машину. — Поехали к тридцать первому номеру. Можешь включить

фары.

Номером тридцать один оказалось серое здание на другой стороне улице, но не совсем напротив, а чуть дальше двадцать шестого. В окнах нижнего этажа горел свет. Спейд взошел на крыльцо и позвонил. Дверь открыла темноволосая девчушка лет четырнадцати-пятнадцати. Спейд поклонился ей и с улыбкой сказал:

— Я бы хотел взять ключ от двадцать шестого дома.

— Сейчас позову папу, — сказала девчушка, ушла вглубь дома и окликнула: — Папа!

На зов явился пухлый, румяный лысый человек с пышными усами. В руках он держал газету.

Спейд повторил:

— Я бы хотел взять ключ от двадцать шестого дома.

Толстяк, казалось, засомневался. Он сказал:

— Питание отключено. Вы там ничего не увидите.

Спейд похлопал по карману.

— У меня фонарь есть.

Сомнения толстяка, похоже, усилились. Он смущенно откашлялся и непроизвольно скомкал газету.

Спейд показал ему свою визитную карточку,

убрал ее в карман и сообщил, понизив голос:

— Мы получили наводку, что там может быть что-то спрятано.

Лицо и голос толстяка явно оживились.

— Погодите минутку, — сказал он. — Я пойду туда с вами.

Минуту спустя она вышел, неся медный ключ с черно-красной биркой на кольце. Проходя мимо машины, Спейд позвал шофера, и тот присоединился к ним.

— В последнее время кто-нибудь приходил осматривать дом?

— Нет, насколько мне известно, — ответил толстяк. — Уже месяца два ко мне за ключами никто не заглядывал.

Толстяк шагал впереди, неся ключ, но когда они поднялись на крыльцо, сунул ключ Спейду в руку, промямлил: «Нате» — и отступил в сторону.

Спейд отпер замок и толкнул дверь. Там царили безмолвие и мрак. Держа выключенный фонарь в левой руке, Спейд вошел. Шофер вошел сразу за ним, а сзади, чуть поотстав, следовал толстяк. Они обыскали дом снизу доверху, сперва осторожно, затем, ничего не обнаружив — смелее. Дом был пуст — и, несомненно, пустовал уже несколько недель. Ничто не указывало на то, что

здесь кто-то побывал.

* * *

Со словами: «Спасибо, на этом все» Спейд вышел из машины напротив гостиницы «Александрия». Он вошел в вестибюль и направился к столу, где молодой человек с мрачным, серьезным лицом сказал ему:

— Добрый вечер, мистер Спейд.

— Добрый вечер. — Спейд отвел молодого человека в сторонку. — А эти Гутманы — из двенадцатого «Си» — сейчас у себя?

Молодой человек ответил:

— Нет.

Он бросил быстрый взгляд на Спейда, а потом отвел глаза, помедлил, снова взглянул на Спейда и пробормотал:

— Кстати, странная вещь случилась сегодня вечером, мистер Спейд. Кто-то позвонил в «скорую» и сказал, что в номере больная девушка.

— А ее там не оказалось?

— Нет, там никого не было. Они все ушли чуть раньше.

Спейд сказал:

— Ну, видимо, какие-то шутники развлекались. Спасибо.

Он вошел в телефонную будку и вызвал номер.

— Алло… Миссис Перин?.. А Эффи можно?… Да, пожалуйста… Благодарю. Привет, ангелок! Что у нас хорошего?.. Отлично, отлично! Дождись меня. Я освобожусь через двадцать минут… Хорошо.

Полчаса спустя Спейд позвонил в дверь двухэтажного кирпичного здания на Девятой улице. Эффи Перин открыла дверь. Ее усталое мальчишеское личико светилось улыбкой.

— Привет, босс, — сказала она. — Входите. — Она понизила голос: — Если мама тебе что-то начнет высказывать, будь с ней поласковее. Она вся на нервах.

Спейд ободряюще усмехнулся и похлопал ее по плечу.

Она схватила его за руку.

— Мисс О'Шонесси?

— Нет, — рыкнул он. — Я в полном тупике. Ты уверена, что это был ее голос?

— Да.

Он скорчил злобную гримасу.

— Ну, нас надули.

Она провела его в ярко освещенную гостиную, вздохнула и опустилась на краешек честерфильдовского диванчика, устало, но весело улыбаясь Спейду.

Он сел рядом и спросил:

— Все прошло хорошо? О свертке ничего не сказала?

— Ничего. Я передала им то, что ты велел передать, и они, кажется, приняли как должное, что телефонный звонок был как-то с этим связан, и ты был занят расследованием.

— Данди там?

— Нет. Хофф, О'Гар и еще несколько человек, которых я не знала. Еще я разговаривала с капитаном.

— Они отвезли тебя в участок?

— О да, и задали мне кучу вопросов, но все это — сам знаешь — рутина.

Спейд потер ладони.

— Вот и славно, — сказал он и вдруг помрачнел. — Хотя, я не сомневаюсь, что они придумают, что сказать мне при встрече. Этот чертов Данди — уж точно, да и Брайан. — Он передернул плечами. — А никто из знакомых, помимо копов, не заглядывал?

— Да! — Она выпрямилась, сидя на диване. — Был тот парнишка, который раньше принес записку от Гутмана. Он не зашел внутрь, но полицейские оставили коридорную дверь открытой, и я видела его в дверном проеме.

— Ты ничего не сказала?

— Нет, что ты. Ты же не велел. Поэтому я не стала обращать на него внимание, а когда посмотрела в ту сторону в следующий раз, он уже исчез.

Спейд усмехнулся ей.

— Твое счастье, сестричка, что копы пришли раньше него.

— Почему?

— Этот тип — подонок. Ядовитый гад. Мертвецом оказался Якоби?

— Да.

Он сжал ее руки и встал.

— Мне пора бежать. А ты ложись баиньки. Вымоталась вся.

Она встала тоже.

— Сэм, а что это?..

Он прикрыл ей рот ладонью, не дав договорить.

— Подожди до понедельника, — сказал он. — Я должен улизнуть, пока твоя матушка не сцапала меня и не устроила очередную выволочку за то, что втягиваю ее ненаглядное дитятко в свои грязные дела.

* * *

Было уже заполночь, когда Спейд добрался домой. Он вставил ключ в замок входной двери в подъезд. За спиной по тротуару торопливо застучали каблучки. Он выпустил ключ и развернулся. Бриджит О'Шонесси по ступенькам бросилась к нему. Она обняла его и повисла на нем, тяжело выдохнув:

— Ох, я думала, ты уже никогда не придешь.

Ее лицо было изможденным, растерянным, дрожащим — дрожь сотрясала ее всю, с ног до головы.

Свободной рукой он снова взялся за ключ, открыл дверь и почти занес девушку внутрь.

— Ты ждала здесь? — спросил он.

— Да, — задыхаясь, выдавила она. — В подворотне… выше… по улице.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил он. — Может, тебя понести?

Она покачала головой, лежавшей у него на плече.

— Все со мной будет… хорошо… мне бы только… куда-нибудь… присесть.

Они поднялись на лифте на нужный этаж и подошли к квартире Спейда. Она отпустила его

руку и стояла рядом с ним, тяжело дыша, прижав ладони к груди, пока он отпирал дверь. Он включил свет в коридоре. Они вошли. Он закрыл дверь и, снова обняв ее, повел в гостиную. Когда они были в шаге от двери, в комнате зажегся свет.

Девушка закричала и прижалась к Спейду.

В дверном проеме гостиной, занимая его целиком, стоял жирдяй Гутман и благодушно улыбался. Уилмер появился из кухни позади них. Черные пистолеты казались гигантскими в его маленьких руках. Кейро вышел из ванной. Он тоже сжимал пистолет. Гутман сказал:

— Ну что ж, сэр, как видно, вся наша теплая компания в сборе. А теперь давайте войдем, сядем поудобнее и побеседуем.

Глава 18. Козел отпущения

Обнимая Бриджит О'Шонесси, Спейд скупо усмехнулся поверх ее головы:

— Конечно, мы побеседуем.

Гутмановы телеса подпрыгнули и заколыхались, когда он вперевалочку на три шага отступил от двери.

Спейд и девушка вместе прошли внутрь. За ними по пятам следовали недомерок и Кейро. Кейро задержался в дверном проеме. Недомерок убрал один пистолет в карман и вплотную подошел к Спейду со спины.

Спейд повернул голову и зыркнул на парня через плечо:

— Пошел прочь. Ты не будешь меня обыскивать.

— Заткнись и не рыпайся, — огрызнулся недомерок с пистолетом.

Ноздри Спейда зашевелились, он глубоко вдохнул и выдохнул. А потом сказал, не повышая голоса:

— Прочь. Только протяни ко мне свои лапы, и уже будешь вынужден применить оружие. Спро-

си у своего босса, хочет ли он пристрелить меня до того, как мы поговорим.

— Расслабься, Уилмер, — сказал толстяк. Он глядел на Спейда со снисходительным укором. — Воистину, вы упрямец, каких поискать. Что ж, давайте присядем.

— Я уже говорил, что ваш шестерка меня раздражает, — сказал Спейд и повел Бриджит О'Шонесси к дивану под окном. Они сели рядом в обнимку, она положила ему голову на левое плечо и сразу перестала дрожать и задыхаться.

В присутствии Гутмана и его спутников она, казалось, утратила свободу движений и выражения эмоций, свойственные живым существам, превратившись в одушевленное, мыслящее, но неподвижное растение.

Гутман погрузил свои жировые складки в кресло-качалку. Кейро устроился в кресле у стола. Шестерка Уилмер садиться не стал. Он сменил Кейро в дверном проеме и, опустив руку с единственным видимым пистолетом, смотрел из-под ресниц на туловище Спейда. Кейро свой пистолет положил на стол прямо перед собой.

Спейд снял шляпу и отшвырнул на другой конец дивана. Он усмехнулся, глядя на Гутмана. Нижняя губа, отвисшая в виде латинской «V» сде-

лала ухмылку Спейда похотливой, как у сатира.

— У вашей дочурки красивый животик, — сказал он. — Слишком красивый, чтобы царапать его булавкой.

Ответная улыбка Гутмана была вежливой, разве что немного елейной.

Шестерка в дверях сделал шажок вперед, приподняв пистолет на уровень бедра. Все присутствующие в комнате повернулись к нему. При всей разнице взглядов, была, как ни странно, некая общность в том осуждении, с каким смотрели на юнца Бриджит О'Шонесси и Джоэл Кейро. Парень покраснел, убрал выставленную вперед ногу, опустил пистолет и остался там, где стоял прежде, глядя из-под ресниц на грудь Спейда. Его румянец был довольно бледен, да и вспыхнул всего на мгновение, но выражение лица, обычно такого холодного и невозмутимого, радикально изменилось.

Гутман, блестя прищуренными глазками, снова елейно улыбнулся Спейду. Голос его напоминал учтивое мурлыканье:

— Да, сэр, жаль, конечно, но вы должны признать, что это возымело нужное действие.

Брови Спейда сошлись на переносице.

— Ничего подобного, — сказал он. — Естествен-

но, я захотел встретиться с вами, как только сокол оказался у меня. Почему бы и нет, если клиент платит наличными? В расчете на такую встречу я и отправился в Берлингейм. Полчаса спустя я еще не знал, что вы слоняетесь по городу, пытаясь убрать меня с дороги и найти Якоби до того, как он найдет меня.

Гутман хихикнул. Хихикнул с явным удовлетворением.

— Ну вот, сэр, — промурлыкал Гутман, — так или иначе, мы собрались здесь на эту нашу встречу в узком кругу, как вы и хотели.

— Да, как я и хотел. Как скоро вы готовы внести первый платеж и забрать у меня сокола?

Бриджит О'Шонесси села очень прямо, и ее синие глаза с удивлением уставились на Спейда. Он небрежно похлопал ее по плечу. Его глаза неотрывно следили за Гутманом. Глаза Гутмана весело поблескивали, прячась между припухлостями.

— Ну, что до этого, сэр… — начал он и сунул руку за пазуху пальто.

Кейро, уперев руки в бедра, весь подался вперед в своем кресле, дыша через приоткрытый нежный рот. Темные глаза его влажно и настороженно блестели, перебегая с лица Гутмана на

лицо Спейда и обратно.

Гутман повторил:

— Ну, что до этого, сэр… — И вынул из внутреннего кармана белый конверт. Десять глаз — глаза юнца теперь лишь наполовину скрывались под ресницами — вперились в этот конверт. Повертев его в пухлых руках, Гутман осмотрел чистую лицевую поверхность, затем тыльную сторону — незапечатанную, с заправленным внутрь клапаном. Гутман поднял голову, дружелюбно улыбнулся и бросил конверт Спейду.

Конверт был не слишком толст, но достаточно увесист, чтобы приземлиться точно. Он ударил Спейда в грудь и шлепнулся ему на колени. Спейд неторопливо поднял его и неторопливо открыл — двумя руками, убрав левую руку с плеча девушки. Содержимое конверта составляли тысячедолларовые купюры. Спейд вынул их и пересчитал. Купюр было десять. Спейд улыбнулся и поднял глаза. Он спокойно заметил:

— Мы говорили о несколько большей сумме.

— Да, сэр, говорили, — согласился Гутман, — но то было прежде. У вас в руках живые деньги, звонкая, так сказать, монета, сэр. Один такой реальный доллар стоит десяти договорных. — Телеса всколыхнулись от беззвучного смеха. Когда

волны жира улеглись, Гутман произнес куда более серьезным тоном: — Нас стало больше — и забот прибавилось. — Он скосил блестящие глаза на Кейро и сделал движение в его сторону брыластой головой. — Иными словами, сэр, ситуация изменилась.

Пока Гутман говорил, Спейд выровнял края десяти банкнот, сложил их в конверт и прикрыл клапаном. Теперь он сидел, опираясь локтями о колени и слегка придерживая двумя пальцами зажатый между ног конверт. Его ответ толстяку прозвучал совершенно невозмутимо:

— Само собой. Теперь вы есть друг у друга, но сокол-то у меня.

Заговорил Джоэл Кейро. Его уродливые пальцы вцепились в подлокотники кресла, он подался вперед и напыщенно произнес своим тонким голосом:

— Думаю, излишне напоминать, мистер Спейд, что хотя сокол и у вас, но сами вы — у нас.

Спейд усмехнулся.

— Постараюсь не допустить, чтобы сие обстоятельство меня обеспокоило. — Он сел прямо, отложив конверт в сторону, на диван, и обратился к Гутману: — К деньгам мы вернемся позже. Есть другие вещи, о которых стоит позаботиться

в первую очередь. Нам требуется козел отпущения.

Толстяк непонимающе насупил брови, но прежде, чем он открыл рот, Спейд пояснил:

— Полиции нужна жертва — человек, на которого она сможет повесить все три убийства. Мы…

Возбужденный визгливый голос Кейро перебил Спейда:

— Два! Только два убийства, мистер Спейд. Терсби застрелил ваш коллега — это несомненно.

— Ладно, два, — проворчал Спейд. — Какая разница? Суть-то в том, что мы должны скормить полиции какого-нибудь…

Теперь вмешался Гутман, лучившийся уверенной улыбкой. Добродушно и веско он произнес:

— Ну, сэр, мы весьма наслышаны о вас, и видели вас в деле, так что нам, пожалуй, не стоит беспокоиться на этот счет. Мы предоставим вам разбираться с полицией. Думаю, вам не понадобится наша дилетантская помощь.

— Если вы так считаете, то вы недостаточно наслышаны обо мне, и мало что видели.

— Бросьте, мистер Спейд. Вы же не рассчитываете, что после всего случившегося мы поверим, что вы хоть немного боитесь полиции или не

способны справиться с…

Спейд громко фыркнул. Он наклонился, снова уперся локтями в колени и раздраженно перебил Гутмана:

— Да ни черта я их не боюсь и могу с ними справиться. Именно это я и пытаюсь вам внушить. И предлагаю способ — бросить им кость, жертву, на которую они смогут повесить убийства.

— Что ж, сэр, я согласен с вами, что это один из возможных способов, но…

— Никаких «но», черт побери! Это единственный способ. — Глаза Спейда горели под покрасневшим лбом. Синяк на виске приобрел синевато-багровый цвет говяжьей печени. — Я знаю, о чем говорю. Я уже проходил через это и рассчитываю провернуть это снова. Время от времени мне случалось посылать к черту всех, вплоть до членов Верховного суда, и мне это сходило с рук. Мне это сходило с рук, потому что я никогда не позволял себе забыть, что день расплаты близок. И никогда не забываю, что в день расплаты я должен быть во всеоружии, чтобы войти в Главное полицейское управление, толкая перед собой жертву со словами: «Вот он, ваш преступник, болваны». Пока я на это способен, я могу оставить с носом все законы и всех законников. Как только

перестану — меня закопают. Но я еще ни разу не давал промашки. И впредь не намерен. Точка.

Глаза Гутмана сверкнули, на их гладкой поверхности шевельнулась рябь сомнения. Но выражение его улыбчивого, похожего на скопление розовых луковок лица ничуть не изменилось, да и в голосе не было ни намека на беспокойство.

— В данной системе есть масса преимуществ — ей-богу, сэр! — сказал он. — И если бы в этот раз она имела практический смысл, я первый воскликнул бы: «Держитесь ее во что бы то ни стало, сэр». Но сейчас как раз тот случай, когда это невозможно. Так всегда бывает с лучшими системами. Наступает время, когда приходится делать исключения, и мудрый человек просто берет и делает их, и двигается вперед. Что ж, сэр, именно так обстоят дела в данном случае, и я не премину сказать вам, что, по-моему, вам очень хорошо заплатили за то, чтобы вы сделали исключение. Возможно, вам это доставит немного больше хлопот, чем если бы вы передали полиции свою жертву, но… — он рассмеялся и развел руками, — …вы не из тех, кто боится небольших неприятностей. Вы знаете, как действовать, и знаете, что в конце концов останетесь на коне, что бы ни случилось. — Он поджал губы и при-

крыл один глаз. — Вы справитесь с этим, сэр.

Взгляд Спейда утратил теплоту. Желваки заиграли на его непроницаемом лице.

— Я знаю, о чем говорю, — тихо повторил он намеренно терпеливым тоном. — Это мой город и моя игра. Я мог бы и на этот раз остаться на коне — уж будьте уверены — но в следующий раз, когда я сделаю финишный рывок, меня осадят так быстро, что я проглочу свои зубы. К черту все это. Катитесь в свой Нью-Йорк, или Константинополь, или еще куда, а мне здесь жить и работать.

— Но вы же, конечно, можете… — начал было Гутман.

— Не могу, — искренне сказал Спейд. — И не буду. Я серьезно. — Он сел прямо. — Приятная улыбка осветила его лицо, стерев завесу непроницаемости и смягчив бугры желваков. Он быстро заговорил, голос его звучал приязненно и убедительно: — Послушайте, Гутман. Так будет лучше для всех нас. Если мы не дадим полиции козла отпущения, то десять к одному — рано или поздно они наткнутся на информацию о соколе. И тогда вам придется скрываться — где бы вы ни находились — и заработать состояние, продав сокола, вы не сможете. Дайте им козла отпущения, и они сразу остановятся.

— В том-то и вопрос, сэр, — ответил Гутман, и по-прежнему только в его глазах читалось легкая тревога. — Остановятся ли? А что, если наш козел отпущения станет для них новой зацепкой, которая, скорее всего, и приведет их к информации о соколе? С другой стороны, вы же сами сказали, что они уже остановились, так не лучше ли нам просто уйти со сцены?

На лбу у Спейда начала набухать дельтообразная вена.

— Господи боже! Да вы понятия об этом не имеете, — сказал он, едва сдерживаясь. — Они не спят, Гутман. Они затаились и выжидают. Постарайтесь понять это. Я увяз в этом деле по горло, и они это знают. Все будет в порядке, но только если я сделаю что-то до того, как грянет гром. А если не сделаю — все будет не в порядке. — Его тон снова стал убеждающим. — Слушайте, Гутман, мы обязательно должны принести им жертву. Другого выхода нет. Отдадим им шестерку, — он дружески кивнул в сторону двери, где стоял парень. — Это ведь он застрелил их обоих — и Терсби, и Якоби — да? В любом случае он просто создан для этой роли. Соберем на него необходимые улики и передадим его полиции.

Паренек в дверном проеме изогнул уголки

губ в некотором подобии улыбки. Предложение Спейда, похоже, не произвело на него особого впечатления. Смуглое лицо Джоэла Кейро приобрело желтоватый оттенок, он открыл рот и выпучил глаза от изумления. Он тяжело задышал, его округлая женственная грудь вздымалась и опадала, пока он, разинув рот, пялился на Спейда. Бриджит О'Шонесси отпрянула, повернулась на диване и уставилась на Спейда с испуганным замешательством. Было заметно, что она вот-вот разразится истерическим смехом.

Долгое мгновение Гутман оставался неподвижным и совершенно бесстрастным. А потом решил рассмеяться. Смеялся он долго, от души, не останавливаясь до тех пор, пока его блестящие глаза не наполнились веселыми слезами. А отсмеявшись, сказал:

— Да, сэр, никогда нельзя предугадать, что вы сделаете или скажете в следующий момент, за исключением того, что это обязательно будет нечто потрясающее.

— Здесь нет ничего смешного. — Спейда смех толстяка, судя по всему, ничуть не оскорбил и нисколько не впечатлил. Он говорил так, словно урезонивал упрямого и не вполне дальновидного приятеля. — Это наш наилучший выбор. Если он

окажется в руках у полиции, то она…

— Но, дорогой мой, — возразил ему Гутман, — как же вы не понимаете? Если бы я хоть на мгновение подумал об этом… нет, это просто нелепо. Я отношусь к Уилмеру, как к собственному сыну. Это так, поверьте. Но если бы я хоть на мгновение задумался о том, чтобы поступить так, как вы предлагаете, то, сами посудите, что помешает Уилмеру рассказать полиции все до мельчайших подробностей и о соколе, и обо всех нас?

Спейд усмехнулся плотно сжатыми губами.

— При необходимости, — тихо сказал он, — мы могли бы убить его при сопротивлении. Но нам не придется идти на такие крайности. Пусть говорит, что хочет. Я обещаю, что никто ничего с этим не сделает. Это довольно легко устроить.

Розовую плоть гутманова лба изрыли морщины. Нахмурившись, он опустил голову, так что оба его подбородка хлынули поверх воротника, и спросил:

— Как?

И вдруг с внезапной порывистостью, от которой его складки и луковки задрожали и забились друг о дружку, он поднял голову, извернулся, чтобы посмотреть на мальчишку и оглушительно расхохотался:

— А ты что об этом думаешь, Уилмер? Забавно, а?

Карие глаза парня холодно посверкивали из-под ресниц. Он сказал тихо и отчетливо:

— Да, забавно… сукин сын.

Спейд уже беседовал с Бриджит О'Шонесси.

— Ну, как себя чувствуешь, ангел мой? Уже получше?

— Гораздо лучше, вот только… — она понизила голос так, что последние слова невозможно было разобрать с расстояния больше двух футов, — я боюсь.

— Не стоит, — беззаботно сказал он и положил руку на ее колено, обтянутое серым чулком. — Ничего особенно страшного не случится. Хочешь выпить?

— Только не сейчас, спасибо. — Тут голос ее снова угас. — Будь осторожен, Сэм.

Спейд ухмыльнулся и посмотрел на Гутмана, ощутив на себе его взгляд. Некоторое время толстяк ничего не говорил, только добродушно улыбался, а потом спросил снова:

— Как?

— Что «как»? — валял дурака Спейд.

Толстяк счел необходимым посмеяться еще немного, а потом пояснил:

— Так вот, сэр, если вы действительно всерьез относитесь… к этому вашему предложению — то самое малое, что мы можем сделать — это выслушать вас, просто из вежливости. Итак, что же вы собираетесь предпринять, чтобы Уилмер… — тут он сделал паузу, чтобы снова посмеяться, — …не смог причинить нам никакого вреда?

Спейд покачал головой.

— Нет, я бы не хотел вот так пользоваться чьей-либо вежливостью, сколь бы простой она ни была, — ответил он. — Забудьте.

Толстяк сморщил луковки своего лица.

— Да ладно, ладно, — запротестовал он. — Вы ставите меня в неловкое положение, право же. Мне не следовало смеяться, и я приношу свои глубочайшие и искреннейшие извинения. Я бы не хотел, чтобы казалось, будто я высмеиваю все, что вы предлагаете, мистер Спейд, независимо от того, насколько сильно я с вами не согласен, потому что вы должны знать, что я испытываю величайшее уважение и восхищаюсь вашей проницательностью. Однако, прошу вас учесть, что я не вижу, каким образом ваше предложение может быть воплощено на практике — даже если вынести за скобки тот факт, что я отношусь к Уилмеру так, как если бы он был моей плотью и

кровью. Но я буду считать личным одолжением, а также знаком того, что вы приняли мои извинения, сэр, если вы продолжите и изложите все остальное.

— Вполне справедливо, — сказал Спейд. — Брайан похож на большинство окружных прокуроров. Его больше всего интересует, как выглядит на бумаге отчет о расследовании. Он скорее откажется от сомнительного дела, чем попытается копнуть глубже, тем самым подпортив себе репутацию. Я не знаю, случалось ли ему намеренно подставлять невиновных, но не могу даже вообразить, что он позволит себе поверить в чью-либо невиновность, если можно наскрести или подтасовать доказательства вины. Чтобы наверняка засудить одного человека, он отпустит на свободу полдюжины таких же виновных сообщников, если попытка отправить за решетку их всех грозит запутать его дело. Мы поставим его именно перед таким выбором, и он заглотит наживку. Он и знать не захочет ни о каком соколе. Он будет счастлив убедить себя, что все россказни нашего сосунка — не более, чем пустой треп, попытка все запутать. Положитесь на меня. Я смогу показать ему, что если он сваляет дурака и начнет хватать всех подряд, то получит запутанное дело, в кото-

ром не разберется ни один суд присяжных. Зато, если возьмет сопляка и будет за него держаться, то сможет добиться добротного обвинительного приговора.

Гутман медленно склонил голову набок, выражая мягкое и улыбчивое неодобрение.

— Нет, сэр, — сказал он. — Боюсь, так не пойдет, совсем не пойдет. Я не понимаю, как даже ваш окружной прокурор может связать Терсби, Якоби и Уилмера воедино, не прибегая к…

— Вы не знаете окружных прокуроров, — перебил Спейд. — С Терсби все просто. Он такой же бандит, как и ваш шестерка. У Брайана уже есть теория на этот счет. Тут вообще никаких загвоздок не будет. Господи! Вздернуть вашего боевичка они могут только один раз. Зачем судить его за Якоби, если он уже будет осужден за Терсби? Они просто закроют дело, все списав на него, и делу конец. И все будут довольны.

— Да, но… — начал Гутман и осекся, поглядев на мальчишку.

Парень отделился от дверного проема, и пошел, широко расставляя негнущиеся ноги, пока не оказался между Гутманом и Кейро, почти в центре комнаты. Там он остановился, слегка наклонившись вперед и расправив плечи. Рука с

пистолетом так и висела вдоль тела, но костяшки пальцев на его рукоятке побелели. Другая рука сжалась в маленький, твердый кулак. Неизгладимая молодость придавала неописуемо яростный — и нечеловеческий — оттенок раскаленной добела ненависти и холодной белой злобе на его лице.

Сдавленным от избытка эмоций голосом он обратился к Спейду:

— Вставай, ублюдок, сейчас я тебя взгрею!

Спейд улыбнулся мальчишке. Улыбался он не во весь рот, но с искренним, неподдельным весельем.

Парень сказал:

— Вставай, ублюдок, и отстреливайся, если духу хватит. Наслушался я твоего стёба досыта, отстебался ты, хмырь.

Улыбка Спейда стала еще веселее. Посмотрев на Гутмана, он сказал:

— Юность Дикого Запада. — Тон его был подстать улыбке. — Наверное, вам следует сказать ему, что если он пристрелит меня до того, как вы приберете к рукам сокола, это повредит делу.

Гутман предпринял попытку улыбнуться, не преуспел, но получившаяся в результате гримаса застыла на его пошедшем пятнами лице.

Пересохшим языком он облизал сухие губы. Его голос был слишком хриплым и жестким для того отечески-предостерегающего тона, которого он пытался добиться.

— Ну-ну, Уилмер, — сказал он. — Этого мы допустить не можем. Тебе не следует так распускаться и придавать подобным вещам слишком большое значение. Ты…

Не сводя глаз со Спейда, мальчишка процедил краешком рта:

— Тогда скажите, чтобы отвял от меня. Я шлепну его, если не заглохнет, и ничто меня не остановит.

— Тише-тише, Уилмер, — сказал Гутман и повернулся к Спейду. Теперь он уже вполне владел своим лицом и голосом. — Как я уже сказал в самом начале, сэр, ваш план неосуществим на практике. Давайте больше о нем не говорить.

Спейд перевел взгляд с одного на другого. И перестал улыбаться. Его лицо не выражало абсолютно ничего.

— Я говорю то, что мне нравится, — сказал он.

— Конечно, — поспешно ответил Гутман. — И эта ваша черта всегда меня восхищала. Но в данном случае, как я сказал, ваше предложение лишено практического смысла, поэтому нет ни

малейшей пользы в том, чтобы продолжать его обсуждение, как вы сами видите.

— Ничего я не вижу, — сказал Спейд. — Вы меня не убедили, да и не думаю, что смогли бы это сделать. — Сдвинув брови, он посмотрел на Гутмана. — Давайте-ка начистоту. Я попусту трачу время на разговоры с вами? Вы возомнили, что это ваше шоу. Может, мне побеседовать с вашим сопляком? Я знаю в этом толк.

— Нет, сэр, — ответил Гутман. — Вы совершенно правы, имея дело со мной.

Спейд сказал:

— Отлично. Тогда у меня другое предложение. Не такое хорошее, как первое, но лучше, чем ничего. Хотите послушать?

— Несомненно.

— Отдайте мне Кейро.

Кейро поспешно схватил со стола свой пистолет. Он упер его в колени, сжимая обеими руками. Дуло смотрело в пол чуть в стороне от дивана. Лицо его снова пожелтело. Черные глаза метались от одного лица к другому. Они казались плоскими, эти опаловые глаза, двумерными из-за своей непрозрачности.

Гутман переспросил, словно не верил своим ушам:

— Что я должен сделать?

— Выдайте полиции Кейро.

Казалось, Гутман вот-вот рассмеется, но он не рассмеялся. Наконец он неуверенно воскликнул:

— Ну, ей-богу, сэр!

— Конечно, это куда хуже, чем отдать им боевичка, — сказал Спейд. — Ведь Кейро — не бандит, и пистолет у него меньше, чем тот, из которого застрелили Терсби и Якоби. Придется приложить больше усилий, чтобы его подставить, но это лучше, чем вообще никого не выдать полиции.

Кейро визгливо закричал, дрожа от негодования:

— А давайте выдадим вас, мистер Спейд, или мисс О'Шонесси? Как насчет этого, раз вы так настаиваете, что необходимо кем-то пожертвовать?

Спейд улыбнулся левантийцу и ответил ему спокойным, ровным голосом:

— Вам нужен сокол, ребята. Он у меня есть. Козел отпущения — часть востребованного мной гонорара. А что касается мисс О'Шонесси… — Его бесстрастный взгляд скользнул по ее бледному, ошеломленному лицу и снова вернулся к Кейро, а плечи слегка приподнялись — всего на долю дюйма — и опустились. — Если вы считаете, что

ее можно приспособить для этой роли, я готов это с вами обсудить.

Сдавленно вскрикнув, девушка схватилась за горло и отодвинулась от Спейда еще дальше.

Кейро, лицо и тело которого подергивались от возбуждения, воскликнул:

— Вы, кажется, забыли, что вы не в том положении, чтобы диктовать условия!

Спейд не то хохотнул, не то фыркнул — хрипло и насмешливо.

Гутман произнес, стараясь замаскировать твердость голоса вкрадчивостью интонации:

— Будет вам, джентльмены, давайте вернем нашу беседу в дружеское русло. Но есть здравое зерно… — тут он обратился к Спейду, — …в том, что говорит мистер Кейро. Вы должны принять во внимание, что…

— Ни черта я не должен. — Спейд произнес это с грубой небрежностью, которая придала его словам больше веса, чем громкость или драматическая аффектация. — Если вы меня убьете, как вы собираетесь добыть птицу? Если я знаю, что вы не можете позволить себе меня убить, пока не получите ее, чем вы можете меня запугать, чтобы я вам ее отдал?

Гутман наклонил голову влево, обдумывая

этот вопрос. Его глаза поблескивали между сощуренных век. Ответ не заставил себя ждать и прозвучал добродушно:

— Что ж, сэр, имеются и другие способы убеждения, помимо убийства или угрозы убийством.

— Конечно, — согласился Спейд. — Но от них мало проку, если за ними не стоит угроза смерти, чтобы удержать жертву на месте. Смекаете, о чем я? Если вы попытаетесь сделать то, что мне не понравится, я этого не потерплю. Я устрою так, что вам придется либо прекратить это, либо убить меня, а я знаю, что мое убийство вы не можете себе позволить.

— Понимаю, о чем вы. — Гутман хихикнул. — Такое отношение, сэр, требует самого деликатного подхода с обеих сторон, потому что, как вы знаете, сэр, в пылу борьбы мужчины склонны забывать, в чем заключается их наилучший интерес, и позволяют эмоциям увлечь их за собой.

Спейд тоже так и лучился мягкой улыбкой.

— Моя стратегия нехитрая, — сказал он. — Удерживаться на позиции достаточно сильной, чтобы связывать вас по рукам и ногам, но в то же время не разозлить настолько, чтобы вы отвергли меня вопреки собственному здравому смыслу.

Гутман восхищенно сказал:

— Ей-богу, сэр, вы оригинал!

Джоэл Кейро вскочил со своего кресла и, обойдя парня сзади, встал за спинкой кресла Гутмана. Он перегнулся через спинку, прикрыв ладонью губы приблизил их к жирной раковине гутманова уха, и зашептал. Гутман внимательно слушал, закрыв глаза.

Спейд усмехнулся Бриджит О'Шонесси. Ее губы слабо улыбнулись в ответ, но глаза не улыбались, оцепенело уставившись на Спейда. Спейд повернулся к мальчишке:

— Два к одному, что они сдадут тебя, сынок.

Парень ничего не ответил. Дрожь в его коленях заставила дрожать штанины поверх них.

Спейд поинтересовался, обращаясь к Гутману:

— Надеюсь, вы не поддадитесь влиянию оружия, которым размахивают эти головорезы карманного формата?

Гутман открыл глаза. Кейро перестал шептать и выпрямился за креслом толстяка.

Спейд сказал:

— Я уже практиковался в том, чтобы обезоруживать их обоих, так что с этим проблем не будет. Этот ваш молокосос…

Сдавленным от волнения голосом мальчишка крикнул: — Ах так! — И резко вскинул пистолет.

Гутман протянул толстую руку к запястью мальчика, перехватил его и опустил вместе с пистолетом, а жирное тело Гутмана тем временем поспешно поднималось с кресла-качалки. Джоэл Кейро подскочил к парню с другой стороны и схватил за другую руку. Они крепко держали его за руки, силой заставляя опустить их, а тот отчаянно и тщетно сопротивлялся.

Из гущи этой борющейся группы долетали отдельные слова — обрывки бессвязной речи парня: «ладно… пшел… ублюдок… черномазый», гутмановы увещевания: «Тише, тише, Уилмер!», повторенные несколько раз, и «Нет, пожалуйста, не надо!» и «Не делай этого, Уилмер», сказанные голосом Кейро.

Спейд с каменным лицом и сонными глазами встал с дивана и подошел к этой троице. Парень, не в силах совладать с навалившейся на него массой, перестал сопротивляться. Кейро, все еще держа парня под руку, стоял к нему вполоборота и что-то говорил, успокаивая. Спейд мягко отодвинул Кейро и ударил парня левым кулаком в подбородок. Голова парня резко запрокинулась назад, насколько это было возможно, пока его удерживали за руки, а затем упала ему на грудь.

— Эй, что за?… — возмутился было Гутман, но

тут Спейд нанес парню удар правым кулаком в подбородок.

Кейро выпустил руку парня, и тот повалился на огромное, круглое пузо Гутмана. Тогда Кейро прыгнул на Спейда, вцепившись ему в лицо скрюченными пальцами обеих рук. Спейд с силой выдохнул и отшвырнул левантийца прочь. Кейро прыгнул на него снова. В его глазах стояли слезы, а красные губы гневно кривились, произнося слова, но совершенно беззвучно.

Спейд засмеялся.

— Ну ты и чудик, — проворчал он и шмякнул Кейро по щеке открытой ладонью, опрокинув его на стол.

Кейро восстановил равновесие и прыгнул на Спейда в третий раз. Спейд вытянул вперед свои длинные, крепкие руки и остановил его, сжав его лицо обеими ладонями. Кейро, не сумев дотянуться своими более короткими ручками до лица Спейда, ударил того по рукам.

— Прекрати, — прорычал Спейд. — А то больно будет.

— Ах ты, большой трус! — завопил Кейро и попятился.

Спейд наклонился, чтобы подобрать с пола пистолет Кейро, затем пистолет мальчишки. Он

выпрямился, держа оба пистолета дулом вниз за спусковые скобы указательным пальцем левой руки.

Гутман усадил мальчишку в кресло-качалку и стоял и смотрел на него озабоченными глазами, растерянно сморщив лицо. Кейро опустился на колени рядом с креслом и принялся растирать безвольную руку мальчишки.

Спейд ощупал его подбородок.

— Все цело, — сказал он. — Уложим его на диван.

Он просунул правую руку под мышку парня и обхватил его за спину, продел левое предплечье под колени, без видимых усилий поднял его и отнес на диван.

Бриджит О'Шонесси быстро встала, и Спейд положил парня. Правой рукой он похлопал парня по карманам, нашел второй пистолет, прибавил его к остальным, висевшим в его левой руке, и повернулся к дивану спиной. Кейро уже сидел в изголовье у мальчишки.

Спейд звякнул пистолетами и весело улыбнулся Гутману:

— Ну что ж, — сказал он, — вот и наш козлик отпущения.

Лицо Гутмана посерело, глаза затуманились.

Он не смотрел на Спейда. Уставившись в пол, он не произнес ни слова.

Спейд сказал:

— Черт, не вздумайте снова свалять дурака. Вы позволили Кейро нашептать вам, и вы держали мальца, пока я его отделывал. Вы не сможете превратить это в шутку, а если попытаетесь, то вас, скорее всего, пристрелят.

Гутман переминался на ковре с ноги на ногу и молчал.

— С другой стороны, — сказал Спейд, — или вы прямо сейчас соглашаетесь, или я сдам и сокола, и всю вашу чертову компашку.

Гутман поднял голову и пробормотал сквозь зубы:

— Мне не нравится это, сэр.

— А вам и не должно нравиться, — ответил Спейд. — Так что?

Толстяк вздохнул, скорчил гримасу и печально ответил:

— Можете его забрать.

— Вот и славно, — сказал Спейд.

Глава 19. Русский след

Мальчишка навзничь лежал на диване — его щуплая фигурка вполне сошла бы за труп, если бы не еле заметное дыхание. Сидевший рядом Джоэл Кейро склонился над ним, растирал щеки и запястья, приглаживал упавшие на лоб волосы, шептал ему что-то, тревожно вглядываясь в безжизненно-бледное лицо.

Бриджит О'Шонесси забилась в угол между столом и стеной. Одной рукой она упиралась в стол, другую прижимала к груди. Прикусив нижнюю губу, девушка украдкой поглядывала на Спейда всякий раз, когда он не смотрел на нее. Но стоило Спейду обратить на нее внимание — тут же переводила взгляд на Кейро и мальчишку.

С лица Гутмана сошло выражение озабоченности, оно снова порозовело. Толстяк засунул руки в карманы брюк и, стоя лицом к Спейду, наблюдал за ним без всякого любопытства.

Лениво позвякивая горстью пистолетов в руке, Спейд кивнул на ссутуленную спину Кейро и спросил Гутмана:

— А с этим проблем не будет?

— Не знаю, — спокойно сказал толстяк. — Все зависит исключительно от вас, сэр.

От спейдовой усмешки латинская «V» его подбородка обозначилась еще четче.

— Кейро! — позвал он.

Левантиец обернул к нему свое темное, встревоженное лицо.

Спейд сказал:

— Дайте ему спокойно отлежаться. Мы собираемся выдать его полиции. Надо обговорить все детали, прежде чем он очухается.

— Неужели вам не достаточно того, что вы с ним сотворили? — с горечью спросил Кейро.

Спейд ответил:

— Нет.

Кейро встал с дивана и подошел к толстяку.

— Пожалуйста, мистер Гутман, не делайте этого! — взмолился он. — Вы должны понять, что…

Спейд перебил его.

— Дело решенное. Вопрос только в том, как в связи с этим поступите вы. Участвуете? Или устранитесь?

Гутман улыбнулся — грустно, даже немного тоскливо, но все же кивнул головой.

— Мне самому это не по душе, — сказал он левантийцу, — но сейчас у нас нет другого выхода.

Решительно никакого.

Спейд спросил:

— Что скажете, Кейро? Вы в деле, или нет?

Кейро облизал пересохшие губы и медленно повернулся лицом к Спейду.

— Предположим… — сказал он. А что… у меня есть… выбор?

— Есть, — серьезно подтвердил Спейд, — но учтите, что если ответ будет «нет», то мы и вас отдадим полиции вместе с вашим сердечным дружком.

— Ах, перестаньте, мистер Спейд, — запротестовал Гутман, — это не…

— Черта с два мы дадим ему уйти, — сказал Спейд. — Либо он в деле, либо — нет. Мы не можем себе позволить оставлять хвосты. — Он посмотрел на Гутмана исподлобья и раздраженно выпалил: — Господи боже! Это что, первая вещь, которую вы стибрили? Тоже мне, невинные младенцы! А дальше что будет? Встанете на колени и помолитесь? — Он грозно посмотрел на Кейро. — Итак? Каков ваш ответ?

— Вы не оставляете мне выбора, — безнадежно пожал Кейро своими узкими плечами, — да, я в деле.

— Отлично, — сказал Спейд и посмотрел на

Гутмана и на Бриджит О'Шонесси. — Присядьте.

Девушка осторожно примостилась на краешке дивана у ног лежавшего без чувств паренька. Гутман вернулся в мягкое кресло-качалку, а Кейро сел в свое кресло. Спейд бросил пистолеты на угол стола и встал рядом с ними. Он взглянул на свои наручные часы и сказал:

— Два часа. Сокола я могу забрать только утром — не раньше восьми. У нас полно времени, чтобы все утрясти.

Гутман откашлялся.

— А где он? — спросил он и поспешно прибавил: — На самом деле мне все равно, сэр. Я только хочу заметить, что для всех заинтересованных сторон было бы лучше, если бы мы не теряли друг друга из виду до тех пор, пока не завершим наши дела. — Он бросил взгляд на диван, потом пристально посмотрел на Спейда: — Конверт у вас?

Спейд покачал головой, взглянул на диван, потом на девушку, улыбнулся одними глазами и сказал:

— У мисс О'Шонесси.

— Да, он у меня, — пробормотала она, сунув руку за отворот пальто. — Я подобрала его, чтобы…

— Все в порядке, — сказал он ей. — Держи его крепко. — Он обратился к Гутману: — Нам и не

придется терять друг друга из виду. Я могу устроить так, чтобы сокола доставили сюда.

— Это было бы просто прекрасно! — промурлыкал Гутман. — Значит, сэр, в обмен на десять тысяч долларов и Уилмера вы отдадите нам сокола и предоставите час-другой отсрочки, чтобы нас уже не было в городе к тому моменту, как вы передадите его властям.

— Вам не нужно скрываться, — сказал Спейд. — У вас будет железное алиби.

— Может быть, сэр, и все-таки мы будем чувствовать себя в большей безопасности, если окажемся за пределами этого города в тот момент, когда Уилмера будет допрашивать окружной прокурор.

— Как знаете, — ответил Спейд. — Могу придержать его хоть на весь день, если хотите. — Он начал сворачивать сигарету. — Давайте уточним детали. Почему он застрелил Терсби? И за что, где и как он застрелил Якоби?

Гутман снисходительно улыбнулся, покачал головой и промурлыкал:

— Да будет вам, сэр, на это вы рассчитывать не можете. Мы дали вам деньги и Уилмера. А остальное — ваша забота, согласно уговору.

— Я могу и рассчитываю на это, — сказал Спейд

и поднес зажигалку к сигарете. — Я просил дать мне козла отпущения, но он не будет таковым, разве что согласится взять вину на себя. Ну, а чтобы доказать эту вину, я должен знать, что к чему. — Он сдвинул брови. — О чем вы скулите? Черта с два вы отмажетесь, если оставите Уилмера без легенды.

Гутман наклонился и ткнул толстым пальцем в пистолеты на столе у бедра Спейда.

— Вот вам неопровержимое доказательство его вины, сэр. Обоих мужчин застрелили из этого оружия. Полицейским экспертам не составит труда подтвердить, что пули, убившие этих людей, были выпущены именно из этих пистолетов. Вам это известно, вы сами упоминали об этом. А значит, как мне кажется, это и есть неопровержимые доказательства его вины.

— Может быть, — согласился Спейд, — но все несколько сложнее, и я должен знать, что именно произошло — просто для уверенности, что не всплывут детали, которые не вписываются в общую картину.

Глаза у Кейро округлились и сверкнули.

— Очевидно, вы забыли, как сами уверяли нас, что это будет очень простое дело, — сказал Кейро. Он обратил возмущенное смуглое лицо к

Гутману: — Вот видите! Я советовал вам этого не делать. Я не думаю, что…

— Мне совершенно до лампочки, что вы там думаете или не думаете, — оборвал его Спейд. — Поздно, вы уже слишком глубоко увязли во всем этом. Почему он убил Терсби?

Гутман сплел пальцы на животе и закачался в кресле. Улыбка его была печальна.

— С вами необычайно трудно найти общий язык, — сказал он откровенно удрученным голосом. — Я начинаю думать, что мы совершили ошибку, не оставив вас в покое с самого начала. Ей-богу, сэр, это так!

Спейд небрежно махнул рукой.

— Все не так уж и плохо. Вы не попадаете в тюрьму и получаете сокола. Чего еще вам надо? — Он сунул сигарету в угол рта и сказал сквозь сжатые губы: — Как бы там ни было, вы знаете, как обстоит дело. Почему он убил Терсби?

Гутман перестал качаться.

— Терсби был отъявленным бандитом и сообщником мисс О'Шонесси. Мы знали, что убрав его, мы таким образом лишим ее весьма грозного защитника и заставим остановиться и подумать о том, что возможно, для нее было бы лучше все-таки уладить свои разногласия с нами. Видите,

сэр, я совершенно откровенен.

— Да. Так держать. Вы не думали, что сокол может быть у него?

Гутман так энергично покрутил головой, что его лицевые луковки затряслись.

— Ни минуты мы так не думали, — ответил он и благосклонно улыбнулся. — У нас было преимущество — мы слишком хорошо знали мисс О'Шонесси. И хотя тогда нам не было известно, что в Гонконге она отдала сокола капитану Якоби, чтобы тот доставил его сюда на «Паломе», пока они с Терсби доберутся на более скоростном судне, мы ни минуты не сомневались в том, что если кто и знает, где находится сокол, то это не Терсби.

Спейд задумчиво кивнул и спросил:

— Вы не попытались договориться с ним, прежде чем пустить в расход?

— Да, сэр, конечно пытались. Я лично беседовал с ним в тот вечер. Уилмер установил его местонахождение за два дня до этого и пробовал проследить за ним до встречи с мисс О'Шонесси, но Терсби оказался слишком опытен. Не знаю, заметил ли он слежку, но так или иначе, он от него оторвался. Так что Уилмер тем вечером вернулся в отель, где жил Терсби, узнал, что его там

нет и ждал снаружи. Я предполагаю, что Терсби вернулся к себе сразу после того, как убил вашего партнера. Как бы то ни было, Уилмер привел его ко мне. Мы ничего с ним не могли поделать. Он оказался непоколебимо предан мисс О'Шонесси. Итак, сэр, Уилмер проследил за ним до гостиницы и сделал то, что сделал.

Спейд задумался на мгновенье.

— Звучит правдоподобно. Теперь Якоби.

Гутман очень серьезно посмотрел на Спейда и сказал:

— Смерть капитана Якоби всецело на совести мисс О'Шонесси.

Девушка негромко ахнула и прикрыла рот ладонью.

Голос Спейда был весом и ровен.

— Сейчас это не имеет значения. Расскажите, что произошло.

Бросив на Спейда проницательный взгляд, Гутман усмехнулся.

— Как скажете, сэр. Что ж, Кейро, как вы уже знаете, связался со мной — я сам за ним послал — после того, как его выпустили из полицейского участка. Той же ночью, точнее утром, он был здесь. Мы признали взаимную выгоду от объединения сил. — Он улыбнулся левантий-

цу. — Мистер Кейро весьма сообразительный джентльмен. Именно он навел нас на «Палому». Тем утром он увидел в газете сообщение о ее прибытии и вспомнил, что, по слухам, Якоби и мисс О'Шонесси видели вместе в Гонконге. В то время он пытался разыскать ее там и даже подумал было, что она уплыла на «Паломе», хотя потом выяснилось, что это не так. Так вот, сэр, когда он прочел в газете объявление о прибытии судна, то догадался, что произошло: она отдала птицу Якоби, дабы тот переправил ее сюда. Разумеется, Якоби не знал, что это такое. Мисс О'Шонесси довольно скрытная особа.

Он лучезарно улыбнулся девушке, дважды качнулся в кресле и продолжил:

— Мистер Кейро, Уилмер и я поехали навестить капитана Якоби, и нам очень повезло, потому что у него мы застали мисс О'Шонесси. Беседа оказалась во многих отношениях сложной, но к полуночи мы уговорили мисс О'Шонесси принять наши условия, вернее, нам так показалось. Затем мы покинули корабль и поехали ко мне в отель, где я должен был расплатиться с мисс О'Шонесси и получить от нее птицу. Что ж, сэр, нам, простым мужчинам, следовало трижды подумать, прежде чем связываться с этой женщиной, ибо

мы переоценили свои возможности. По пути они с капитаном Якоби и соколом выскользнули из наших рук. — Он весело рассмеялся. — Ей-богу, сэр, это было красиво проделано.

Спейд посмотрел на девушку. Ее глаза, огромные и темные, с мольбой заглянули в его глаза. Он спросил Гутмана:

— А уходя, вы спалили за собой корабль?

— Ненамеренно, сэр, — ответил толстяк. — Хотя, должен признать, что мы — по крайней мере, Уилмер — виноваты в пожаре. Он переусердствовал, разыскивая сокола, пока остальные беседовали в каюте, и, вне всякого сомнения, был несколько неосторожен в обращении со спичками.

— Как это мило, — заметил Спейд. — Если из-за его небрежности нам все-таки придется отправить его на скамью подсудимых за убийство Якоби, можно будет заодно повесить на него и поджог. Ладно. Теперь о стрельбе.

— Что ж, сэр, полдня мы мотались по городу, пытаясь их найти, и все-таки разыскали. Сперва мы не были твердо уверены, что нашли их. Зато точно знали, что обнаружили квартиру мисс О'Шонесси. Но, постояв под дверью, мы услышали внутри шаги и догадались, что они там.

Мы позвонили в дверь, она спросила, кто мы — через дверь — и мы услышали, как в квартире открылось окно. Разумеется, мы поняли, что это означает, так что Уилмер со всех ног бросился вниз и обогнул здание с тыла, чтобы перекрыть пожарную лестницу. И когда он свернул в переулок, то буквально врезался в капитана Якоби, убегавшего с соколом под мышкой. Ситуация сложилась щекотливая, но Уилмер сделал все, что было в его силах. Он выстрелил в Якоби, и не один раз, но Якоби оказался весьма крепким парнем, он не упал и не выронил сокола. А Уилмер был слишком близко к нему, и не успел убраться с его пути. Якоби сбил Уилмера с ног и убежал. Все это происходило во второй половине дня, как вы понимаете, было светло. Когда Уилмер поднялся на ноги, то увидел, что со стороны соседнего квартала к нему приближается полицейский. Так что он решил не рисковать, шмыгнул в дверь черного хода соседнего с «Коронетом» здания, прошел его насквозь и выскочил через парадный подъезд на улицу, а потом присоединился к нам — на его счастье, сэр, при этом его никто не видел. И вот, сэр, мы снова оказались в тупике. Закрыв окно за Якоби, мисс О'Шонесси открыла дверь, впустив мистера Кейро и меня, а затем она… —

Гутман умолк, улыбнувшись воспоминаниям, и продолжил: — Мы убедили ее… назовем это так, сэр… — признаться, что она попросила Якоби доставить сокола вам. Казалось невероятным, что он смог дойти так далеко — даже если полиция его не остановила, но это был наш единственный шанс, сэр. Итак, мы снова убедили мисс О'Шонесси оказать нам небольшую помощь. Мы… эээ… убедили ее позвонить к вам в агентство, чтобы вытащить вас оттуда до прихода Якоби, и отправили по его следам Уилмера. К сожалению, мы слишком долго приходили к этому решению и убеждали мисс О'Шонесси…

Парень на диване застонал и перевернулся на бок. Глаза его несколько раз моргнули. Девушка встала и снова переместилась в угол между столом и стеной.

— …сотрудничать с нами, — поспешил договорить Гутман, — и таким образом сокол оказался у вас прежде, чем мы до вас добрались.

Мальчишка спустил на пол одну ногу, приподнялся на локте, вытаращил глаза, поставил на пол вторую ногу, сел и посмотрел вокруг. Когда его глаза сфокусировались на Спейде, замешательство во взгляде мальчишки как рукой сняло.

Кейро покинул кресло и подошел к парню. Он

приобнял его за плечи и начал что-то говорить. Сбросив руку Кейро, парень проворно вскочил на ноги. Он еще раз оглядел комнату и снова уцепился взглядом за Спейда. Лицо мальчишки посуровело, а тело напряглось до такой степени, что казалось, будто он весь втянулся и съежился.

Спейд, сидя на углу стола и беззаботно покачивая ногой, сказал ему:

— Теперь послушай меня, малец. Если ты подойдешь и начнешь махать руками, я дам тебе в морду. Сядь, закройся и веди себя прилично, тогда протянешь подольше.

Парень посмотрел на Гутмана.

Гутман добродушно улыбнулся ему и сказал:

— Что ж, Уилмер, мне, конечно, жалко тебя терять, и я хочу, чтобы ты знал: я не мог бы любить тебя больше, даже если бы ты был моим собственным сыном, но, ей-богу! — потеряв одного сына, всегда можно завести другого, а мальтийский сокол — один-единственный на свете.

Спейд рассмеялся.

Кейро наклонился и прошептал что-то мальчику на ухо. Тот, не отрывая холодного взгляда карих глаз от лица Гутмана, снова сел на диван. Левантиец примостился рядом.

Гутман вздохнул, но этот вздох никак не по-

влиял на его добродушную улыбку. Он сказал Спейду:

— Когда ты молод, ты просто не понимаешь некоторых вещей.

Кейро снова приобнял парня за плечи и зашептал. Спейд усмехнулся Гутману и сказал, обращаясь к Бриджит О'Шонесси:

— Пожалуй, было бы здорово, если бы ты пошла на кухню и сообразила нам что-нибудь поесть. Да свари побольше кофе, будь так любезна. Я не хочу бросать своих гостей.

— Конечно, — сказала она и направилась к двери.

Гутман перестал раскачиваться в кресле.

— Одну минуточку, дорогая! — Он вытянул вперед толстую руку. — Будет лучше, если конвертик вы оставите здесь. Не хочется, чтобы на нем появились жирные пятна.

Девушка вопросительно посмотрела на Спейда.

— Конверт по-прежнему его.

Она сунула руку за пазуху, вытащила конверт и отдала Спейду. Спейд бросил конверт на колени Гутмана со словами:

— Сядьте на него, если так боитесь потерять.

— Вы меня неверно поняли, — вкрадчиво

сказал Гутман. — Ничего я не боюсь, но дела следует вести по-деловому. — Он открыл конверт, достал тысячные банкноты и, пересчитав их, хохотнул так, что его брюхо подпрыгнуло. — Ну вот, к примеру, теперь здесь только девять купюр. — Толстяк разложил деньги у себя на коленях. — Когда я отдал вам конверт, их было десять, как сами прекрасно знаете. — Его широкая улыбка лучилась радостью и торжеством.

Спейд посмотрел на Бриджит О'Шонесси и спросил:

— Ну и?

Она выразительно покачала головой и ничего не сказала, хотя губы ее слегка шевельнулись на испуганном лице.

Спейд протянул руку, и Гутман вложил в нее деньги. Спейд их пересчитал — девять банкнот в тысячу долларов — и возвратил Гутману. Затем Спейд встал, лицо у него было тусклое и бесстрастное. Он взял со стола все три пистолета и сказал буднично, не повышая голоса.

— Я хочу в этом разобраться. Мы… — Он, не глядя, кивнул на девушку. — …идем в ванную. Дверь останется открытой, и я все буду видеть. Если вы не захотите прыгать с третьего этажа, другого пути для побега у вас нет, кроме как мимо

ванной комнаты. Не вздумайте валять дурака.

— В самом деле, сэр, — запротестовал Гутман, — нет никакой необходимости так с нами обращаться, и это не слишком-то вежливо с вашей стороны. Вы же сами должны знать, что у нас нет ни малейшего желания покинуть вас.

— Я много чего узнаю, когда закончу. — Спейд говорил спокойно, но решительно. — Этот новый трюк поставил меня в тупик. Я должен найти ответ. Мы скоро. — Он взял девушку под локоток. — Идем.

* * *

В ванной комнате к Бриджит О'Шонесси вернулся дар речи. Она положила руки Спейду на грудь, приблизила лицо к его лицу и прошептала:

— Я не брала ту банкноту, Сэм.

— А я и не думаю, что ты ее взяла, — сказал он. — Но мне надо убедиться. Раздевайся.

— Тебе недостаточно моего слова?

— Нет. Снимай одежду.

— Не буду.

— Ладно. Мы сейчас вернемся в комнату и я позволю им тебя раздеть.

Она отпрянула, прикрыв рот ладонью и спро-

сила сквозь пальцы:

— Ты позволишь?

— Конечно, — сказал он. — Я должен знать, что случилось с той банкнотой, и твоя девичья скромность не станет преградой.

— О, дело не в ней. — Она снова приблизилась к нему и положила руки ему на грудь. — Я не стыжусь раздеться перед тобой хоть догола, но мне… неужели ты не понимаешь? Мне это не нравится. Неужели ты не понимаешь, что если вынудишь меня, то этим ты… убьешь что-то между нами?

Он даже не повысил голоса.

— Я ничего об этом не знаю. Мне нужно узнать, что случилось с банкнотой. Снимай одежду.

Она посмотрела в его немигающие желто-серые глаза, и лицо ее сперва порозовело, а потом снова побелело. Она выпрямилась во весь рост и приняла раздеваться. Он присел на краешек ванны, одним глазом глядя на нее, а другим наблюдая за открытой дверью. Из гостиной не доносилось ни звука. Она быстро, не таясь, снимала один предмет гардероба за другим, роняя их на пол себе под ноги. Оставшись нагишом, она отступила на шаг от вороха одежды и стояла, глядя на Спейда — без вызова и без смущения на лице.

Он положил пистолеты на крышку унитаза и,

не спуская глаз с двери, встал на колени перед ее одеждой. Он осмотрел и прощупал каждый предмет в отдельности. Тысячедолларовую банкноту он не нашел. Закончив осмотр, Спейд встал, и подал ей белье и платье.

— Спасибо. Теперь я знаю.

Она взяла одежду. И не произнесла ни слова. Он забрал пистолеты и, закрыв за собой дверь ванной, вернулся в комнату.

Гутман дружески улыбнулся ему из кресла-качалки.

— Нашли? — поинтересовался он.

Кейро, сидевший рядом с парнишкой на диване, устремил на Спейда свои вопрошающие опаловые глаза. Мальчишка не поднял взгляда. Он сидел, скорчившись, обхватив голову обеими руками и сжав коленями локти, и смотрел в пол.

Спейд ответил Гутману:

— Нет, не нашел. Это вы ее заныкали.

— Я заныкал? — переспросил Гутман со смехом.

— Да. — Спейд звякнул пистолетами в руке. — Скажете что-нибудь, или встанете для досмотра?

— Встану для…?

— Либо вы признаетесь, — сказал Спейд, — либо я вас обыщу. Третьего не дано.

Гутман посмотрел в непреклонное лицо Спейда и рассмеялся от души.

— Ей-богу, сэр, я уверен, что вы бы это сделали. С вас станется, вы человек с характером, если позволите мне так выразиться.

— Вы припрятали ее, — сказал Спейд.

— Да, сэр, именно так. — Толстяк вытащил мятую купюру из жилетного кармана, разгладил ее на своей просторной ляжке, взял конверт с девятью тысячами из кармана пальто и прибавил разглаженную банкноту к остальным.

— Люблю, знаете ли, пошутить время от времени, к тому же мне было интересно, как поведете себя вы в подобной ситуации. Должен сказать, сэр, вы прошли это испытание с блеском. Мне и в голову не приходило, что вы изберете столь простой и прямолинейный способ докопаться до истины.

Спейд беззлобно усмехнулся.

— Подобного поступка я, скорее, ожидал бы от человека в возрасте вашего шестерки.

Гутман хохотнул.

Бриджит О'Шонесси, снова одетая, но без пальто и шляпки, вышла из ванной, шагнула в сторону гостиной, потом развернулась, пошла на кухню и включила там свет.

Кейро подсел к мальчишке поближе и снова что-то зашептал ему на ухо. Парень раздраженно дернул плечами.

Спейд посмотрел на пистолеты в своей руке, потом на Гутмана, вышел в прихожую к стенному шкафу. Открыл дверцу, положил пистолеты на крышку сундука, захлопнул дверцу, запер ее, спрятал ключ в карман брюк и направился к двери на кухню.

Бриджит О'Шонесси наполняла водой алюминиевую кофеварку.

— Все нашла? — спросил ее Спейд.

— Да, — не поднимая головы, холодно ответила она, отставила кофеварку в сторону и подошла к двери. Щеки ее горели, большие, влажные глаза глядели с упреком. — Не надо было так со мной, Сэм, — произнесла она тихо.

— Я должен был выяснить, ангелочек. — Он наклонился, нежно чмокнул ее в губы и вернулся в гостиную.

* * *

Ухмыляющийся Гутман протянул ему белый конверт со словами:

— Он и так скоро станет вашим, можете взять его прямо сейчас.

Спейд конверт не взял. Он уселся в кресло и сказал:

— Для этого еще будет время. Мы недостаточно подробно обсудили финансовый вопрос. Я рассчитываю получить больше десяти тысяч.

— Десять тысяч — это большие деньги, — произнес Гутман.

Спейд ответил:

— Вы прямо цитируете меня. Большие, но не бог весть какое богатство.

— Не бог весть какое, сэр, тут я с вами согласен. Но это огромные деньги, если учесть, что вы можете получить их всего за несколько дней работы, и ту легкость, с которой они вам достанутся.

— Вы считаете, что это было чертовски легко? — спросил Спейд и пожал плечами. — Что ж, может быть, но это уже мои дела.

— Конечно, ваши, — согласился толстяк. Он сощурил глаза, кивнул в сторону кухни и понизил голос: — А с ней поделитесь?

— Это тоже мое дело, — ответил Спейд.

— Конечно, ваше, — снова согласился толстяк, — но… — он помедлил, сомневаясь, — …я хотел бы дать вам совет.

— Валяйте.

— Если вы не собираетесь с ней делиться…

осмелюсь предположить, вы в любом случае ей что-то заплатите, но… если вы не дадите ей столько, сколько она рассчитывает получить, то… берегитесь!

В глазах Спейда промелькнул насмешливый огонек.

— Скверная девчонка?

— Скверная, — подтвердил толстяк.

Спейд усмехнулся и стал сворачивать сигарету.

Кейро, все еще бормоча что-то мальчишке на ухо, снова обнял его за плечи. Внезапно парень сбросил с себя его руку и, повернувшись всем телом на диване, в упор посмотрел на левантийца. Отвращение и гнев исказили его лицо. Маленькая рука сжалась в кулак и ударила Кейро в зубы. Кейро по-женски взвизгнул и отпрянул на самый край дивана. Он выхватил из кармана шелковый носовой платок и прижал ко рту. Потом отнял его ото рта, посмотрел на расплывшееся кровавое пятно. Он снова приложил платок к губам и с укором посмотрел на парня.

— Отлезь от меня, — прорычал мальчишка и снова закрыл лицо ладонями.

Носовой платок Кейро благоухал шипром на всю комнату.

На крик Кейро из кухни вышла Бриджит О'Шонесси и встала в дверях. Спейд, ухмыляясь, ткнул большим пальцем в сторону дивана:

— Превратности истинной любви. Как там наша еда, скоро?

— Скоро, — сказала она и вернулась на кухню.

Спейд прикурил сигарету и обратился к Гутману:

— Давайте поговорим о деньгах.

— Охотно, сэр. Со всем удовольствием, — отозвался толстяк. — Но я мог бы откровенно сказать вам прямо сейчас, что десять тысяч — это все, что я могу наскрести.

Спейд выдохнул облачко дыма.

— Я желаю получить двадцать.

— Жаль, что вашему желанию не суждено сбыться. Я бы с удовольствием вам их дал, но, слово чести, больше десяти я не протяну. Вы, конечно же, понимаете, сэр, что это лишь первый платеж. Позже, когда…

Спейд засмеялся:

— Знаю-знаю: позже вы дадите мне миллион, но сейчас давайте ограничимся первым платежом. Пятнадцать тысяч?

Гутман улыбнулся, нахмурился и покачал головой.

— Мистер Спейд, я уже сказал вам со всей откровенностью, дав честное слово джентльмена, что могу собрать только десять тысяч, десять тысяч — и ни центом больше.

— Но вы не сказали «категорически».

Гутман со смехом повторил:

— Категорически.

— Это не слишком хорошо, — мрачно сказал Спейд, — но если это лучшее, что вы можете мне дать — давайте.

Гутман протянул ему конверт. Спейд пересчитал банкноты, и как раз засовывал конверт в карман, когда в комнату вошла Бриджит О'Шонесси с подносом.

* * *

Парень есть не стал. Кейро ограничился чашкой кофе. Девушка, Гутман и Спейд съели приготовленную Бриджит О'Шонесси яичницу-болтунью с беконом, и тосты с джемом, и выпили каждый по две чашки кофе. Затем устроились поудобнее, чтобы скоротать остаток ночи.

Гутман курил сигару и читал «Знаменитые уголовные дела Америки», то и дело хихикая и отпуская комментарии насчет позабавивших его эпизодов. Кейро дулся на своем краю дива-

на, лелея разбитую губу. Мальчишка просидел, обхватив руками голову, до четырех часов утра. Затем он лег ногами к Кейро, повернулся лицом к окну и уснул. Бриджит О'Шонесси дремала в мягком кресле, слушая комментарии толстяка, и вела со Спейдом бессвязные беседы.

Спейд сворачивал и курил сигареты, прохаживаясь по комнате без суеты или нервозности. Иногда он присаживался то на подлокотник кресла девушки, то на угол стола, то на пол у ее ног, то на стул с прямой спинкой. Он был бодр, весел и полон сил.

В половине шестого он сходил на кухню и сварил еще кофе. Через полчаса мальчишка на диване заворочался, проснулся и сел, зевая. Гутман посмотрел на свои часы и спросил Спейда:

— Не пора ли уже?

— Подождите еще часок.

Гутман кивнул и снова погрузился в чтение.

В семь часов Спейд снял трубку и вызвал номер Эффи Перин.

— Алло, миссис Перин?.. Это мистер Спейд. Пожалуйста, позовите Эффи к телефону. Да, конечно… Спасибо. — Он тихонько просвистел две строчки из «Увидимся на Кубе». — Привет, ангелок. Извини, что разбудил… Да, виноват,

не то слово. Дело вот в чем: в нашем ящике на почте ты найдешь конверт, подписанный моей рукой. Внутри лежит квитанция на бандероль, которая прибыла на «Пиквик-Стейдж» — это наш вчерашний сверток. Не могла бы ты получить посылочку и принести ее ко мне на квартиру?.. Да, я дома… Вот и умница… поторопись… Пока.

Без десяти восемь раздался звонок домофона. Спейд подошел к переговорному устройству и нажал кнопку подъездного замка. Гутман отложил книгу и встал.

— Вы же не против, если я провожу вас до двери? — с улыбкой спросил он.

— О'кей, — разрешил Спейд.

Гутман прошел следом за ним к двери в коридор. Спейд открыл ее. Эффи Перин как раз выходила из лифта с коричневым свертком в руках. Ее мальчишеское личико сияло, и она пошла навстречу быстрым шагом, почти рысцой.

Бросив на Гутмана беглый взгляд, она больше не удостоила его вниманием. Улыбаясь Спейду, она отдала ему сверток. Тот взял его и сказал:

— Приношу свои глубочайшие извинения, леди, за испорченное утро выходного дня, но это…

— Но это не первое, что вы испортили, — ответила она, смеясь, а затем, когда стало ясно, что

он не собирается приглашать ее войти, спросила:
— Что-нибудь еще?

Спейд покачал головой:

— Нет, спасибо.

— Пока-пока, — сказала она и пошла к лифту.

Спейд закрыл дверь и внес сверток в гостиную. Лицо Гутмана раскраснелось, брыли подрагивали. Кейро и Бриджит О'Шонесси подошли к столу, когда Спейд положил туда сверток. Оба были взволнованы. Мальчишка встал, бледный и напряженный, но остался рядом с диваном, глядя на остальных из-под загнутых ресниц.

Спейд отступил от стола и произнес:

— Ну, вот и он.

Гутмановы толстые пальцы быстро справились с бечевкой, бумагой и стружкой, и в его руках оказалась черная птица.

— Ах, наконец-то, — хрипло сказал он, — спустя семнадцать лет! — Глаза его увлажнились.

Кейро облизал красные губы и сцепил руки. Девушка закусила нижнюю губу.

И она, и Кейро, как и Гутман, и Спейд, и мальчишка, тяжело дышали. Воздух в комнате был холодным, затхлым, пропитанным табачным дымом.

Гутман снова поставил сокола на стол и поша-

рил в кармане.

— Это он, но мы все же проверим. — Пот заблестел на его круглых щеках. Негнущимися пальцами он вытащил позолоченный перочинный нож и открыл его.

Кейро и девушка подошли к толстяку почти вплотную и встали по обе стороны от него. Спейд стоял чуть позади и мог одновременно наблюдать за мальчишкой и троицей у стола.

Гутман перевернул птицу вниз головой и поскреб ножом край подножия статуэтки. Черная эмаль осыпалась крошечными стружками, обнажив почерневший металл. Лезвие ножа Гутмана вонзилось в металл, срезав тонкую изогнутую стружку. Внутренняя поверхность стружки и узкая полоска, оставшаяся после ее удаления, имели мягкий серый оттенок свинца.

Гутман с шипением выдохнул сквозь стиснутые зубы. Жаркая кровь бросилась ему в лицо. Он перевернул птицу и рубанул ножом по голове. Но и там острие ножа обнажило свинец. Он уронил на стол нож и птицу, после чего развернулся к Спейду.

— Это подделка, — просипел толстяк.

Лицо Спейда помрачнело. Он медленно кивнул, но не было и намека на медлительность в

его руке, которую он протянул, чтобы схватить за запястье Бриджит О'Шонесси. Он притянул девушку к себе и другой рукой грубо вздернул ей подбородок и прорычал прямо в лицо:

— Шикарную шутку ты сыграла. А теперь рассказывай.

Она закричала:

— Нет, Сэм, нет! Это та самая, которую я взяла у Кемидова, клянусь тебе, что…

Джоэл Кейро втиснулся между Спейдом и Гутманом и принялся извергать слова брызжущим потоком:

— Это все он! Это он! Этот русский! Я должен был догадаться! Каким дураком мы его считали, а он всех нас оставил в дураках! — Слезы лились по щекам левантийца, он словно приплясывал взад-вперед. — Ты все испортил! — заорал он на Гутмана. — Ты и твоя глупая попытка купить это у него! Ты, жирный дурак! Ты дал ему понять, что это ценная вещь, и он узнал, насколько ценная, и сделал для нас копию! Неудивительно, что так легко удалось ее украсть! Неудивительно, что он с таким рвением отправил меня искать ее по всему миру! Ты идиот! Надутый идиот! — Кейро закрыл лицо руками и зарыдал.

У Гутмана отвисла челюсть. Он заморгал пу-

стыми глазами. Затем он встряхнулся и к тому времени, как перестали ходить ходуном его телеса, снова превратился в жизнерадостного толстяка.

— Будет вам, сэр, — добродушно сказал он, — не стоит отчаиваться. Всем свойственно ошибаться, уверяю, для меня это такой же тяжелый удар, как и для любого из вас. Да, здесь явный русский след — в этом нет никаких сомнений. Итак, сэр, что вы предлагаете? Встать в кружок, заливаясь слезами и обзывая друг дружку? Или нам следует… — Гутман умолк и одарил всех улыбкой херувима. — …отправиться в Константинополь?

Кейро отнял руки от лица и выпучил глаза. Заикаясь, он пролепетал:

— В-вы о чем?

Изумление, сменившееся озарением, лишило его дара речи.

Гутман хлопнул в толстые ладоши. Его глаза заблестели. Голос превратился в самодовольное гортанное урчание:

— Семнадцать лет я мечтал об этой вещице и жаждал ее заполучить. Если мне придется потратить на поиски еще год — что ж, сэр, это будет дополнительным расходом времени, который составит всего… — Его губы беззвучно шевелились,

пока он подсчитывал в уме, — ...пять и пятнадцать семнадцатых процента.

Левантиец нервно хихикнул и закричал:

— Я еду с вами!

Спейд неожиданно выпустил запястье девушки и оглядел комнату. Уилмера в ней не было. Спейд вышел в прихожую. Дверь в общий коридор была открыта. Спейд зло скривился, захлопнул дверь и вернулся в гостиную. Он прислонился к дверному косяку и уставился на Гутмана и Кейро. Он смотрел на Гутмана долго и угрюмо, а потом заговорил, подражая гортанному урчанию толстяка:

— Ну что ж, сэр, должен заметить, воры из вас просто шикарные!

Гутман захохотал.

— Нам нечем похвастаться, и это факт, сэр, — сказал он. — Но, что ж, никто из нас еще не умер, и нет смысла думать, что наступил конец света только потому, что мы столкнулись с небольшой неудачей. — Он вытащил левую руку из-за спины и протянул ее Спейду розовой гладкой бугристой ладонью вверх. — Я вынужден попросить у вас конверт, сэр.

Спейд не пошевелился. Лицо его окаменело. Он сказал:

— Я свое дело сделал. Вы получили своего исту-

кана. И это ваша беда, а не моя, что он оказался не тем, чего вы хотели.

— Перестаньте, сэр, мы все потерпели неудачу, и нет никаких резонов рассчитывать, что кто-то один из нас понесет на себе всю ее тяжесть, и… — Гутман вынул из-за спины правую руку. А в ней оказался маленький пистолет, украшенный изящной гравировкой и инкрустацией из серебра, золота и перламутра. — Короче говоря, сэр, я должен попросить вас вернуть мои десять тысяч долларов.

Выражение лица Спейда не изменилось. Он пожал плечами и вынул конверт из кармана. Уже протянув его Гутману, он передумал, открыл конверт и достал оттуда одну тысячедолларовую банкноту. Эту банкноту он убрал в карман брюк, затем заправил клапан внутрь конверта с остальными деньгами и отдал их Гутману.

— Это возместит мне потраченное время плюс расходы, — сказал он.

После небольшой паузы Гутман, подражая Спейду, пожал плечами и принял конверт.

— А теперь, сэр, мы с вами распрощаемся, если, конечно… — Вокруг его глаз собрались морщинки. — …вы не согласитесь отправиться с нами в константинопольскую экспедицию. Не поедете?

Что ж, сэр, сказать по правде, мне бы хотелось, чтобы вы составили нам компанию. Вы мне нравитесь, вы человек огромных возможностей и отменного здравомыслия. Поскольку мы знаем, что вы человек здравомыслящий, мы можем попрощаться с вами со всей уверенностью в том, что вы сохраните в тайне детали нашего маленького предприятия. Мы знаем, что можем рассчитывать на то, что вы оцените тот факт, что в сложившейся ситуации любые юридические трудности, которые преследуют нас в последние несколько дней, в равной степени коснутся и вас, и очаровательной мисс О'Шонесси. Я уверен, вы достаточно проницательны, чтобы осознать это, сэр.

— Осознаю́, — ответил Спейд.

— В этом я не сомневался. А еще я уверен в том, что теперь, когда альтернативы нет, вы как-нибудь управитесь с полицией и без козла отпущения.

— Все будет в порядке, — ответил Спейд.

— Я в этом уверен. Ну, сэр, долгие проводы — лишние слезы. Адью. — Гутман величаво поклонился. — Адью, мисс О'Шонесси. Оставляю этот раритет на столе вам в качестве маленького сувенира.

Глава 20. Если тебя повесят

После того, как Каспер Гутман и Джоэл Кейро ретировались, Спейд еще добрых пять минут стоял неподвижно в прихожей, мрачно созерцая ручку открытой двери в гостиную. Брови его были насуплены. Складки у рта залегли глубже и покраснели. Губы резко выпячивались на каждом выдохе. Спейд сжал их, снова превращая в четкую латинскую «V», и шагнул к телефону. На Бриджит О'Шоннеси, застывшую у стола в комнате и не сводившую с него встревоженных глаз, он не обращал никакого внимания.

Он взял аппарат в руки, потом вернул на место и наклонился, чтобы свериться с телефонной книгой, свисавшей в углу полки. Быстро перелистал страницы, нашел нужную, провел пальцем по столбцу, выпрямился и снова снял телефон с полки. Вызвал нужный номер и сказал:

— Алло! Сержант Полхаус на месте? Не могли бы вы его позвать… Это Сэмюэль Спейд. — Ожидая, он устремил бесцельный взор в пространство. — Привет, Том, у меня для тебя кое-что есть… Да, лучше запиши. Начнем с того, что Терсби и Якоби

застрелил парень по имени Уилмер Кук. — Спейд продиктовал подробный словесный портрет юноши. — Он работает на некоего Каспера Гутмана. — Спейд описал и толстяка. — С ними и тот тип, Кейро, с которым ты познакомился у меня… Да-да, тот самый… Гутман проживает в «Александрии», номер двенадцать «Си»… ну, или, во всяком случае, проживал… Они только что были здесь и постараются как можно быстрее свалить из города, так что и ты поторопись… Впрочем, не думаю, что они опасаются погони. Еще с ними девушка, дочь Гутмана. — Он дал описание Реи Гутман. — С парнишкой держите ухо востро, когда будете его брать. Судя по всему, он чертовски лихо управляется с пушкой… Верно, Том, у меня и впрямь есть веские основания. А именно — пистолеты, из которых, предположительно, были застрелены… Вот именно. Давай, действуй — и удачи тебе.

Спейд медленно повесил трубку на рычаг, а телефон так же медленно поставил на полку. Он облизнул губы и посмотрел на свои руки. Ладони были влажные. Он сделал глубокий вздох. Глаза сверкнули в прищуре век. Он повернулся и в три больших быстрых шага оказался в комнате. Бриджит О'Шоннеси, пораженная внезапностью

его появления, выдохнула с легким смешком.

Спейд стоял почти вплотную к ней, лицом лицу, высокий, мощный, мускулистый. Сузив глаза и холодно улыбаясь, он заговорил:

— Они быстро расколются — насчет нас. Мы сидим на пороховой бочке, и у нас всего несколько минут, чтобы подготовится к визиту полиции. Выкладывай все начистоту, да поживее. Гутман посылал вас с Кейро в Константинополь?

Она хотела было заговорить, но запнулась и прикусила губу. Он положил руку ей на плечо.

— Рассказывай, черт тебя побери. Мы с тобой в одной лодке, и даже не думай, что тебе удастся выпрыгнуть. Говори. Посылал он вас в Константинополь?

— Н-ну… он отправил туда меня. Там я познакомилась с Джо и… и уговорила его помочь мне. И мы с ним…

— Обожди. Ты попросила Кейро помочь тебе ограбить Кемидова?

— Да.

— И вы делали это для Гутмана?

Она снова заколебалась, поежилась под его жестким, упорным взглядом, сглотнула и выдавила с трудом:

— Н-нет, не совсем… Тогда мы с Джо уговори-

лись, что работаем на себя.

— Замечательно. А потом?

— Потом… потом я испугалась, что Джо планирует меня обставить, так что я… я попросила Флойда Терсби помочь мне.

— И он согласился. Что было дальше?

— Дальше — мы забрали товар и отправились в Гонконг.

— Втроем? Или от Кейро вы ухитрились избавиться?

— Да. Он остался в Константинополе… угодил там в тюрьму… были какие-то неприятности с чеком.

— И, вы, разумеется, приложили руку к этим неприятностям, чтобы задержать его?

Она смущенно покосилась на него и прошептала:

— Да.

— Понятно. Итак, вы с Терсби оказались в Гонконге, а с вами — наша птичка.

— Да, но потом… я ведь тогда совсем его не знала и сомневалась, можно ли ему доверять… Я решила, что ради собственной безопасности… Словом, я познакомилась с капитаном Якоби и, услышав, что его судно вскоре отправляется в Сан-Франциско, я попросила его отвезти туда посылку, в

которую и упаковала статуэтку. Поскольку я не могла быть уверена ни в Терсби, ни в Кейро, ни в ком-то из подручных Гутмана, это показалось мне единственным выходом из положения.

— Ясненько. А вы с Терсби дунули прямиком сюда на более быстроходном судне, верно? И что же было потом?

— Потом… потом я начала бояться Гутмана. У него такие связи — везде свои люди — я знала, он мигом выяснит, что мы натворили. Наш побег в Сан-Франциско вряд ли остался тайной. Гутман тогда был в Нью-Йорке и, получив каблограмму о нашем отплытии, мог сразу же сесть на пароход и оказаться здесь одновременно с нами, и даже раньше. Так и вышло. Тогда я этого не знала, но опасалась, что так случится, однако мне нужно было дожидаться прибытия судна капитана Якоби. Я ужасно боялась, что Гутман отыщет меня, или найдет Флойда и подкупит его, чтобы он меня выдал… Потому-то я пришла к тебе и попросила проследить за Флойдом…

— И все-то ты врешь, — прокомментировал Спейд. — Ты отлично понимала, что Флойд плотно сидит у тебя на крючке. Женщины всегда были его слабостью. Его полицейское досье свидетельствует, что в неприятности он всякий раз попадал

именно из-за баб. И упорно продолжал наступать на те же грабли. Может, ты и незнакома с его послужным списком, но прекрасно знала, что никакой опасности он для тебя не представляет.

Девушка зарделась и одарила его застенчивым взглядом. Спейд продолжал:

— Ты хотела убрать его с дороги до того, как Якоби заявится с вашей добычей. В чем именно заключался твой план?

— Я… я знала, что он удрал из Штатов после стычки с каким-то игроком. Я не знала, в чем там было дело, но подумала — если у Флойда серьезные неприятности, тогда, заметив сыщика, он решит, что все это из-за старых делишек, испугается и сбежит. Я понятия не имела, что он способен…

— Это ты сказала ему о слежке, — уверенно прервал ее Спейд. — Майлз, конечно, был не семи пядей во лбу, но и не настолько неуклюж, чтобы объект наблюдения засек его в первый же вечер.

— Да, это я его предупредила. Когда мы вышли прогуляться, я притворилась, что обнаружила слежку, и указала Флойду на мистера Арчера. — Девушка всхлипнула. — Но, Сэм, умоляю, поверь мне — я бы ни за что так не поступила, если бы знала, что Флойд его убьет. Я надеялась, он просто

всполошится и уедет из города. Я даже не думала, что он может его застрелить!

Спейд улыбнулся одними губами, но глаза его были холодны.

— Что ж, ангелочек, если ты и впрямь так не думала, то оказалась совершенно права.

Девушка подняла к нему лицо, выражавшее крайнее изумление.

— Терсби не стрелял в Майлза, — продолжал Спейд. — Майлз действительно звезд с неба не хватал, но, Господи помилуй! Он был слишком опытным детективом, чтобы тип, которому он сел на хвост, его вот так запросто подловил. В тупике, с пистолетом в кобуре под застегнутым пальто? Да ни за что на свете в это не поверю. Конечно, Майлз мог свалять дурака, как и любой из нас — но это уже верх идиотизма. Оба выхода из переулка отлично просматриваются с Бушстрит поверх туннеля. По твоим же собственным словам, Терсби — паршивый актер. Он никак не смог бы ни заманить Майлза в этот переулок, ни затащить туда силой. Майлз был тупицей, но не до такой же степени. — Спейд провел языком по деснам, ласково улыбнулся девушке. И сказал: — Но он пошел бы туда с тобой, мой ангел, предварительно убедившись, что кроме вас двоих там

никого нет. Ты была его клиенткой, так что у него не имелось причин не доверять твоим словам. И если бы ты догнала его и попросила свернуть с тобой в переулок, он бы не отказался. Для этого он был достаточно глуп. Он окинул бы тебя взглядом с ног до головы, облизнулся и пошел бы с тобой, ухмыляясь как дебил. И тогда ты могла бы подобраться к нему в темноте достаточно близко, и прикончить из пистолета, который ты умыкнула у Терсби.

Бриджит О'Шонесси попятилась и уперлась в край стола. Испуганно таращась на Спейда, она закричала:

— Не говори… не говори со мной так, Сэм! Ты же знаешь, я этого не делала! Ты же знаешь…

— Прекрати. — Спейд кинул взгляд на свои наручные часы. — В любую секунду сюда ворвутся копы, а мы все еще сидим на пороховой бочке. Говори!

Она прижала ладонь ко лбу тыльной стороной.

— О! Как ты можешь обвинять меня в таком ужасном…

— Да прекратишь ты наконец свои штучки? — тихо, но резко оборвал ее Спейд. — Тут тебе не детская площадка с песочницей. Слушай меня внимательно. Мы с тобой в шаге от виселицы. —

Он схватил ее за запястья и поставил прямо перед собой. — Говори!

— Я… я… как ты узнал, что он… что он облизнулся и… пялился на меня?

Спейд хохотнул.

— Я хорошо знал Майлза. Но это не важно. Зачем ты его застрелила?

Она проглотила комок в горле, голос ее стал смиренным и кротким.

— Да, я лгала тебе, Сэм. Я рассчитывала, что Флойд… я… я не могу рассказывать это, глядя тебе в глаза, Сэм. — Она настойчиво притягивала к себе его голову, пока ее щека не прильнула к его щеке. Губы ее оказались возле его уха и шепнули: — Я понимала, что Флойда не так-то легко напугать, но надеялась, что, если он узнает о слежке, то, увидев этого человека, он… О, Сэм, я не могу это выговорить! — Она всхлипывала, прижимаясь к нему.

Спейд сказал:

— Ты задумала стравить Флойда и Майлза, рассчитывая, что один из них падет в этой схватке. Если погибнет Терсби, ты разом избавишься от него. Если будет убит Майлз, ты устроишь так, чтобы Флойда поймали, и, опять-таки, от него избавишься. Таков был план?

— Д-да, что-то в этом роде…

— Но, когда выяснилось, что Терсби вовсе не горит желанием идти на конфликт с Майлзом, ты позаимствовала его пистолет и сделала все сама. Я прав?

— Да, но все было не совсем так…

— Не совсем, но довольно похоже. И ты планировала именно это с самого начала. Ты рассчитывала, что Флойда арестуют по обвинению в убийстве…

— Я… я просто надеялась, что его задержат на какое-то время, по крайней мере, до тех пор, пока капитан Якоби не привезет сокола, к тому же…

— К тому же тогда ты еще не знала, что Гутман в Сан-Франциско и разыскивает тебя. Ты не подозревала об устроенной облаве, иначе не стала бы подставлять своего парня. Но, узнав, что Терсби застрелили, ты сообразила, что Гутман уже здесь. Поняла, что тебе потребуется новый защитник, и поэтому переключилась на меня. Я верно излагаю?

— Да, но… О, милый, ведь дело было не только в этом! Рано или поздно я все равно бы к тебе вернулась. С первого взгляда я поняла, что…

— Ты ангел! — нежно сказал Спейд. — Что ж, лет через двадцать, если тебе повезет, ты выйдешь

из Сан-Квентина и тогда сможешь вернуться ко мне.

Она оторвала щеку от его щеки, откинула голову и недоуменно уставилась на Спейда.

Спейд, бледный, как мел, продолжал ласковым голосом:

— Надеюсь, моя прелесть, они не повесят тебя за эту очаровательную шейку. — Он поднял руки, чтобы погладить ее хрупкое горло.

В мгновение ока она вырвалась из его объятий, прижалась спиной к столу, точно пытаясь не сползти на пол, обе руки защищали шею. На осунувшемся лице проступила ярость. Пересохший рот беззвучно открывался и закрывался. Она сказала тихо, тускло: «Ты не...» — и больше не могла вымолвить ни слова. Лицо Спейда теперь было изжелта-белым. Губы заулыбались, глаза заблестели и от них тоже протянулись лучики смеха. Голос звучал мягко, вкрадчиво. Он сказал:

— Я намерен тебя сдать. Есть вероятность, что тебе удастся избежать смертного приговора. Это значит, что через двадцать лет ты снова окажешься на свободе. Ты ангел. Я буду ждать тебя. — Спейд откашлялся. — Ну, а если тебя повесят, я буду помнить тебя до конца своих дней.

Девушка опустила руки и выпрямилась. Ее ли-

цо разгладилось и обрело прежнее безмятежное выражение, лишь в глазах едва-едва мерцал подозрительный огонек. Она одарила его ответной улыбкой — очень нежной.

— Не надо, Сэм, не говори так, даже в шутку. О, на мгновение ты меня напугал! Я и впрямь подумала, что ты… Порой ты совершаешь такие дикие и непредсказуемые поступки, что… — Она осеклась. Наклонилась и пристально взглянула ему в глаза. Ее щеки и губы вдруг задрожали, страх вернулся в ее глаза. — Сэм! Ты ведь не…

Она снова прижала руки к горлу и сгорбилась. Спейд рассмеялся. Его желтовато-белое лицо было мокрым от пота, и, хотя он все еще улыбался, мягкость в голосе сменилась хрипотцой.

— Не валяй дурака, — проскрежетал он. — Ты во всем чистосердечно признаешься. Одному из нас не выйти сухим из воды после всего, что напоют в полиции эти пташки. Если бы я взял вину на себя, меня бы точно повесили. А тебе, скорее всего, повезет больше. Ну?

— Но… но, Сэм… ты не можешь! После всего, что было между нами… Ты просто не сможешь!

— Еще как смогу.

Она судорожно вздохнула.

— Так ты просто играл со мной? Притворялся,

что я тебе не безразлична — чтобы заманить меня в ловушку? А я для тебя ничто? Ты не… не… не л-любишь м-меня?

— Может, и люблю, — сказал Спейд. — И что с того? — Мускулы, удерживающие улыбку на его лице, превратились в желваки. — Я не Терсби. И не Якоби. Я не твоя марионетка.

— Это несправедливо! — вскричала она со слезами на глазах. — Это несправедливо и низко с твоей стороны. Ты же знаешь, что все не так. Ты не имеешь права так говорить.

— Еще как имею, — отозвался Спейд. — Ты легла со мной в постель, чтобы я перестал задавать вопросы. Вчера ты заманила меня к Гутману этим фальшивым призывом о помощи. Вечером ты привела сюда всю компашку, дождалась меня внизу и вошла вместе со мной. Когда ловушка захлопнулась, ты была в моих объятиях, и я не смог бы выхватить оружие, даже будь оно у меня, и не смог бы вступить в схватку, даже возникни у меня такое желание. Они ушли отсюда, не прихватив тебя, только потому, что Гутман достаточно здраво мыслит и не доверяет тебе — за исключением тех коротких промежутков времени, когда у него просто нет другого выхода. Он не сомневался, что я — твое послушное орудие и, не

желая навредить тебе, не причиню вреда и ему.

Бриджит О'Шоннеси сморгнула слезы. Шагнула к нему и, гордо выпрямившись, посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты назвал меня лгуньей, — сказала она. — Теперь ты сам — лгун. Ты солжешь, если скажешь, что в глубине души не чувствуешь, что я люблю тебя — вопреки всем моим поступкам.

Спейд отвесил ей короткий ироничный поклон. Белки его глаз покраснели, но больше ничего не изменилось в его потном желчном лице с застывшей на нем улыбкой.

— Допустим, чувствую. И что из того? Я должен тебе доверять? Тебе, которая так мило обвела вокруг пальца своего… моего предшественника Терсби? Тебе, которая хладнокровно, точно муху, прихлопнула Майлза, человека, который не сделал тебе ничего плохого, просто мимоходом, чтобы подставить Терсби? Тебе, которая вертела, как хотела, Гутманом, Кейро, Терсби — раз, два, три? Тебе, которая с первой же нашей встречи не могла и полчаса продержаться без своих фокусов? И я должен тебе довериться? Ну уж нет, дорогуша. Я этого не сделал бы, даже если бы мог. Да и с какой стати?

Она смело встретила его взгляд и так же твердо

парировала:

— С какой стати? Что ж, если ты просто играл со мной, если ты меня не любишь, на это нет ответа. Если бы любил, другой ответ тебе был бы не нужен.

Глаза Спейда налились кровью, его застывшая улыбка превратилась в ужасающую гримасу. Хрипло откашлявшись, он сказал:

— Какой смысл сейчас зря молоть языком. — Он положил руку ей на плечо. Рука немного дрожала. — Неважно, кто кого любит, я не стану твоей марионеткой и не разделю участь Терсби и остальных болванов. Ты убила Майлза, и ты за это ответишь. Я мог бы тебя спасти, отпустив остальных и придумав какую-то убедительную версию для полиции. Но уже слишком поздно. Теперь я не могу тебе помочь. А если бы даже и мог — все равно не стал бы.

Она положила руку поверх его руки на своем плече.

— Тогда не помогай мне, — прошептала она, — но и не губи! Просто отпусти меня.

— Нет, — сказал он. — Если я не передам тебя копам, когда они явятся сюда, мне конец. Это мой единственный шанс не пойти ко дну вместе с остальными.

— Но ты не поступишь так со мной!

— Я не буду твоей марионеткой.

— Не говори так, прошу!

Она убрала его руку со своего плеча и поднесла ее к лицу.

— Зачем ты делаешь это со мной, Сэм? Разве мистер Арчер значил для тебя столько же, сколько…

— Майлз, — хрипло сказал Спейд, — был настоящий сукин сын. Я понял это в первую же неделю нашей совместной деятельности, и собирался отделаться от него, как только истечет срок годового контракта. Убив его, ты ни черта мне не навредила.

— Тогда почему же…

Спейд вытащил свою руку из ее руки. Он больше не улыбался и не гримасничал. Его мокрое от пота желчное лицо было жестким, изборожденным морщинами. В глазах горели яростные огоньки. Он сказал:

— Слушай, так у нас ни черта не выйдет. Вижу, ты меня не понимаешь, и вряд ли поймешь, но я все-таки попробую еще раз. Слушай. Когда у тебя убивают напарника, ты обязан что-то с этим сделать. Не имеет значения, как ты к нему относился. Он был твоим напарником, и ты

обязан что-то с этим сделать. Вторая причина — мы оба были детективами. А когда убивают кого-то в нашем бизнесе, нельзя позволить убийце избежать возмездия. Это повредит и нашей профессии, и каждому сыщику во всем мире. В-третьих, я — детектив и профи. И ожидать, что я выслежу преступника, а потом отпущу на все четыре стороны, это все равно, что убедить собаку, поймавшую кролика, разжать пасть. Это, конечно, возможно, и порой так и происходит, но это противоестественно. Единственный способ, которым я мог бы обеспечить твою свободу — дать улизнуть Гутману, Кейро и парнишке. Но это было бы…

— Ты это не всерьез, — прервала его девушка. — Не жди, что я поверю, будто все это — достаточные причины, чтобы отправить меня в…

— Дай мне закончить, а потом можешь говорить. В-четвертых, какие бы чувства я сейчас ни испытывал, я никак не могу отпустить тебя, не угодив на виселицу со всей честной компанией. В-пятых, даже ангелы небесные не могли бы убедить меня, что если я тебя отпущу, и мне это сойдет с рук, ты не заложишь меня или не подставишь в любой момент, когда решишь, что тебе это выгодно. Сколько уже причин, пять? Шестая

— поскольку у меня тоже есть компромат на тебя, я не могу быть уверен, что ты не пристрелишь меня ради собственной безопасности. Седьмая — я не смогу жить, если останется хоть крошечное подозрение, один шанс из ста, что ты провела меня, как мальчишку. Восьмая… а, впрочем, достаточно. Все остальные причины более-менее сходны. Некоторые могут быть не такими уж и важными. Не будем об этом спорить. Но оцени их количество! А что мы имеем в качестве противовеса? Лишь то пустячное обстоятельство, что ты, может быть, любишь меня, а я, может быть, люблю тебя.

— Ты знаешь, — шепнула она, — знаешь наверняка, любишь ты меня или нет.

— Нет, не знаю. Ты кому угодно вскружила бы голову. — Он окинул жадным взглядом ее фигуру с головы до ног и снова заглянул ей в глаза. — Но я не знаю, люблю ли я тебя. Кто вообще может быть уверен в подобном? А даже если и люблю, что из того? Может быть, я разлюблю тебя через месяц. Я уже проходил через это — и это никогда не длилось долго. И что меня ждет? Я почувствую, что остался в дураках. И если меня еще и схватят, то я буду уверен, что остался в дураках. А если я сдам тебя, то, конечно, буду чертовски сожалеть

— меня ждут кошмарные ночи — но это пройдет. Слушай, — Спейд взял ее за плечи и наклонился, нависая над ней. — Если это тебя не убеждает, забудь все, что я наговорил, и уясни хорошенько одно: тебе меня не соблазнить, хотя все во мне желает плюнуть на последствия и поддаться тебе, но ты, черт возьми, с самого начала собиралась окрутить меня так же, как окрутила других.

Он убрал руки с ее плеч и позволил им безвольно вытянуться вдоль тела.

Она обхватила его лицо ладонями и снова притянула к себе.

— Посмотри на меня, и скажи правду, — велела она. — Ты поступил бы так со мной, если бы сокол не оказался подделкой и ты получил бы свои деньги?

— Теперь-то к чему об этом говорить? И, между прочим, не думай, что я такой уж пройдоха, каким выгляжу. Подобная репутация может сослужить хорошую службу — обеспечить выгодный заказ и облегчить борьбу с противником. — Она молча продолжала смотреть на него. Он передернул плечами и сказал: — Ну, хороший куш стал бы, по крайней мере, дополнительным грузом на другой чаше весов.

Она приблизила лицо к его лицу. Ее рот был

слегка приоткрыт, губы призывно дрогнули. Она прошептала:

— Если бы ты меня любил, ничего другого на этой чаше не потребовалось бы.

Спейд стиснул зубы и выдавил сквозь них:

— Я не буду твоей марионеткой.

Она медленно прильнула губами к его губам, обвила его шею руками и скользнула в его объятия.

* * *

Она все еще прижималась к нему, когда в дверь позвонили. Продолжая левой рукой обнимать Бриджит О'Шонесси, Спейд распахнул входную дверь. На пороге стояли лейтенант Данди, детектив-сержант Том Полхаус и еще два детектива. Спейд сказал:

— Привет, Том. Задержали их?

Полхаус кивнул:

— Задержали.

— Отлично. Входите. Вот вам еще для полного комплекта. — Он подтолкнул девушку вперед. — Она убила Майлза. И у меня тут полный вагон вещественных доказательств — пистолеты мальчишки, одна из пукалок Кейро, черная статуэтка, из-за которой заварилась вся эта каша,

и тысячедолларовая банкнота, которой меня намеревались подкупить.

Он посмотрел на Данди, сдвинул брови, наклонился, чтобы хорошенько разглядеть выражение лица лейтенанта, и расхохотался.

— Что, черт возьми, случилось с твоим дружком, Том? Он как будто убит горем. — Спейд засмеялся снова. — Боже правый, должно быть, выслушав историю Гутмана, он решил, что я наконец-то у него в руках.

— Прекрати, Сэм, — проворчал Том. — Мы и не думали…

— Черта лысого он не думал, — язвительно сказал Спейд. — У Данди сразу потекли слюнки, и он помчался сюда. Хотя у тебя-то хватило здравого смысла сообразить, что я обвел Гутмана вокруг пальца.

— Прекрати, — снова буркнул Том, с беспокойством поглядывая на своего начальника. — И, кстати, показания давал не Гутман, а Кейро. Гутман мертв. Малец как раз закончил его дырявить, когда мы приехали в гостиницу.

Спейд кивнул:

— А чего же он ожидал?

* * *

В десятом часу утра в понедельник Спейд зашел в свой кабинет. Эффи Перин отложила газету и вскочила с кресла за его столом. Он сказал:

— Доброе утро, ангелочек.

— Это правда — то, что написано в газетах? — спросила она.

— Да, мэм.

Он швырнул шляпу на стол и уселся. Его лицо было бледным, но веселым и энергичным, а глаза, хоть и покраснели немного, смотрели ясно. Карие глаза девушки были распахнуты до предела, а рот искривлен в странной гримасе. Она стояла у стола, глядя на Спейда сверху вниз. Он поднял голову и ухмыльнулся.

— Вот тебе твоя хваленая женская интуиция, — съязвил он.

Ее голос был таким же странным, как и выражение на лице.

— Ты смог так поступить с ней, Сэм?

Он кивнул.

— Твой Сэм — детектив и профи. — Он пристально посмотрел на нее. Он обнял ее за талию, затем ладонь соскользнула на бедро. — Она прикончила Майлза, ангелочек, — мягко сказал

он. — Мимоходом, вот так. — Он прищелкнул пальцами другой руки. Эффи Перин вырвалась, будто его прикосновения причиняли ей боль.

— Пожалуйста, не трогай меня, — надломленно сказала она. — Я знаю, знаю, что ты прав. Ты прав. Но не трогай меня, не надо, не сейчас.

Лицо Спейда стало таким же белым, как его воротничок. Нетерпеливо задергалась, лязгая, ручка входной двери. Эффи Перин тут же развернулась и поспешила в приемную, закрыв за собой дверь. И когда она снова вошла в кабинет, тоже плотно закрыла ее за собой.

— Здесь Айва, — произнесла она тихо, безо всякого выражения.

Спейд, глядя в столешницу, кивнул.

— Понятно, — сказал он, и его передернуло. — Что ж, пусть войдет.